

ВАСИЛИЙ ПОТТО

КАВКАЗСКАЯ ВОЙНА

От древнейших времен до Ермолова

Ермоловское время

Персидская война 1826—1828 гг.

Турецкая война 1828—1829 гг.

Время Паскевича, или Бунт Чечни

Василий Александрович Потто

Кавказская война. В очерках, эпизодах, легендах и биографиях

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=9810666

*В. А. Потто. Кавказская война. В очерках, эпизодах, легендах и биографиях: Центрполиграф; Москва; 2014
ISBN 978-5-227-05635-1*

Аннотация

Фундаментальный труд выдающегося военного историка, генерала русской армии В. А. Потто охватывает период Кавказской войны с начала XVI века по 1831 год. Многие годы автор разыскивал и собирал разрозненные документы и материалы с одной целью – извлечь из забвения и связать в одно стройное повествование драматические и героические события, которые, развиваясь и усиливаясь, определили совершенно особую роль Кавказской войны в нашей истории.

Содержание

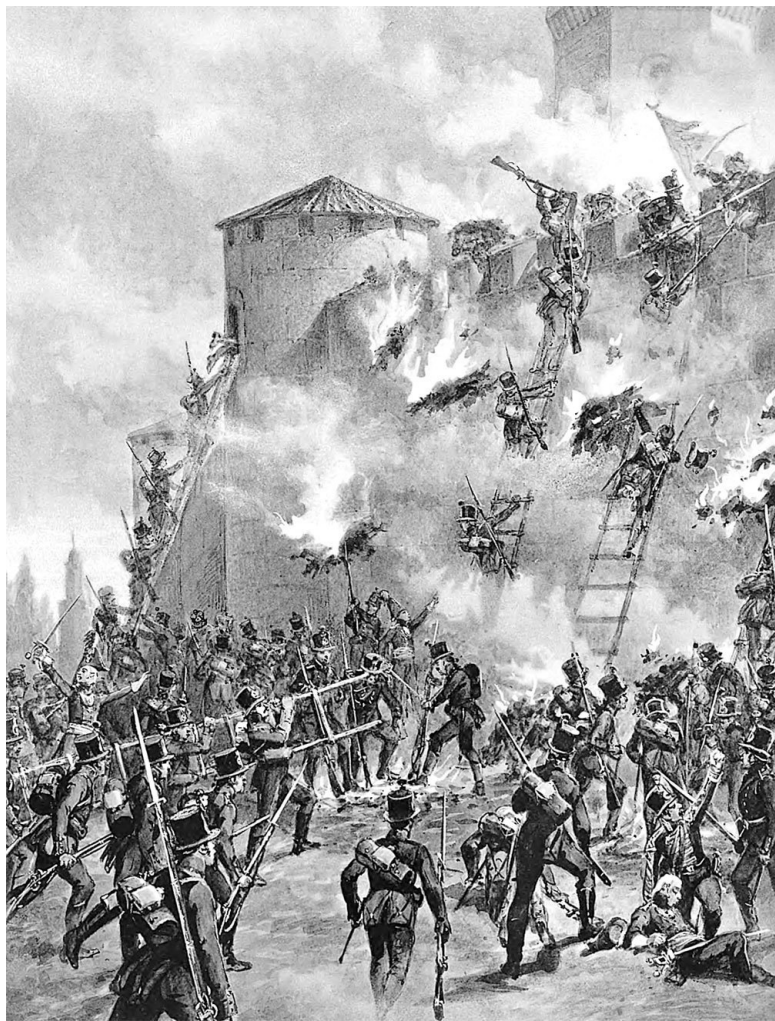
ОТ ДРЕВНЕЙШИХ ВРЕМЕН ДО ЕРМОЛОВА	7
ВВЕДЕНИЕ	8
КАВКАЗ	10
I. КАВКАЗ ДО ПЕТРА	15
II. ПЕТРОВСКИЕ ПОХОДЫ	32
III. КАВКАЗ ОТ ПЕТРА ДО ЕКАТЕРИНЫ II	50
IV. ГЕНЕРАЛ МЕДЕМ	77
V. ПОДВИГ ПЛАТОВА	99
VI. ГЕРОЙСКАЯ ОБОРОНА НАУРСКОЙ СТАНИЦЫ В 1774 ГОДУ	112
VII. НЕУДАЧНЫЙ ПОХОД ТОТЛЕБЕНА В ГРУЗИЮ	117
VIII. ГЕНЕРАЛ ЯКОБИ	133
IX. СУВОРОВ НА КАВКАЗЕ	145
X. ДОНСКИЕ ГУЛЕБЩИКИ	163
XI. ГРАФ ПАВЕЛ СЕРГЕЕВИЧ ПОТЕМКИН	179
XII. ШЕЙХ-МАНСУР	192
XIII. ЗАКАСПИЙСКАЯ ЭКСПЕДИЦИЯ	217
XIV. ГЕНЕРАЛ-АНШЕФ ТЕКЕЛЛИ	225
XV. БЕДСТВЕННЫЙ ПОХОД БИБИКОВА НА АНАПУ	235
XVI. НАШЕСТВИЕ БАТАЛ-ПАШИ	250
XVII. ГРАФ ГУДОВИЧ	269

ЗА КАВКАЗОМ	284
I. ГРУЗИЯ В ЕЕ ИСТОРИЧЕСКОМ ПРОШЛОМ	285
II. ЭПОХА ПЕРСИДСКОГО ВЛАДЫЧЕСТВА В ГРУЗИИ	319
III. ЗАНЯТИЕ ТИФЛИСА РУССКИМИ В 1783 ГОДУ	354
IV. ПОСЛЕДНИЕ БЕДСТВИЯ ГРУЗИИ	371
V. ПЕРСИДСКИЙ ПОХОД ЗУБОВА	393
VI. ПРИСОЕДИНЕНИЕ ГРУЗИИ	407
VII. КНЯЗЬ ЦИЦИАНОВ	433
Конец ознакомительного фрагмента.	461

Василий Потто
Кавказская война. В
очерках, эпизодах,
легендах и биографиях

© ЗАО «Издательство Центрполиграф», 2014

* * *

ОТ ДРЕВНЕЙШИХ ВРЕМЕН ДО ЕРМОЛОВА

ВВЕДЕНИЕ

Перед читателем начало обширного труда, охватывающего историю всех событий Кавказской войны с первых ее моментов до окончательного покорения Кавказа.

Автор не имел в виду написание специального военно-научного сочинения. Цель его – популяризировать историю Кавказской войны, дать в общедоступном изложении ряд рассказов, легенд, эпизодов и биографий, расположенных в хронологическом порядке, которые могли бы вполне ознакомить не только с внешней стороной вековой кавказской борьбы, но и с внутренней, насколько эта последняя отразилась в легендах, солдатских песнях, в рассказах товарищей и тому подобное.

Автор не претендует сказать что-либо новое о Кавказской войне. Его дело, потребовавшее много лет упорного труда, состояло почти исключительно в том, чтобы извлечь из забвения и связать в одно стройное изложение многочисленные, в разных местах разбросанные материалы, малодоступные для обыкновенного читателя.

Указание в самом тексте источников, которыми пользовался автор, в сильной степени увеличило бы объем книги. Важнейшие из них указываем здесь: акты Кавказской археографической комиссии, сочинения о Кавказе Берже, Дубровина, Попки, Фадеева, Зиссермана, Короленко и др. Истори-

ческие журналы «Русская старина» и «Русский архив», «Военный сборник», газета «Кавказ» и другие периодические издания, просмотренные автором с начала нынешнего столетия.

Целью автора было выдвинуть в его истории на первый план человека как важнейший элемент войны, его подвиги, его страдания, успехи и неудачи. Автор смеет надеяться, что его описание Кавказской войны будет иметь военно-воспитательное значение, что выдвинутые им в яркой перспективе боевые предания Кавказа, примеры беззаветного мужества и честного исполнения долга перед отчизной не останутся без влияния на развитие духа доблестей в военном сословии, каковым по державной воле русского царя, со времени всеобщей воинской повинности, стал, в сущности, весь русский народ. Гуманные чувства, руководящие современными обществами, не должны исключать того военного духа, без которого – пока войны будут злом неизбежным – невозможна историческая жизнь народа и выполнение им его исторических задач.

КАВКАЗ

Кавказ! Какое русское сердце не отзовется на это имя, соединенное кровной связью и с исторической, и с умственной жизнью нашей родины, говорящее о неизмеримых жертвах ее и в то же время о поэтических вдохновениях. Много ли есть русских семей, на которых Кавказ в долговременных войнах его не отразился бы невозвратной утратой, и кто же вспомнит об этой утрате иначе чем с гордым сознанием исполненного долга перед великой отчизной, выславшей своих сынов на горный рубеж Азии не на истребительское дело войны, а на вечное умиротворение края, с незапамятных времен бывшего ареной грозных столкновений народов. Кавказская война окончилась, великая цель достигнута. Но Русь, уже не тревожимая более громами постоянной войны, не забудет героев своих, обнаруживших на Кавказе беззаветное мужество и преданность родине, без которых немыслимо было бы покорение воинственного и природой защищенного края, покорение исторически необходимое, вынужденное настоятельными государственными потребностями России.

Достаточно вспомнить старую историю Кавказа, в незапамятные времена уже привлечшего к себе искателей золотого руна, достаточно беглого взгляда на географическое положение Кавказского перешейка, лежащего между двумя морями и между Юго-Восточной Европой и Юго-Западной Азией —

двумя главными путями, которыми азиатские народы совершали свои передвижения в Европу, чтобы понять тот фатум, который неизбежно рано или поздно приводил русский народ к столкновению с Кавказом. Недаром владычества над ним попеременно искали и оспаривали друг у друга многочисленные народы и государства: с запада – греки, македоняне, римляне, византийцы, наконец, турки; с юга – персы, арабы, монголы; с севера – скифы, аланы, готы, хазары, гунны, авары, половцы, печенеги, наконец, русские. Кавказ был ключом, без которого невозможно было овладеть обширными равнинами и запереть их от вторжений все новых и новых племен и народов.

Возраставший северный великан, Русское государство, имел перед собой трудные задачи. Как племя, имевшее великое историческое будущее, русский народ, по историческому закону, о котором говорит основатель научной географии Риттер, естественно и неизбежно, хотя бы бессознательно, инстинктивно, должен был стремиться «к мировому морю», вообще на простор сношений с другими народами. Но север был суров и негостеприимен, и еще до Рюрика и Олега проложен был славянами путь в южные моря, «в греки». Но юг, к которому стремилось почуявшее свои силы Русское царство, представлял собой обширные степи, по которым невозбранно передвигались народы, не давая даже установиться границам Московской земли и держа в постоянной войне и опасности порубежное население. Возникше-

му отсюда единственному явлению людского мира, казачеству, естественно, предстояли те же задачи, что и всему Русскому государству, — найти границы, которые можно было бы защищать. Но вплоть до Кавказа — не было границ. И когда монгольские царства стали не повелителями Руси, а ее покоренными владениями, когда Русь овладела всей Волгой и дошла до Каспийского моря, казачество скоро утвердилось на восточном побережье Каспия, в приморском Дагестане, а затем под крепкой помощью и защитой Московского царства провела линию городов и станиц, вечно вооруженных и готовых к защите, от одного моря до другого, и положила этим предел неожиданным и безнаказанным вторжениям в пределы России со стороны Кавказа.

Но Кавказ был населен воинственными, гордыми и свободлюбивыми племенами, осадками народов, поочередно занимавших подножия гор, и России предстояла еще вековая упорная борьба, из которой победителем мог выйти только народ и никакое государство. Казаки и другие войска, пришедшие туда, действительно и были всегда «не войском, делающим только кампанию, а скорее воинственным народом, созданным Россией и противопоставленным ею воинственным народам Кавказа», как сказал некогда один из блестящих военных писателей. Среди постоянной опасности и войны этот «войско-народ» десятилетиями закалялся в беззаветном мужестве, беспримерном в истории и напоминающем разве только римские легионы, посланные Вечным го-

родом внести римскую цивилизацию в леса и горы Германии и Британии, умирающие или достигающие своих целей, одинокие среди враждебных племен, распространяющие римскую власть и римскую мысль из какого-нибудь маленького укрепления.

Нужно сознаться, что русское общество, не только гражданское, но даже и военное, мало знакомо с величественной эпопеей Кавказской войны, с тем духом сказочно-героических подвигов, который красной нитью проходит через всю вековую историю кавказского завоевания. Там сотня человек, мужественно противостоящая тысячам и побеждающая или умирающая до одного человека; там генерал, одним словом побуждающий на подвиги и дающий пример героической смерти своим солдатам; там солдат, с трогательной простотой сознательно отдающий жизнь за общее дело и не подозревающий, что он совершает нечто необыкновенное. И этим духом были проникнуты не единицы, а вся масса кавказских войск.

«Тут прошли целые поколения героев, – говорит Соллогуб, – тут были битвы баснословные. Тут сложилась целая летопись молодецких подвигов, целая изучастная русская «Илиада», еще ожидающая своего песнопевца. И много тут в горном безмолвии принесено безвестных жертв, и много тут улеглось людей, коих имена и заслуги известны только одному Богу. Но все они, прославленные и незамеченные, имеют право на нашу благодарность».

Русский народ может гордиться кавказским солдатом, примером того, до какой высоты может подниматься нравственная сила русского человека. И если мы еще в детстве узнаем и учимся уважать имена героев древности, то не дороже ли для нас память наших собственных героев. Конечно, вся Россия знает таких людей, как князя Цицианов, Ермолов, Котляревский, но многим ли известны скромные имена Карягина, Гулякова, Монтрезора, Овечкина, Щербины и многих, многих других – людей, не высоких чинами, но великих своим героизмом и самопожертвованием.

Пусть лежащая перед читателем история Кавказской войны увековечит память тех, чьи заслуги мы должны помнить и чтить.

I. КАВКАЗ ДО ПЕТРА

Сношения России с Кавказом начинаются с отдаленнейших времен нашей истории, когда, по выражению поэта, мы «Византию громили и с Косогов брали дань...».

Летописи рассказывают нам о грозных битвах Святослава на берегах Кубани, о единоборстве Мстислава с черкесским князем Редедей, о браке сына Андрея Боголюбского с Тамарой. Но, минуя эти сказания седой старины, мы должны перейти прямо к тем исторически достоверным известиям о Кавказе, которые появляются в первый раз только в царствование Ивана III и его внука Грозного.

Известно, что в XVI веке Каспийское море и Волга связывали в один политический мир все мусульманские царства, лежавшие по этому бассейну от Персии до устьев Оки. Когда русский народ окончательно разорвал монгольские цепи и стал на развалинах царств Казанского и Астраханского, он захватил в свои руки многоводную Волгу, а Волга, естественно, должна была вывести его в пустынное Каспийское море. Это море было тогда без хозяина, не имело даже у себя кораблей, но по берегам его стояли многолюдные города и жили промышленные и богатые народы. Тем временем русское казачество, стремившееся все к новым и новым окраинам, скоро поставило там свои передовые форпосты и проникло далеко за Терек, в самую землю *шавкала*, или *шевка*-

ла, как называли у нас тогда *шамхала* Тарковского, владельца большой части Дагестана, прилегающей к западным берегам Каспийского моря.

Поводом к этому послужило следующее обстоятельство, как рассказывает об этом историк Терского войска.

Когда великий князь московский Иван III – собиратель русской земли – разгневался на молодечество рязанских казаков и пригрозил им наказанием, казаки Червленного Яра поднялись большой станицей, сели на струги с семьями и животами и выплыли весенним половодьем на Дон, оттуда перебрались в Волгу и пустились к недосыгаемому московской погоней убежищу – к устьям Терека. В этом глухом уголке Восточного Кавказа существовало тогда полуторговое, полуразбойничье местечко Тюмень, о котором будет сказано ниже. Не подлежит сомнению, что удалая станица Червленный Яр направлялась именно к этому притону, но предание не объясняет, по каким обстоятельствам она там не осела, а двинулась вверх по Тереку к пятигорским черкесам, нынешним кабардинцам, вступила с ними в тесный союз и поселилась в предгорьях Кавказского хребта, там, где впадает Аргуна в Сунжу. С этого времени первые русские поселения на Кавказе становятся исторически известными под именем гребенских, то есть горных казаков. Московскому государству было небезвыгодно поддерживать своих колонизаторов. К тому же единоверная Грузия молила московского царя о помощи. Кабардинцы, верные союзники наши во всех

походах против крымского хана, также просили о принятии их в Московское подданство, а брак московского царя с черкесской княжной Марией Темрюковной еще более упрочивал эти взаимные дружественные связи. Пользуясь благоприятными обстоятельствами, Московскому царству было естественно хлопотать о распространении своего торгового и политического господства в Кавказском крае. Существует предание, что царь Иван Васильевич Грозный допустил к себе приезжавших с Терека в Москву гребенских стариков и уговаривал их жить в мирном согласии, обещая пожаловать за это Терек. Вот как рассказывает об этом событии одна старинная казачья песня:

Не серые гуси в поле гогочут,
Не серые орлы в поднебесьи клокочут,
То гребенские казаки перед царем гуторят,
Перед грозным царем Иваном Васильевичем.
Они самому царю-надеже говорят:
«Ой ты батюшка наш православный царь,
Чем ты нас подаришь, чем пожалуешь?»
«Подарю я вас, казаченьки, да пожалую
Рекой вольной, Терек-Горынычем,
Что от самого гребня до синя моря,
До синего моря до Каспийского».

По приказанию царя поставлена была тогда на Терек, при впадении в него Сунжи, Терская крепость, и царь, отдавая ее

гребенцам, повелел им «служить свою службу государскую и беречи свою вотчину кабардинскую». Все это были факты далеко не утешительные для тогдашнего мусульманского мира. Восточные историки говорят о паническом страхе, обувшем мусульман каспийского побережья, когда они узнали о падении Казани и Астрахани. Связанные близкими сношениями с этими странами, они с минуты на минуту ожидали собственной гибели – и были правы. Если уже казацкие атаманы распоряжались тогда как хотели по всему каспийскому побережью, то для московского царя не было бы слишком мудреным делом покорить расположенные на нем мусульманские царства.

К сожалению, скоро наступили мрачные дни царствования Иоанна Грозного, и русские интересы на Кавказе отошли на некоторое время в сторону. Правда, в это время русские все-таки вышли к Каспийскому морю, но ограничились уже только тем, что при устьях Терека заложили укрепленный городок Тюмень, или Терки. И это было опять казацкое дело.

Предание говорит, что три атамана донских и волжских казаков, навлекших на себя царскую опалу, в 1579 году совещались в низовье Волги, куда им укрыться от царского гнева. Старший из них, Ермак Тимофеевич, потянул на север, к именитым людям Строгановым, и сделался завоевателем царства Сибирского, остальное казачество выплыло в море и, разбившись на два товарищества, направилось к Яику, а большинство – к тому же Тереку, в глухое приволье тюмен-

ского владения, где с давнейших пор заведен был разбойничий притон для всех воровских казаков. Там они остановились и построили свой трехстенный городок, названный Терки, куда и стали собирать к себе кабардинцев, чеченцев, кумыков и даже черкесов. Разноплеменная смесь всех этих элементов впоследствии и образовала из себя правильное Терское войско. В то время как казаки укреплялись в Терках, основанная царем Терская крепость на Сунже вскоре была уничтожена в угоду турецкому султану, но дело от того, в сущности, не изменилось, так как место, где она стояла, продолжало служить постоянным притоном бродяг и удальцов, селившихся здесь без ведома царя и занимавшихся разбоями. Впоследствии они испросили себе прощение Ивана Грозного и, присоединившись к Терскому войску, обязались охранять наши пограничные владения.

С этих пор мысль о господстве на Кавказе становится как бы наследственной в русской истории. Даже мирный царь Федор продолжал политику своего отца. Он восстановил Терскую крепость при Сунже и думал заложить новую крепость Койсу, уже на самом Сулаке, под видом ограждения наших владений, а в сущности, с тем, чтобы угрожать самому шамхалу, бывшему непримиримым врагом иверийского царя Александра.

В 1586 году послы этого царя были в Москве и «били челом, чтобы единственный православный государь принял их народ в свое подданство и спас их жизнь и душу». Москва

и Иверия согласились тогда действовать вместе, чтобы сделать шамхалу «великое утеснение», отняв у него столичный город Тарки и посадив туда на шамхальство Александрова свата.

Весной 1594 года русское войско, собранное в Астрахани в числе двух тысяч пятисот человек, под начальством воеводы Хворостина, двинулось на Терек и, усилившись здесь терскими и гребенскими казаками, пошло на реку Койсу. Эта Койса, нынешний Сулак, и была назначена пунктом для соединения с иверийским войском.

Шамхал с тарковцами, кумыками и ногайцами встретил русских на реке Койсе, но не удержал переправы и отступил к Таркам. Город Тарки, расположенный амфитеатром по скату скалистой горы близ берега Каспийского моря, не имел особенно сильных укреплений, и взять его не стоило русским большого труда. Но удержаться в нем было трудно. Шамхал был сторонником выжидательного способа ведения войны и следовал дагестанскому правилу «ловить скорпиона за хвост». Воевода начал укреплять Тарки. Но от усиленных работ в жаркие летние дни и от недостатка продовольствия в его войсках начала развиваться лихорадка. Шамхал держал русских в блокаде, сперва широкой, а потом более и более тесной. Встревоженный Дагестан каждый день высылал к нему новые подкрепления, и наибольшую поддержку давал при этом сильный аварский хан, находившийся в родстве с тарковскими шамхалами. Осажденные изнурялись в посто-

янных битвах и все ждали прибытия грузинской рати, но она не приходила, а что еще важнее – не являлся сват кахетинского царя, которого следовало посадить в Тарках на шамхальство. Храбрый воевода, видя себя в безнадежном и бесцельном положении, решился наконец бросить свое завоевание и отойти обратно на Терек. Но отступление в виду громадных неприятельских скопищ и с большим числом своих больных и раненых, которых нельзя было бросить, требовало чуть ли не большей решимости и отваги, чем наступательное движение в глубину незнакомых гор. Составили совет, на котором недолго спорили, и выступили скрытно ночью, бросив в добычу лукавому «шавкалу» все лишние тяжести. Благодаря азиатской сонливости врагов воеводе удалось уйти на довольно большое расстояние. Но та же темнота осенней ночи, которая оказала покровительство началу похода, явилась предательницей для его продолжения. Проглянувшая в тумане предрассветная луна показала роковую ошибку: отряд сбился с дороги и зашел к болотистому низовью речки Озени. Гребенцы бросились во все стороны и отыскали ногойский кош, из которого привели мальчика-пастуха, не успевшего спрятаться вместе со взрослыми. Пока с его помощью выбирались на чистую дорогу, наступил день. Отступавших стали настигать толпы неприятельской конницы, которая с разных сторон завязывала бой с визгом и криком, а вдали, позади нее, в грозном безмолвии поднимались облака пыли от тяжело двигавшихся главных сил шамхаловой

рати. Отбивая наседавшую конницу, русские ускоряли ход и бросали тяжелый наряд и повозки. Бросали и тяжелобольных, и раненых. Тарковцы и аварцы накидывались на них, как голодные волки, и их отчаянные вопли надрывали сердца московских ратников. В полдень надвинулась вся сила басурманская. Нападение вели муллы с поднятыми над головами свитками и с завыванием огненных стихов из Корана. Русские упорно отбивались, то останавливаясь и строясь «в кольцо», то вновь двигаясь и устилая путь каждого перехода телами убитых и раненых, своих и неприятельских. Только на закате солнца русским удалось добраться до Койсу, где наступившая ночь и обоюдное истощение сторон прекратили битву. Воевода Хворостин пережил свое несчастье и привел обратно на Терек едва четвертую часть своего отряда.

«Было ясно, – говорит историк Соловьев, – что Московское государство в конце XVI века еще не могло поддерживать таких отдаленных владений, но тем не менее царь Федор принял тогда же титул «государя земли Иверской, грузинских царей и Кабардинской земли, черкесских и горских князей».

Царь Борис не хотел оставить дело, начатое Федором Иоанновичем, и спустя десять лет, в 1604 году, вновь двинул на Терек сильные полки из Казани и Астрахани с воеводами Бутурлиным и Плещеевым. Опять условлено было с иверским царем, чтобы его грузинская рать выслана была на соединение с русской для совместного действия, и опять гру-

зины не пришли, потому что были взяты шахом на его «кизилбашскую службу». Тем временем русские воеводы с десяти тысячным отрядом выступили от устьев Терека и, подвигаясь твердым шагом на Тарки, поставили крепости на Сулаке и Акташе. Отдельные части отряда производили поиски в Эндери, Исти-Су и по другим направлениям, забирая у жителей хлеб, скот и корм для коней. Кумыкская плоскость, казалось, была вся во власти русских, но более воинственное население уходило к шамхалу под Тарки с враждой и злобой за причиненное ему разорение. Тогдашний шамхал, этот митридат для московских воевод, уклонялся от полевых действий и сосредоточивал свои силы в Тарках, оборона которых была приведена им в лучшее положение благодаря указаниям, оставленным Хворостинным.

Прождав бесполезно долгое время подкреплений, обещанных из Грузии, воеводы подошли наконец к шамхаловой столице и, разделившись на две колонны, повели приступ. Старый Бутурлин, славившийся своей доблестью, шел со стрельцами; Плещеев – с боярскими детьми и казаками: донскими, яицкими, терскими и гребенскими. Перед штурмом войска целовали крест и выслушали речь, в которой напоминалось им о костях братьев, здесь polegших, и о русской крови, вопиявшей об отмщении. И стрельцы, и боярские дети, и казаки пошли на приступ с воодушевлением и овладели городом. Городские улицы и площади были устланы неприятельскими телами, а сам шамхал бежал к аварскому хану.

Этот шамхал был уже дряхлый старик, почти лишившийся зрения, и потому, удалившись в столь трудную годину от дел, предоставил теперь шамхальствовать и действовать против русских сыну своему Султан-Муту, славившемуся военными способностями.

Овладев Тарками, Бутурлин стал возводить новую крепость. Наступившее позднее время года скоро, однако, приостановило работы, а недостаток жизненных припасов заставил воеводу отпустить половину стрелецких полков на зимовку в Астрахань. Войско, оставшееся в Тарках, должно было испытать в продолжение зимы многие лишения, а между тем предприимчивый Султан-Мут успел поднять весь Дагестан. Чтобы возбудить и население Кумыкской плоскости, он двинулся с громадным скопищем на русский острог, поставленный на Сулаке. Стоявший здесь с небольшим отрядом князь Владимир Долгоруков, не имея запасов, чтобы выдержать осаду, зажег свое деревянное укрепление и отступил к Тереку. Тому же примеру последовал и острожек на Акташе. Ободренный таким успехом, шамхал подступил со всей своей силой к Таркам и потребовал, чтобы воеводы, очистив его столицу, также отошли на Терек. За последовавшим со стороны воевод отказом начались жестокие битвы. Неприятельской рати собралось из кумыкских владений, аварских и других лезгинских обществ более двадцати тысяч, но, не довольствуясь этим, новый шамхал обратился за помощью к туркам и ждал прибытия их вспомогательного отряда из Дер-

бента. Воеводы хотя и тревожились возможностью столкновения с турками, не бывшими в войне с Московским государством, но продолжали твердо отстаивать свое завоевание. Наконец часть крепостной стены, за которой дрались русские, была разрушена, а вслед за тем и каменная башня, взорванная осаждающими, взлетела на воздух, похоронив под своими развалинами лучшие дружины московских стрельцов. Еще не смолк гул этого страшного взрыва, как Султан-Мут уже повел свою пехоту на приступ. Русские не дрогнули и отбили нападение со страшным для неприятеля уроном. Однако же и сами они потеряли много людей. Истощенные стороны решились наконец вступить в переговоры. Русские воеводы требовали, чтобы шамхалова рать отошла от Тарков и дала им свободное отступление за Сулак, не поднимая оружия; чтобы шамхал принял на свое попечение тяжелобольных и раненых, которых придется покинуть в Тарках, а по выздоровлении отпустил бы их в Терки; наконец, чтобы в обеспечение договора он дал воеводам в аманаты своего сына, который последовал бы с русским войском в Терки и находился бы там, доколе последний русский человек не будет отпущен из Тарков.

Соглашаясь на эти условия, шамхал, со своей стороны, потребовал, чтобы воевода Бутурлин оставил ему в заложники сына, который находился при нем и выдавался своим удальством из всех боярских детей, и чтобы русские не ходили никогда большой войной на Тарки. После решительного от-

каза Бутурлина принять эти два предложения шамхал от них отступился, но остальной договор утвердил и сына в аманаты выдал.

Оставив всех своих тяжелобольных и раненых на попечение шамхальцев, русские выступили из Тарков с песнями, с грохотом бубнов и потянулись беспечно к Судаку. На радости прошла по рядам лишняя чарка зелена вина. «Мы, – говорит историк Терского войска, – смягчаем в этом месте кумыкское сказание, которое выражается сильнее, но пускай его выражение будет преувеличением». У дагестанцев также был праздник – день Байрама. В шамхальском стане целое утро раздавалась пальба, завывали молитвенные азамы, в дополнение которых имамы сочли приличным украсить великий праздник правоверных достойным ислама делом – разрешением шамхала и его сподвижников от клятвы, данной неверным.

С объявлением этой дагестанской индульгенции последовал шамхальский приказ: взамен военных игр, сопровождающих празднование Байрама, произвести внезапное нападение на отступающих русских на первом же привале и вырезать их до ночи. Случилось, что в этот же день шамхал праздновал свой брак с дочерью аварского хана. К свадьбе, по обычаю, приготовлены были сотни тулуков бузы, которой надлежало угостить всю двадцатитысячную рать, стянувшуюся к Таркам на выручку шамхала. Вся эта сила, разделенная на несколько частей, двинулась укромными местами вслед

за русскими и неожиданно ринулась на них со всех сторон, когда они, перейдя речку Озень, расположились нестройно на привал и беззаботно варили кашу. Вдохновленные хмелем свадебной бузы, неприятельские наездники врезались в русские ряды, не дав им устроиться и воспользоваться преимуществом, которое давал им «огненный бой». Смятение увеличивали все новые и новые неприятельские толпы, стремившиеся одна за другой с длинными кинжалами в руках. Бой был рукопашный; русские сбивались в кучу, не сдавались на делаемые им предложения и резались отчаянно, пока не падал последний человек, «боясь, – как говорит летописец, – не смерти, а плена». Костековское предание, принося дань удивления их твердости, между прочим рассказывает, что воевода Бутурлин, седобородый богатырь, видя неминуемую гибель русской рати, собственноручно изрубил шамхалова аманата в куски, но то был подставной аманат, совсем не шамхалов сын, а какой-то преступник, приговоренный к виселице и только этим подлогом купивший себе помилование. Рассказ вполне вероятный, потому что такие же подлоги с аманатами совершались часто и в ближайшее к нам время.

Почти все московское войско и оба воеводы, Бутурлин и Плещеев, полегли в этой адской свалке, продолжавшейся благодаря русской стойкости несколько страшных часов. Но и дагестанцы понесли весьма чувствительные потери убитыми, в числе которых был и сам шамхал Султан-Мут, прославившийся военными подвигами в походах на Грузию. Бес-

полезно прибавлять, что покинутые в шамхальской столице несчастные больные и раненые русские погибли мучительной смертью, терзаемые по улицам не только мужчинами, но даже малыми детьми и старыми женщинами.

Так закончился этот несчастный, хотя и славный для побежденных поход, стоивший нам от шести до семи тысяч воинов и на целые сто восемнадцать лет изгладивший все следы российского пребывания в землях собственно Дагестана.

На Руси между тем наступила смутная пора самозванцев, и русским уже некогда было думать об отмщении шамхальцам за кровь Бутурлина и за обиду Московскому царству. Даже казачья вольница, тянувшаяся в ту пору к самозванцам и не встречавшая уже в московском царе грозного карателя, от гнева которого нужно было подчас уходить, забыла о Кавказе, и только те казацкие поселения, которые возникли там прежде, стойко держались не только на Тереке, но даже за Терекон, откуда никакие силы чеченцев и кумыков не могли их выбить. Так продолжалось почти до Петра Великого. Существует, впрочем, факт, говорящий о том, что пониженная вольница не совсем еще забыла проторенную дорожку в Дагестанские горы и в эти времена. Есть предание, что в царствование Алексея Михайловича, около 1769 года, знаменитый волжский атаман Стенька Разин приплыл на стругах к берегам Дагестана и произвел такой погром в шамхальских владениях, который живет и поныне в памяти прибрежных жителей. Пытался Степан Тимофеевич добраться тогда

до самого шамхала, засевшего в крепких Тарках, и пробовал даже брать его приступом – да неудачно: тарковцы отбились. Три дня грабил атаман окрестности города, а затем сел на струги и уплыл громить Персидское царство.

Собственно же русская государственная политика на Кавказе была надолго парализована Смутным временем. При первых Романовых Московское государство не стремилось к господству на Кавказе, даже сношения с единоверной Грузией, служившей постоянным поводом к кавказским столкновениям, приняли совершенно иной характер. Напрасно грузинский царь Теймураз слал послов за послами в Московскую землю. Царь Михаил Федорович, занятый строением своего государства, не хотел мешаться в чужие дела, а Грузия между тем стояла на краю гибели. Великий шах Аббас – этот Лев Ирана, как называют его летописи, – вторгся в Кахетию, и цветущая страна обращена была в развалины; он залил ее кровью и спалил ее города, села, монастыри и церкви. Христианство было поругано. Персияне, заставая в церквях проповедников Христа, сжигали их тысячами. Царь должен был бежать в Имеретию. Не скоро оправилась Грузия от этого погрома, а когда оправилась и царь Теймураз снова овладел престолом, взоры ее опять обратились к единоверной России. Московским царством правил в то время уже Алексей Михайлович. Занятый польской войной, царь не мог удовлетворить желания грузинских послов, просивших помощи. Тогда Теймураз решился сам предпринять пу-

тешество и прибыть в Москву, где его приняли радушно, но в помощи ему опять отказали.

Так говорит нам история. Существует, однако, легенда, созданная грузинским народом, которая утверждает иное. Предание это рассказывает, что, когда шах Аббас, повелитель Ирана, в начале XVII века вломился в Грузию и завладел всей Кахетией и большей частью Картли, тогда на помощь грузинскому царю, укrywшемуся с остатками разбитых войск на крепкой позиции около Мцхета, явилась русская подмога с берегов Днепра и Терека. Легенда приурочивает это событие ко времени царствования у нас Алексея Михайловича и придает стрелецкому воеводе и казацкому атаману такие характерные, чисто народные русские черты, которые переносят вас совершенно в иной мир, нежели Грузия, и заставляют верить в действительность того, что создано, быть может, только народной фантазией. Так, во время последней битвы, освободившей Грузию от нашествия иранского завоевателя, воевода обращается к стрельцам со словами: «Ребята! Ляжем костями на месте и не положим бесславия на русское имя по заветному слову наших отцов: мертвые срама не имут». Атаман же говорит своему товариществу: «Утекать, братцы, некуда – сами видите. До Днепра далеко, да там же нет у нас ни жен, ни детей – плакать будет некому. Так уж коли не то, так сложим головы добрым порядком и не покажем бусурманам прорех и заплат на спинах казацких».

В словах русского воеводы характерен не один только склад чисто русского ума, в его уста легенда вкладывает и то «заветное слово отцов наших: мертвые срама не имут», которое занесено в русские летописи, но едва ли могло быть известно грузинам. Не дышат ли, с другой стороны, и слова казацкого атамана той чисто казацкой удалью и бездомностью, тем удивительным и характерным презрением к благам земным, которые так свойственны были казакам и здесь выражаются словами о «прорехах и заплатах на спинах казацких».

Легенда прибавляет, что воевода отошел на Терек с великой честью, казаки же пустили пики за плечо, затагнули песню не то веселую, не то заунывную и отправились напрямик, без всяких дорог, «пошарпать» приморские области Персии.

Кто были этот воевода стрелецкий и атаман казацкий и откуда они приходили – предание не говорит. История, быть может, также никогда не узнает этого. Несомненно одно: внутренняя, духовная связь между Москвой и Грузией не прекращалась и побуждала грузинский народ во дни его бедствий включать русскую помощь там, где ее в действительности, быть может, и не было. Тяготение Грузии к единой Москве – факт далеко не случайный. Ее совершившееся впоследствии присоединение к России и непосредственно связанная с ним борьба России с кавказскими горцами уже виднелись в туманной дали грядущих событий.

II. ПЕТРОВСКИЕ ПОХОДЫ

Император Петр с удивительной проницательностью угадывал все те задачи, которые предстояли России в будущем по ее географическому положению и по историческому прошлому. Прорубая окно в Европу, вводя в страну совершенно новые отношения к европейскому образованию, Петр предвидел и ту громадную роль, которую пришлось впоследствии играть великой империи на дальнем азиатском Востоке. Его политика в Средней Азии, стремившаяся к открытию новых торговых путей с богатой Индией, положила начало всем нашим последующим действиям в Азии. Кавказ представлял первую этапную станцию на этом великом пути развития русских интересов в азиатских странах, и Петру скоро представился повод обратить на него серьезное внимание.

Мы видели уже, что внутренние дела Московского царства надолго уничтожили влияние его на Кавказе, и только казачьи станицы удержались на Тереке и даже за Терекom. Но и им приходилось отстаивать свое существование постоянной упорной борьбой, в которой шансы не всегда бывали на их стороне. Так, в 1707 году Терскому войску пришлось испытать страшный погром от кубанского хана Каиб-султана. С огромным скопищем он напал на казачьи городки и разорил их до основания; множество терцев при этом было убито, еще большее число захвачено в плен. Остатки вой-

ска, однако же, удержались на Тереке, а спустя пять лет сюда же, на левый берег реки, переведено было, уже по приказанию царя, все Гребенское войско, жившее на Сунже. Оно образовало на Тереке пять новых станиц, известных и до настоящего времени своим богатством и многолюдностью. Это были станицы Червленная, Щедринская, Новогладковская, Старогладковская и Курдюковская.

Поводом к этому переселению послужили следующие обстоятельства. Во время несчастного для нас Прутского похода царь Петр Алексеевич приказал казанскому и астраханскому губернатору Петру Матвеевичу Апраксину идти на Кубань, чтобы, с одной стороны, развлечь этим движением турецкие силы, а с другой – наказать татарские племена, делавшие набеги на наше Поволжье. Апраксин в августе 1711 года дошел до Кубани и, разослав свои войска вверх и вниз по течению реки, в несколько дней исполнил возложенное на него поручение, донеся Петру, что он полонил, разорил и пожег все кубанские татарские жилища и забрал у них много богатства, добычи и полону.

На обратном пути домой Апраксин узнал, что двадцать татарских мурз со своими войсками, под общим начальством Чан-Араслана, идут из Саратовского и Пензенского уездов, где грабили и разоряли русские села. Апраксин отрядил против них калмыцкого хана, который отбил весь русский полон и нанес татарам такое поражение, что из трех тысяч всадников остались в живых только один мурза и два простых та-

тарина. Страшное поражение татар подняло на ноги все Закубанье. Семь тысяч кубанцев и черкесов, под начальством Нурадин-султана, кинулись в погоню за Апраксиным и настигли его 5 сентября на реке Чаны. Закипела ужасная сеча, татары снова были разбиты. Калмыки преследовали их за Кубань и возвратились с несметными стадами – до полумиллиона голов. Петр приказал отдать им эту добычу за верную службу.

Во время этого похода губернатор Апраксин впервые узнал кабардинцев и гребенских казаков. Как те, так и другие с великой охотой ходили с ним на Кубань и сослужили ему добрую службу. Тут познакомился он также с положением дел в Кабарде и в крепости Терки. Тыл этой крепости, по низовьям Терека до моря, был достаточно прикрыт терскими казаками, но такого же прикрытия в противоположную сторону, по направлению к Кабарде, не было. Апраксин понял, что такое прикрытие могло бы образоваться из гребенских казаков, если бы это храброе войско, наверстывающее свою немногочисленность превосходными боевыми качествами, не сидело особняком в уединенном мысу между Терком и нижней Сунжей. Надо полагать, что придуманная Апраксиным мера не была противна и собственным видам гребенцев, потому что они беспрекословно приняли предложение его и в том же году переселились на Терек, где поставили в линию пять своих городков в том самом порядке, как они существуют доныне.

Таким образом, казанский и астраханский губернатор Петр Матвеевич Апраксин должен считаться первым основателем Терской кордонной линии, из которой и «развернулась потом от моря до моря Кавказская линия, прославленная столькими подвигами, проходящая сияющей полосой, как Млечный небесный Путь, через всю историю Кавказской войны в текущем столетии». Так выражается историк Терского войска.

С заключением Прутского мира, когда Россия вынуждена была уступить Турции обратно Азов, этот ключ к Черному морю, Петр перенес свои любимые помыслы на каспийское побережье и решился предпринять исследование восточных берегов этого моря, откуда предположил искать торговый путь в Индию. Исполнителем этой могучей мысли был избран им князь Александр Бекович-Черкасский. В 1716 году Бекович отплыл из Астрахани и начал сосредоточивать сильный отряд близ самого устья Яика.

С Кавказа назначены были в этот поход конный пятисотенный полк гребенских и часть терских казаков, преимущественно из инородцев. Они прибыли в Гурьев-городок и здесь долго простояли в бездействии, так как князь Бекович ездил выбирать опорные пункты на Каспийском море и устраивал укрепления Святого Петра, Александровское и Красноводское, поставленные им у мыса Тюп-Караган и у входа в Александровский и Балханский заливы, как на местах более удобных для сообщения с Астраханью.

Только утвердись таким образом на восточном берегу Каспийского моря, русские войска вышли из Гурьева в июне 1717 года и двинулись по необъятным и неведомым среднеазиатским степям по направлению к Хивинскому царству. На дороге, у плотин, заграждавших течение Амударьи к Каспийскому бассейну, требовалось остановиться, чтобы устроить городок и произвести некоторые сооружения, долженствовавшие возратить древнему Оксусу славное некогда течение его к морю Хвалынскому. В народе жило предание, что среднеазиатские ханы отвратили это течение, носившее великие богатства, к пустынному морю Аральскому именно для того, чтобы не дать Руси пробраться в глубину неведомого мира азиатских пустынь.

С такой богатырской миссией князь Бекович-Черкасский шел шесть недель по голодной и безводной степи, сделал до тысячи четырехсот верст и ценой невообразимых лишений достиг наконец озер, образуемых плотинами Амударьи. До этого места только киргизы и туркмены сделали на русских два больших нападения, но едва русский отряд остановился на берегу Амударьи для короткого отдыха, как сам хивинский хан Шир-Гази появился перед ним с многолюдной ратью, конной и пешей, и начал биться «пищальным и лучным боем», продолжавшимся три дня. Казаков за окопами было побито не больше десяти человек, а нападавших хивинцев с киргизами и туркменами полегло больше тысячи. На четвертый день хан вступил в мирные переговоры и клял-

ся на Коране, чтобы против русских не поднимать оружия и быть во всем им послушным. Но едва Бекович, поверивший этой клятве, принял предложение хана посетить Хиву и разделить весь отряд на несколько частей для лучшего снабжения продовольствием, как вероломные хивинцы предательски напали на русских и по частям истребили отряд до последнего человека. Сам Бекович-Черкасский погиб мучительной смертью: с него сняли кожу и, сделав из нее чучело, выставили на позор над городскими воротами.

Пятьсот отборных гребенских бойцов и большая часть терских казаков погибли тогда в руках полудиких варваров, или под ударом предательского ножа, или в цепях тяжкого рабства. Сотни семей осиротели на Тереке, и памятником этого остаются в гребенских городках до сих пор своеобразные фамилии, данные оставшимся при вдовах мальчикам по именам их отцов: Семенкин, Федюшкин и тому подобное. Осенью того же 1717 года четверо случайно ушедших пленных – яицкий казак Емельянов, татарин Алтын, гребенский казак Белотелкин и вожак похода туркмен Ходжа-Нефес – перед Сенатом и в присутствии самого царя передали, что видели и знали о несчастном конце Азиатского похода. Еще известны два станичника, которым, и то уже через многие годы, также удалось вернуться на родину. То были Червленого городка казак Иван Демушкин и Щедрина городка – Петр Стрелков. (Последнего до самой смерти звали Хивинцем, и это прозвище унаследовали и его дети.) Оба они,

переходя от одного басурманского хозяина к другому путем продажи, попали, наконец, в Персию, откуда и убежали уже в старости.

Вот как рассказывал об этом несчастном походе Демушкин.

«До Амударьи, – говорил он, – киргизы и туркмены сделали на нас два больших нападения, да и мы их оба раза как мякину по степи развеяли. Яицкие казаки даже дивовались, как мы супротив их длинных киргизских пик в шашки ходили. А мы как понажмем поганных халатников да погоним по-кабардинскому, так они и пики свои по полю разбросают; подберем мы эти шесты оберемками, да и после на дрова рубим и кашу варим...

За один переход от Хивы хан наконец замирился и просил остановить войска, а самого князя звал в гости в свой хивинский дворец. Собравшись ехать к хану, Бекович взял с собой наших гребенских казаков триста человек, у каких еще были лошади, и мы отправились, прибравшись в новые чекмени и бешметы с галуном, а коней поседлали наборной сбруей. Хива – город большой, обнесенный стеной с каланчами, да только улицы в ней очень уж тесные. У ворот нас встретили знатнейшие хивинские вельможи; они низко кланялись князю, а нам с усмешкой говорили: «Черкес-казак якши, рака будем кушай». Уж и дали же они нам раки, изменники треклятые, трусы подлые, что умеют бить только лежачего. Справивши почетную встречу, повели они нас в город, а там

у них были положены две засады за высокими глиняными заборами. Уличка, где эта ловушка была устроена и по которой мы шли, была узенькая и изгибалась, как змея, так что мы проезжали по два да по три коня, и задним совсем не было видно передних людей за этими кривулями. Как только миновали мы первую засаду, она поднялась и запрудила дорогу и начала палить из пищалей. Наши остановились и не знают: вперед ли, назад ли действовать, а в это время показались новые орды с боков, и давай в нас жарить с заборов, с крыш, с деревьев и из окон домов. Вот в какую западню мы втюрились. И не приведи Господи, какое там началось побоище: пули и камни сыпались на нас со всех сторон, и даже пиками трехсаженными донимали – вот как рыбу, что багрят зимой на Яике. Старшины и пятидесятники с самого начала крикнули: «С коней долой, ружья в руки!» – а потом все подают голос: «В кучу, молодцы, в кучу!» А куда в кучу, коли двум-трем человекам с лошадьми и обернуться негде врастяжку, да и бились же не на живот, а на смерть, поколь ни одного человека не осталось на ногах. Раненые и те отбивались лежачие, не желая отдаваться в полон хивинцам. Ни один человек не вышел тогда из треклятой трущобы: все там полегли, а изверги издевались даже над казацкими телами, отрезали головы и, вздевши их на длинные пики, носили по базарам. Самого Бековича схватили раненого, поволокли во дворец и там вымучили у него приказ к отряду, чтобы расходился малыми частями по разным аулам. А когда войска

разошлись таким глупым порядком, то в ту пору хивинцы одних побили, других разобрали по рукам и повернули в Ясыри. С самого Бековича, после лютых мук, с живого содрали кожу, приговаривая: «Не ходи, Девлет¹, в нашу землю, не отнимай у нас Амударьи-реки, не ищи золотых песков...»

Народная легенда прибавляет, что даже Терек-Горыныч, слушая простодушный рассказ вернувшегося из плена гребенца, вдался в порыв отчаянной горести. «По ком плачешь, Терек-Горынович?» – «По гребенским моим по казаченькам. Как-то я буду за них ответ держать перед грозным царем Иваном Васильевичем!»

Так рассказывал о злополучном, но беспримерно смелом походе очевидец и соучастник его. Старые люди прибавляют, что два зловещих явления предзнаменовали плачевный конец Хивинской экспедиции, напоминающей бесстрашное плавание аргонавтов в неведомую страну за золотым руном. Жена и двое детей князя Бековича погибли в самый день его отплытия к Гурьеву-городку из Астрахани: возвращаясь после его проводов домой в лодке, они были опрокинуты набежавшим вихрем и потонули в Волге. В другой раз, во время самого заключения мирного договора с хивинцами, полуденное солнце на безоблачном небе вдруг померкло и настолько затмилось, что от его диска остался видным лишь небольшой край наподобие народившегося месяца. Солнеч-

---

¹ Князь Бекович-Черкасский был родом из кабардинских князей и до Святого Крещения носил имя Девлет-Гирей. (Здесь и далее примеч. авт.)

ное затмение в таком лунообразном виде было истолковано поклонниками луны в свою пользу, а на русских людей навело уныние, под влиянием которого они, быть может, и попались в западню и сделались жертвой хивинского вероломства.

Неудача Хивинской экспедиции не отвратила, однако, видов царя Петра от Каспийского бассейна. Правда, война со Швецией, поглощавшая все силы государства, отвлекла его от отдаленной кавказской окраины на несколько лет, но едва заключен был мир и спорное Балтийское море осталось за нами, как Петр начал уже готовиться к походу в Дагестан, с тем чтобы утвердить свое господство и по всему побережью Каспийского моря.

В 1723 году все приготовления к походу были окончены. Пехота, артиллерия и транспорты, собранные в Астрахани, отправлены были морем, а конница пошла сухим путем через Моздокские степи.

Император сам предводительствовал войсками и после двухдневного плавания прибыл с флотилией в Аграханский залив к устьям Терека. Здесь он осмотрел город Терки, но, оставшись недоволен его расположением в сырой и нездоровой местности, приказал войскам высаживаться на берег несколько далее, в песчаных буграх, ближе к устьям Койсу.

Многочисленная русская флотилия подошла к месту высадки 27 июля 1722 года и стала на якорь. Был еще ранний час утра, а государь уже был на ногах и торопил лейтенанта

Соймонова готовить лодку, чтобы съехать на берег. Скоро шлюпка, на которой был поднят императорский флаг, быстро разрезая волны, понеслась к берегам Дагестана. За мелководьем причалить к самому берегу, однако, было невозможно, и шлюпка остановилась возле песчаной низменной отмели, которая была совершенно закрыта густым и высоким камышом, окаймлявшим все прибрежное пространство. Тогда четыре гребца сошли в воду и на доске перенесли Петра на берег; лейтенант Соймонов шел по пояс в воде и поддерживал государя рукой.

Император первым вступил на берег, и, заметив вблизи песчаные холмы, взошел на один из них, и внимательным взглядом окинул окрестность. Чудная картина представилась его взорам.

С одной стороны перед его глазами плескалось древнее Хвалынское море; с другой – широко раскидывалась необозримая степь, которая на севере как бы сливалась с горизонтом, а на юге резко замыкалась цепью скалистых и остроко-нечных гор Дагестана. У низкого берега, под самыми ногами государя, тихо качаясь на волнах, стояла старая татарская лодка с высокой мачтой, а дальше, там, при входе в Аграхан-ский залив, на едва колыхавшейся поверхности моря вид-нелась целая эскадра, украшенная разноцветными флагами. Это были эмблемы прошлого ничтожества и будущего цве-тущего состояния края. Надо всем этим, посреди безоблач-ного неба, ярко сияло жаркое июльское солнце и обливало

своими золотыми лучами и море, и флот, и степь, и далекие горы, и эту стройную высокую фигуру самого Петра, одиноко стоявшего на высоте песчаного холма.

На флоте между тем служили молебствие. Это был день гангутской победы над шведской эскадрой – день, чествуемый всегда императором. Едва провозгласилось многолетие, как вся эскадра мгновенно окуталась белыми облаками порохового дыма, и пустынная окрестность дрогнула от грохота русских пушек, разносивших весть о вступлении русского императора на дагестанскую землю. В этот же день войска были перевезены на берег и помещены на избранном самим императором месте.

Петр оставался здесь несколько дней в ожидании конницы, которая, по доходившим до него слухам, много потерпела при переходе через Кумыкскую плоскость; говорили даже о ее поражении чеченцами. Но слух этот оказался в значительной степени преувеличением. Дело в том, что часть нашей кавалерии, посланная для занятия Андреевской деревни, иначе – Эндери, находившейся около нынешней крепости Внезапной, встречена была неприятелем, засевшим по сторонам пути в густом лесу, и по оплошности командовавшего ею бригадира Ветерани понесла чувствительную потерю в людях. Вместо того чтобы как можно скорее миновать лесное ущелье, Ветерани спешил драгун и стал обороняться в теснине. По счастью, его ошибка была исправлена храбрым полковником Наумовым, который, видя критическое поло-

жение отряда, кинулся со своим батальоном вперед, взял Андреевскую деревню приступом и таким образом открыл для Ветерани дорогу.

Поражение Ветерани живет поныне в преданиях кумыкского народа, которые говорят, что рейтеры Петра Великого были сброшены с кручи сильным натиском чеченцев. Кумыки и теперь показывают это место на обрывистых берегах Акташа. Чтобы наказать за это горские племена, Петр пригласил калмыцкого хана Аюка вторгнуться за Терек со своими ордами. Ряд курганов поныне обозначает путь, по которому следовали полчища Аюка, а в двух верстах от крепости Внезапной показывают большой насыпной холм, где стояла ставка калмыцкого хана. Внутри одной из котловин Большой Чечни на Мичике есть также остатки укреплений калмыцкого повелителя.

После занятия Андреевской деревни конница соединилась с пехотой уже беспрепятственно. И как только русские войска перешли Сулак, шамхал Тарковский, а за ним и другие горские владельцы прислали послов с изъявлением покорности. Была ли эта покорность искренна, подлежит большому сомнению; по крайней мере, сам Петр, хорошо понимавший лукавый характер азиатов, писал к Апраксину: «Все они принимали меня с приятным лицом, но сия приятность их была такова же, как проповедь, о Христе реченная: «Что нам и Тебе Иисусе Сыне Бога живого». Тем не менее Петр обнадежил всех своим покровительством и двинул войска

вперед. 12 августа русские приблизились к Таркам с распущенными знаменами, барабанным боем и музыкой. Сам Петр в парадном платье, на своем боевом коне ехал перед гвардией, а за ним в карете, запряженной цугом, следовала императрица. За пять верст от города государь был встречен шамхалом Адиль-Гиреем, который, сойдя с лошади, приветствовал императора со счастливым приездом, а потом, преклонив колени, поцеловал землю возле кареты, в которой сидела императрица. Принимаемый в Тарках чрезвычайно радушно, Петр прогостил у шамхала несколько дней и на прощание получил от хозяина в подарок шелковый персидский шатер и дорогого аргамака серой масти со сбруей из чистого золота. Шамхал предлагал к услугам Петра даже все свое войско, но Петр взял только нескольких отборных наездников, а взамен их отправил к шамхалу двенадцать солдат, которые, в виде почетного караула, и оставались в Тарках до самой кончины императора.

15 августа, в Успеньев день, государь вместе с императрицей отслушал обедню в походной церкви Преображенского полка и по окончании ее положил на землю несколько камней, пригласив сделать то же самое и всех присутствующих. В несколько минут был набросан высокий каменный курган, который остался до нашего времени как памятник пребывания Петра в Дагестане. Теперь на месте этого кургана разросся уже небольшой городок и устроен великолепный военный порт, названный Петровским – в честь первого похода

императора. Другим памятником служит сам дворец шамхала, на дворе которого есть превосходный родник, обложенный диким камнем; там, под навесом, устроенным над этим родником, хранился долгое время, а может быть, сохраняется еще и поныне, железный русский ковш, из которого государь пил воду.

На следующий день войскам был объявлен поход. Поводом к нему послужили тревожные слухи, что против русского войска двигаются значительные скопища горцев под предводительством уцмья каракайтагского. Надо сказать, что достоинство уцмья было второе по старшинству, поставленному в Дагестане еще аравитянами (первенство принадлежало всегда шамхалу Тарковскому), и что тогдашний уцмий, Ахмет-хан, был действительно одним из сильнейших владельцев в крае. Он без труда собрал до шестнадцати тысяч горцев и попытался с ними остановить наступление русских. Под Утемишем произошел ожесточенный бой. Горцы, по выражению Петра, «бились зело удивительно: в обществе они не держались, но персонально бились десперантно, так что, покинув ружья, резались кинжалами и саблями». Тем не менее они были разбиты, Утемиш сожжен, а пленные повешены в отмщение за смерть есаула и трех казаков, которые были зарезаны по приказанию уцмья, когда они доставили ему от государя письмо самого миролюбивого содержания. Только после этого, 23 августа, император совершил торжественный въезд свой в Дербент, который отворил перед ним ворота без

боя. Хан со всем народом и духовенством вышел к нему навстречу с хлебом и солью.

«Дербент, — сказал хан в приветственной речи Петру, — получил основание от Александра Македонского, а потому нет ничего приличнее и справедливее, как город, основанный великим монархом, передать во власть другому монарху, не менее его великому».

Затем один из знатнейших беков поднес императору городские ключи на серебряном блюде, покрытом богатейшей персидской парчой. Все эти вещи, как исторические памятники Петровских походов, поныне хранятся в Санкт-Петербурге, в императорской Кунсткамере при Академии наук. У самых крепостных ворот Петра ожидала дербентская пехота в ружье, со множеством значков, а народ вынес священное знамя Алия и поверг его к стопам императора. Дербентский летописец мирза Хедер Визеров говорит, что, когда государь подъехал к воротам, случилось сильное землетрясение и что Петр Великий, обратившись к выехавшим навстречу ему жителям, сказал: «Сама природа делает мне торжественный прием и колеблет стены города перед моим могуществом».

Покорение Дербента было, впрочем, последним актом Петровского похода. Страшная буря, разбившая на море нашу флотилию с провиантом, расстроила предположения Петра относительно дальнейшего похода и положила в этом году конец русским успехам. Государь приказал оставить в

Дербенте сильный гарнизон, а сам с остальными войсками двинулся в обратный путь и близ Сулака, в том месте, где от него отделяется небольшая река Аграхань, заложил крепость Святого Креста; следы ее сохранились поныне на правом берегу Сулака, в шести верстах от нынешнего укрепления Казияуртовского.

Здесь Петр получил известие о новых беспорядках в Дагестане. Еще во время пути замечены были тревожные признаки начинающегося в горах движения, а тут шайки стали уже нападать на отсталых, грабили обозы и под самыми Тарками убили трубача из государева конвоя. В то же самое время казикумыкский хан сделал попытку овладеть редутом на реке Дубасе, около Дербента, но малочисленный гарнизон наш защищался отчаянно, положил на месте шестьсот неприятелей, многих переранил и отбил два знамени.

Чтобы погасить мятеж в самом начале, Петр приказал тогда же сделать новую экспедицию в горы, и атаман Краснощеков, ходивший на этот раз с донцами и с калмыками, истребил решительно все, что только еще оставалось там от прежнего погрома. Дагестан присмирел.

Осенью Петр возвратился в Астрахань, а 13 декабря имел торжественный въезд в Москву через триумфальные ворота, на которых изображен был город Дербент с лаконичной над ними надписью: «Основан героем – покорен Великим».

Имя Петра Великого до сих пор живет в Дагестане, и следы его пребывания там сохраняются самым тщательным об-

разом. Каждый, кто посетит Дербент, конечно, с благоговением зайдет в ту скромную землянку, стоящую у самого взморья, в которой Петр прожил несколько дней в ожидании сдачи Дербента и новых известий об уцмие Кайтага. Теперь эта землянка – предмет внимания всех путешественников – обнесена решеткой, и над ней сделана надпись: «Место первого отдыха Великого Петра».

В самом Дербенте Петр жил в цитадели, занимая в ней бывший ханский дворец. Там, в тишине кабинета, обдумывал он свои грандиозные планы, касавшиеся нашей морской торговли с Закавказьем, Персией и Индией; там же в нетерпеливом ожидании флотилии, плывшей из Астрахани, он собственными руками прорубил в одной из комнат окно, из которого открывается превосходный вид на Каспийское море, на город и на его окрестности. Это историческое окно существует до настоящих пор в доме, занимаемом дербентскими комендантами. Тут же, в самой крепости, сохраняется семь алебард, оставшихся со времени Петра, и пушка, на которой выбита надпись, свидетельствующая, что она была отлита в 1715 году на воронежском литейном заводе.

III. КАВКАЗ ОТ ПЕТРА ДО ЕКАТЕРИНЫ II

С отъездом Петра из Кавказского края военные действия продолжались под главным руководством генерал-майора Матюшкина, получившего от императора совершенно определенные инструкции. Для большего упрочения порядка в новых владениях Петр приказал переселить в крепость Святого Креста все Терское казачье войско, а по рекам Сулаку и Аграхани водворил вновь тысячу донских семейств, которые, устроив свои поселения, получили название Аграханского казачьего войска. Таким образом, на Тереке остались одни гребенцы. Их также хотели перевести на Сулак, но когда вследствие этого между ними обнаружилось волнения и даже попытки бежать за Кубань к некрасовским раскольникам, государь приказал их оставить с тем, чтобы они «недреманно» оберегали нашу Терскую линию. Не ограничиваясь этим, Петр в то же время заботился и о дальнейшем распространении русского влияния. Оставшись главным начальником войск в Дагестане и исполняя волю царя, Матюшкин деятельно готовился к занятию Баку и к покорению прибрежных персидских владений. Сам Петр назначил для последней цели особый отряд из двух батальонов пехоты под начальством полковника Шипова. Шипов, однако же, просил у царя подкрепления.

«Не дам, – лаконично ответил ему Петр. – Стенька Разин с пятью сотнями казаков не боялся персиян, а я тебе даю два батальона регулярных».

В ноябре 1722 года Шипов с небольшой флотилией вошел в Энзелийский залив и, выведя десант у Пери-Базара, занял Решт, главный город Гилянской провинции. Персияне так были ошеломлены внезапным появлением русских, что уступили им город без боя. Но скоро они опомнились и стали требовать, чтобы Шипов вышел из Решта, пока его не принудили к этому силой. Шипов ответил отказом, а между тем войска его успели занять в городе большое каменное здание караван-сарая и приспособили его к обороне. Тут, посреди обширного двора, по счастью, оказался чудесный колодец – обстоятельство чрезвычайно важное в этой безводной части Персии на случай блокады. Персияне действительно не замедлили начать военные действия и два раза пытались выбить русских из занятой позиции. Одно из этих нападений велось с такой энергией, что неприятель дошел до самого караван-сарая и целый день производил по нему жестокий огонь из орудий. Здесь был убит помощник Шипова, храбрый капитан Рязанов, который поднялся на стену, чтобы обозреть расположение неприятельских сил. Между тем, как только наступила ночь и персияне расположились лагерем со своей обычной беспечностью, Шипов сделал вылазку и внезапно с двух сторон напал на неприятеля. Три роты атаквали пятнадцатитысячное персидское войско, но сонные

толпы при первом крике «Ура!» охвачены были такой паникой, что кинулись поражать друг друга, и к свету на месте, где стоял персидский стан, лежали только одни мертвые тела, которых русские похоронили более тысячи.

Когда таким образом положение наше в Реште было упрощено, генерал Матюшкин, со своей стороны, предпринял покорение Бакинского ханства. 21 июля 1723 года десантный отряд его высадился на берег около Баку и обметался рогатками. Вылазка из крепости была отбита, а огонь с флотилии заставил замолчать бакинские пушки. Четыре дня длилась блокада, а на пятый осажденные вывесили белое знамя и сдали город вместе с восьмьюдесятью находившимися в нем орудиями. Таким образом в самое короткое время русские заняли почти весь Дагестан, Баку, Ширванское ханство и персидские области: Гилян, Мазендеран и Астрабад. Петр был так обрадован приобретенными успехами, что произвел Матюшкина в генерал-лейтенанты и, поздравляя его с победами, писал, что более всего доволен приобретением Баку, «понеже она составляет всему нашему делу ключ».

Спокойствие в занятых провинциях, однако же, было только наружное. Народ втайне ненавидел завоевателей, и следующий кровавый эпизод, сохранившийся доныне в преданиях сальянских жителей, свидетельствует, до какой степени надо было быть осторожным в сношениях с ними.

Вскоре после занятия Баку Матюшкин отправил в соседнюю Сальянскую область небольшой отряд из батальона дра-

гун под командой подполковника Зимбулатова. Сальянский наиб Гуссейн-бек встретил русские войска дружелюбно и распорядился, чтобы солдаты размещены были удобно. Все это, при свойственной русской натуре беспечности, привело к тому, что офицеры стали ездить в гости к наibu не только без прикрытия, но даже и без оружия. Однажды, когда все пировали таким образом в замке Гуссейна, толпа наемных убийц, подсланных, как говорят, его матерью, кинулась на офицеров и умертвила их самым варварским образом. Та же участь готовилась всему батальону, но драгуны, вовремя предупрежденные, сели на суда и отплыли в Бакинскую крепость.

Такое же враждебное настроение замечалось решительно по всему каспийскому побережью. В Гиляне нападения почти не прекращались. Выбитые из Решта персияне продолжали блокировать город, расположившись недалеко за ручьем Сиарутбаром, который стал заповедной гранью между ними и русскими. Правда, на русскую сторону персияне переходить не смели, а при появлении русских на их стороне каждый раз «спешили спасать свои животы», но тем не менее присутствие их в столь близком расстоянии от города крайне стесняло сообщение. Был даже случай, что один офицер, посланный с командой в соседнюю деревню, едва не погиб, окруженный огромными толпами персиян, и спасся только благодаря случайной помощи, подошедшей к нему из Решта.

Войсками в Гилянской провинции командовал в то время

бригадир Василий Яковлевич Левашов, старый воин, ходивший с Петром еще в Азовский поход 1696 года, где ему довелось участвовать и в нескольких делах с закубанскими горцами. Однажды старший брат его, Прокофий, выехал, по древнему обычаю, на поединок с каким-то черкесским богатырем и положил его на месте, но разгоревшаяся кровь увлекла его так далеко, что он был окружен и тяжело ранен. Видя брата в опасности, Василий бросился к нему на помощь и на глазах отряда вынес его, уже полумертвого, из свалки, отбившись один от целой толпы напавших на него татар.

Левашову было уже тридцать три года, когда он поступил на службу в регулярные войска, и с этих пор он участвовал во всех Петровских походах от Нарвы до Дербента. В Гилян он был назначен в 1726 году на смену Шипову², и первым распоряжением его в крае было отправить подвижные колонны, чтобы очистить всю страну от Решта до Мосула и от Кескера до Астары. Отряды эти разогнали сиарутбарское скопище, достигли Лошомодана, загнали персиян в Фумин, взяли укрепление Сагман и овладели Кескером. Все это были дела громкие в военном отношении, но, к сожалению, не оставлявшие после себя никаких прочных следов в завоеванном крае. Разбитые в одном месте, персияне свободно переходили в другое, и Левашову приходилось иногда отбиваться разом на нескольких пунктах, не имея возможности самому

---

² Шипов в это время назначен был начальником в Сальяны и умер там в 1727 году в чине генерал-майора.

утвердиться ни в одном.

Кончина Петра Великого, последовавшая около этого времени, во многом изменила осуществление его первоначальных планов. Екатерина I хотя и отправила войска на усиление Персидского корпуса, но далеко не в тех размерах, как это было необходимо ввиду несогласий, возникавших тогда между Россией и Портой. Несмотря на то что обе державы сообща вели войну против Персии, отношения между ними были так непрочны, что беспрерывно угрожали разрывом, которого турки отчасти даже домогались, чтобы иметь предлог вытеснить русские войска, овладеть берегами Каспийского моря. Положение русских было опасное. В Гиляне войско по своей малочисленности не только не могло иметь влияния внутри страны, но с трудом удерживалось и в занятых позициях. Туземцы все разбежались, податей никто не платил, и рядом с возмущившимися жителями повсюду собирались многочисленные персидские шайки. Из Сальянской области и с реки Куры русские по той же причине отошли в Баку, и персияне располагали идти к этому городу, чтобы засесть у нефтяных источников и держать его в блокаде. Горцы угрожали вырезать русских в Дербенте, и сам шамхал, когда-то преданный сторонник Петра, теперь вместе с казикумыкским ханом и каракайтагским уцмием хлопотал о том, чтобы разорить Сулакскую линию.

Казалось, что обстоятельства создали для русских безвыходное положение. Но никогда пословица «Грозен сон, да

милостив Бог» не оправдывалась на деле так, как в настоящем случае. Вся двадцатипятитысячная армия шамхала, столпившись на Судаке, не могла одолеть один ничтожный Аграханский редут, защищаемый всего пятьюдесятью солдатами и сотней терских казаков под командой подполковника Маслова. Отчаянная защита этого гарнизона, сделавшего даже смелую вылазку, так повлияла на горцев, что они, перессорившись между собой, разошлись по домам³.

Опасность, угрожавшая с этой стороны, рассеялась, но поступок шамхала, конечно, не мог остаться безнаказанным, а потому Матюшкин немедленно приказал генерал-майору Кропотову идти в шамхальские владения, жечь и истреблять аулы, отгонять скот и «всячески трудиться, чтобы его, шамхала, добыть в свои руки». За голову его Матюшкин обещал от двух до пяти тысяч рублей серебром, смотря по тому, живого ли его привезут к нему или мертвого. Кропотов в точности исполнил приказание и истребил аулы, которые помогали шамхалу. Осенью экспедицию повторил полковник Еропкин, который разгромил уже самые Тарки вместе с шамхальским дворцом, а самого шамхала загнал в неприступные Дагестанские горы. Лишившись всего состояния, шамхал наконец одумался и весной, как только русские стали лагерем около Кумтер-Кале, добровольно явился с повинной головой. Арестованный по приказанию Матюшкина, он был су-

---

³ За эту победу все офицеры повышены чинами, а нижним чинам дано денежное вознаграждение: унтер-офицерам – по 1 руб., а рядовым – по 50 коп.

дим как государственный изменник и закончил свои дни в заточении в Коле, Архангельской губернии. Самое звание шамхала по приказанию императрицы было уничтожено⁴.

Между тем тяжелые климатические условия страны, губившие тысячи русских людей, так тяжело отразились и на здоровье доблестного вождя их, генерала Матюшкина, что вынудили его просить увольнения от должности⁵. Долго искали в Петербурге достойного ему преемника, и только после многих совещаний выбор Екатерины остановился на одном опальном вельможе Петровского времени. Это был генерал-аншеф князь Василий Владимирович Долгоруков, известный в русской истории усмирением на Дону Булавинского бунта⁶.

По приезде в край весной 1726 года новый главнокомандующий счел первой обязанностью поближе ознакомиться со своими войсками. Многие из начальников и офицеров по его настоянию немедленно удалились с Кавказа, как не понимавшие характера местной войны, всем остальным увели-

---

⁴ В сороковых годах минувшего столетия, когда персияне овладели Дагестаном, они опять восстановили звание шамхала, продолжавшее существовать уже до самого покорения нами Восточного Кавказа.

⁵ Михаил Афанасьевич Матюшкин, произведенный в генерал-аншефы, по возвращении с Кавказа жил в Москве и скончался в 1737 году.

⁶ Князь Долгоруков подвергся опале Петра за участие, выраженное им к судьбе несчастного царевича Алексея Петровича. Он был лишен чинов, знаков отличия и сослан в Казань на вечное жительство. Екатерина I возвратила ему Александровский орден и чин генерал-аншефа.

чено содержание, войскам назначены двойные рационы и даже казакам определили жалованье, которого они ни прежде, ни после Долгорукова не получали. «В русском войске, – писал по этому поводу князь Долгоруков императрице, – есть две иностранные роты – армянская и грузинская, из которых каждая получает казенное содержание; русским казакам не дают ничего, а между тем они служат больше и неприятелю страшнее. Я определил им также денежные выдачи, ибо, по моему мнению, лучше платить своим, нежели чужим. Правда, армяне и грузины служат изрядно, однако же казаки действуют гораздо отважнее».

Улучшив таким образом, насколько было возможно, экономическое и санитарное положение войска, князь Долгоруков отправился из крепости Святого Креста в Дербент, в Баку и далее в Гилян не морем, как это делалось прежде, а сухим путем, чтобы, по его словам, показать персиянам фактическое подчинение нам «и воды и суши». Почти семидесятилетний старик, несмотря на февральскую распутицу, он ехал верхом и все время имел при себе – «по-калмыцки» – одни только походные выюки. «От роду моего не видывал, – писал он впоследствии своему приятелю, – чтобы кто в мои лета начал жить калмыцким манером».

Объезд этот принес громадную пользу. Он убедил самого Долгорукова в необходимости наступательных действий не только против персиян, но и против турок, «этих мнимых приятелей», которых прежде всего надо было выжить из

Персии; а с другой стороны, появление князя в местах, где никогда не были наши главнокомандующие, произвело такое впечатление на жителей, что все соседние ханы, султаны и старшины встречали его по пути с необыкновенными почестями. Воспользовавшись этим, он без труда присоединил к русским владениям Кергеруцкую область, Астару, Ленкорань и Кызыл-Агач и приказал поставить в них укрепления «во страх неприятелям, чтобы не думали о нашей слабости».

Таким образом, князь Долгоруков с ничтожными средствами сумел поддержать достоинство русского оружия. Но, к сожалению, он оставался на Кавказе недолго. Произведенный в начале следующего царствования в фельдмаршалы⁷, он был отозван ко двору и, уезжая, разделил в начале 1728 года командование в Закавказском крае на две части: в Гиляне остался Левашов, а в Дагестане – генерал-лейтенант Румянцев, отец знаменитого героя Кагула и Ларги. Отъезд Долгорукова и строгие приказания из Петербурга воздерживаться от наступательных действий настолько ободрили наших врагов, что они сами перешли в наступление. Славный в то время Аббас-Кули-хан Персидский⁸, согласовавшись с самозванцем Измаилом, который выдавал себя за сына и наследника умершего хана, вознамерился напасть на Левашова с

---

⁷ С производством в фельдмаршалы князь Долгоруков остался главным начальником Персидского или, как тогда называли, Низового корпуса, но, разумеется, это начальствование было только номинальное.

⁸ Впоследствии Надир-шах.

двух сторон, от Кескера и Лахиджана. В Реште войск почти не было; несмотря на то, Левашов вышел из своего затруднительного положения блестящим образом. С ничтожным отрядом он стал в центральной позиции между двумя городами, и как только показался Кули-хан, Левашов стремительным ударом разбил его наголову и затем быстро повернул на Измаила. Но здесь, на пути к Лахиджану, русские войска совершенно неожиданно столкнулись с третьим врагом. Это был персидский визирь Карчи-Баша, который, никак не думая встретиться с русскими, шел также против самозванца. Оба противника, имевшие одну и ту же цель – поколотить Измаила, теперь с ожесточением бросились друг на друга.

Персияне опять были разбиты и бежали за Лахиджан, который и присоединился к нашим владениям. Измаил между тем, воспользовавшись всей этой сумятицей, ушел безнаказанно. Но дни его уже были сочтены. Разбитый три раза – при Шефи, за рекой Кизмой около Рутума и в Муганской степи, – он до того надоел самим персиянам, что, по словам одного из их историков, жители провинции Масулэ, заманив его к себе, убили и голову отправили в Решт к русскому военачальнику.

Едва войска вернулись из этого похода, как один из афганских начальников по имени Салдан-хан самовластно распоряжавшийся большей частью Персидского государства, занял Мазендеран и прислал Левашову требование очистить Гилян. Левашов ответил на это, чтобы сами афганцы в тече-

ние суток оставили наши владения, и в виде угрозы послал против них небольшой отряд из двухсот пятидесяти человек под командой майора Юрлова. Это было все, чем мог располагать Левашов в ту минуту.

20 декабря Юрлов подошел к Лахиджану. Здесь в первый раз русские встретились с воинственными афганцами, о которых персияне рассказывали так много чудесного. Действительно, закованные с головы до ног в железную броню, высокие, стройные, красивые – они производили совсем другое впечатление, чем жалкие персидские сборища. Вид афганцев был внушителен, к тому же их было несколько тысяч. «Но мы, как древние греки, – говорит Зиссерман, – не считали врагов». Молодецкое «ура!», удар в штыки – и двести пятьдесят человек разбили наголову четыре тысячи афганцев. В руках русских осталось три знамени, множество оружия, четыреста пятьдесят лошадей и шестьсот трупов. Один из ханов был изрублен на месте самого боя, другой бежал, раненный в грудь. И самого Салдана, с подстреленной ногой, едва успели унести на носилках в ближайшую афганскую крепость Казвин.

После столь решительного удара персияне должны были бы, казалось, притихнуть, но они не унимались. Это побудило Левашова в апреле 1731 года вновь отправить трехсотенный отряд, под начальством капитана Бундова, с приказанием взять и уничтожить ретраншемент в Фумине, служивший вечным пристанищем мятежных шаек. Дело было вы-

полнено молодецки: Фумин взят и укрепление разрушено. Но персияне, перебежав в Кергеруцкую область, стали формировать там новые шайки. Тогда капитан Бундов пошел в Кергеру и там вторично разбил неприятеля, но при этом потерял четвертую часть своего отряда. Персияне за последнее время уже приучились к бою, и победы стали нам обходиться дороже.

В Дагестане, у генерала Румянцева, также было не совсем спокойно. Кюринцы и несколько других племен наотрез отказались от нашего подданства. Они отвечали, что будут защищаться и скорее погибнут в бою, нежели от голода, которым им угрожают русские порядки. «Воровство и грабеж, – говорили их депутаты, – наши занятия, так же, как ваши, – соха и торговля. Грабежом жили наши отцы и деды, и если мы оставим их ремесло, как требуют русские, то будем вынуждены погибнуть от голода». Более всех бунтовали какие-то курелы, вероятно, жители нынешнего Самурского округа. Они-то именно, как доносил Румянцев, «предерзостно ворвались в Сальянскую область, побили и пленили много русских людей, магазины с нашим провиантом сожгли без остатка, пожитки пограбили и учинили несказанные свирепства». Несколько частных экспедиций не могли усмирить восстания. Тогда пошел сам Румянцев и около аула Магмуда нанес мятежникам страшное поражение. Предводитель их, Качай, был убит, и несколько сот тысяч татар и курелов усеяли поле сражения. Из трехсотенного отряда русских выбы-

ло также более семидесяти человек убитыми и ранеными — потеря по сравнению с прежними весьма немаловажная.

Зиссерман в своей истории Кабардинского полка замечает весьма справедливо, что все эти действия малыми отрядами должны были иметь для нас большое значение как первые зачатки той самой войны, которую впоследствии нам пришлось вести уже в более обширных размерах при покорении Кавказа. Решимость с горстью людей бросаться на многочисленные скопища, отвага, предприимчивость, известная самостоятельность младших чинов, навык ориентироваться и применяться к условиям боя и местности, одним словом — те качества, которыми отличалось позднее большинство кавказских офицеров, очевидно, родились еще на персидской почве, в то старое петровское время, и затем передавались преемственно от одного полкового поколения к другому. Полки, входившие в то время в состав Низового (Персидского) корпуса, позднее приобрели себе громкую славу и в рядах Кавказской армии. Это были полки Кабардинский, Куринский, Ширванский, Апшеронский, Дагестанский, Тенгинский, Навагинский и Ставропольский.

С восшествием на престол императрицы Анны Иоанновны на Кавказе последовали новые перемены в начальствующих лицах. Фельдмаршал князь Василий Владимирович Долгоруков, один из замечательных сподвижников и один из редких супротивников Петра Великого, подвергся опале и

был заточен в Шлиссельбургскую крепость⁹. Непричастный ни к каким олигархическим замыслам своих родных, гордый и честный, он не пошел также на сделку с немецким правительством, окружавшим тогда императрицу, и поплатился за это свободой. С падением Долгорукова нашли неудобным оставлять в Закавказье двух самостоятельных начальников, а потому Румянцева отозвали, а главное начальство поручили одному Левашову. Но императрица, видимо, уже тяготилась персидской войной, которая стоила дорого, а между тем, по-видимому, не приносила никакой выгоды. Насколько поверхностно смотрели тогда правительственные сферы на эту войну, можно судить уже по одному тому, что сначала больше всего опасались турецких успехов, а потом стали бояться их неудач, рассчитывая, что Персия, управившись с турками, обратит против России все свои силы. Результатом таких колебаний явился, наконец, трактат, по которому императрица возвратила Персии все завоеванные у нее города и области за исключением лишь Дагестана, то есть пространства, лежавшего между Курой и Тереком. Выполнение условий трактата выпало на долю генерала Левашова, но, очистив Гилян и перенеся главную квартиру свою в Баку, он вместе с тем окончил и свое полезное десятилетнее служение в Закавказском крае. Отличный боевой генерал, дельный админи-

---

⁹ Императрица Елизавета освободила его из заточения и возвратила чин генерал-фельдмаршала. Он умер президентом Военной коллегии 11 февраля 1746 года, восьмидесяти шести лет от роду.

стратор, хорошо знакомый с местными условиями края, он должен был уступить свой пост генерал-лейтенанту принцу Людвигу Гессен-Гамбургскому, которого выдвигала немецкая партия, старавшаяся везде, где было можно, оттеснить русских людей, особенно сподвижников Петра Великого¹⁰.

Нужно сказать, что принц Гессен-Гамбургский приехал на Кавказ весной 1732 года, в самое тревожное время, когда оставление нами персидских провинций естественно возбудило и в городах желание отделаться от русской опеки. В горах стали ходить прокламации, приглашавшие весь Дагестан к единому восстанию против русских. Разбои повсеместно усилились. Так, бригадир Лукей был убит какой-то шайкой, скитавшейся под самыми стенами Дербента, а около Тарков погибла целая команда из тридцати человек, попавших в засаду. Десять тысяч чеченцев собрались в ауле Эндери и угрожали нападением на русские границы. В столь трудных обстоятельствах командовавший войсками на Сулаке генерал-лейтенант граф Дуглас, прибывший на Кавказ вместе с принцем, решился предпринять экспедицию в Чечню. Обманутый ложными слухами, что скопища рассеялись, он ограничился тем, что выслал небольшой отряд в пятьсот человек пехоты и конницы, под начальством полковника Коха. Кох встретил неприятеля в дремучих лесах, сражался с

---

¹⁰ Этот принц был вызван в Россию еще Петром Великим, который хотел выдать за него великую княжну Елизавету Петровну. Брак не состоялся, но принц принят был в русскую службу полковником. Его доносу был обязан арестом и заточением князь В. В. Долгоруков.

ним целый день и должен был отступить, потеряв двести человек только одними убитыми. Эта громадная потеря указывает, что или Кох не имел понятия о характере лесной войны, или при отступлении произошел какой-нибудь беспорядок.

Неудача отразилась на русских тем тяжелее, что в это самое время Турция, видимо, искала разрыва с Россией. Не обращая никакого внимания на наши протесты, она снарядила корпус крымских татар и отправила его в Персию кратчайшим путем через Дагестан, где были наши владения. Таким образом, нам оставалось одно: защищать свои границы оружием. И принц Гессен-Гамбургский в июне 1733 года действительно занял позицию на Сунже, недалеко от того места, где ныне стоит крепость Грозная. Войска разделены были на три колонны, из которых две (Еропкина и князя Волконского) прикрывали дороги, ведущие от Сунжи к Горячаю¹¹, а третья, под начальством самого принца, оставалась в резерве. 11 июля двадцать пять тысяч татар двинулись наконец от аула Большой Чечен, где они стояли станом, и всеми силами атаковали отряд князя Волконского. Волконский защищался упорно, но после долгого неравного боя уже был близок к поражению, когда на помощь к нему подоспели Еропкин с драгунами и принц с остальной пехотой. Заметив это и не давая отряду построиться, татары сделали новый отча-

---

¹¹ Теперь трудно указать то место, где происходила битва. Это или Горячеводск близ крепости Грозной, или Исти-Су, бывшее укрепление на Кумыкской плоскости.

янный натиск и опрокинули наш левый фланг. Еропкин очутился посреди рукопашной свалки, ему разрубили лицо¹²; сам принц был окружен и спасся от плена только благодаря быстроте своей лошади. Казалось, победа окончательно склонялась на сторону татар. Но в эту минуту догадались сосредоточить огонь всех наших пушек на толпу, теснившую левый фланг, и это произвело среди врагов страшный беспорядок. Войска оправились и после отчаянных усилий вырвали наконец победу из рук противника.

Разбитые татары бежали, оставив в наших руках двенадцать знамен, которые, как первые трофеи принца, отправлены были в Петербург и там с большим торжеством повергнуты к стопам императрицы.

Итак, две тысячи пятьсот человек русских разбили двадцать пять тысяч татар! Сражались, стало быть, один против десяти. И тем не менее принц не сумел воспользоваться плодами блестящей победы. Дождавшись ночи, он приказал войскам поспешно отступать за Сулак и, без всякой нужды запершись в крепость Святого Креста, пропустил татар внутрь Дагестана.

«Я убежден, – говорит Зиссерман, – что ни один из предшественников немецкого принца – ни Матюшкин, ни Лева-

---

¹² Дмитрий Федорович Еропкин служил потом под знаменами фельдмаршала Ласси, был генерал-лейтенантом, кавалером ордена Александра Невского и умер в 1750 году губернатором в Риге. Сын его, генерал-аншеф Петр Дмитриевич Еропкин, известен в русской истории усмирением народного бунта в Москве во время чумы.

шов, ни Румянцев – не заперлись бы в крепости, что было противно даже духу нашего войска. Конечно, боевые кавказские генералы не дали бы татарам опомниться и горячим преследованием заставили бы их рассеяться. Теперь вышло совершенно иное. Пока русские сидели в крепости, разбитые татары бросились на гребенские городки, полонили сотни русских людей, взбунтовали весь Южный Дагестан и даже пытались овладеть Дербентом. Три дня главные силы их бились под стенами этого города с небольшим отрядом полковника Ломана, но, будучи отражены, потянулись наконец к Шемахе, в персидские владения. Часть их с награбленной добычей пошла, однако же, обратно в Крым и на реке Куме, повыше урочища Мажар, столкнулась с Краснощековым, который шел на Сулак с полуторатысячной донской партией. На помощь к крымцам подоспели десять тысяч калмыков, некрасовцев и закубанских горцев. Окруженный со всех сторон, Краснощеков устроил вагенбург¹³ и засел в осаду. Бой длился двое суток, а на третьи на помощь к русским подошли кабардинцы, под предводительством одного из старейших владельцев их, Бамата Кургонина, который оказался шурином калмыцкого вождя Дундука Омбы, а потому, свидетись с ним в тот же день, стал уговаривать его пропустить казаков без боя. «Русские идут на Сулак, а не на тебя, – говорил он, – так мой совет не ввязываться в чужое дело. Если ты будешь драться заодно с татарами, то я стану за русских».

---

¹³ Вагенбург – укрепление (нем.).

Эта угроза подействовала. К тому же Дундук давно искал случая примириться с русским правительством и потому ночью отступил со своими калмыками к Кубани. С его уходом осада была снята, и Краснощеков благополучно достиг Дагестана.

С прибытием Краснощекова принц выказал более военной решимости и приказал генералу Еропкину наказать дагестанцев за их возмущение. Еропкин двинулся прямо в Башлы, столицу, и 21 октября взял ее приступом. Потеря наша при этом была громадна – четыреста человек, но зато уничтожение аула, считавшегося в крае неприступным по своим укреплениям и местоположению, сразу восстановило авторитет русского оружия, и горы присмирели. Но так как ворота в Дагестан по-прежнему были открыты, то по следам пробившихся татар продолжали двигаться все новые и новые толпы под личным предводительством крымского хана. Со стороны принца не было даже попытки остановить эти вторжения. Зато чеченцы встретили хана в лесистом ущелье за Сунжей и нанесли ему такое поражение, что целый отряд крымских татар был буквально истреблен озлобленными горцами. В память этой победы чеченцы поставили в ущелье каменную башню, назвав ее Хан-Кале, то есть Ханская крепость, отчего и самое ущелье получило впоследствии свое известное всем название Ханкальское.

Таким образом, почти весь Дагестан был занят татарами. Императрица Анна Иоанновна, встревоженная этими из-

вестиями и не доверявшая больше военным способностям принца¹⁴, приказала как можно скорее отправить в Дагестан, на смену ему, опять генерала Левашова. Но когда Левашов доехал сюда из своей тамбовской вотчины, ему не оставалось ничего более, как только удерживаться в занятых позициях и не допускать население до враждебных действий. Левашов и смотрел за этим, что называется, в оба. Попробовали было горцы зашевелиться на Самуре – Еропкин сжег четырнадцать деревень и подавил восстание в самом начале. Между тем все это время шли переговоры с персидским правительством о мире, и наконец 10 марта 1735 года объявлен был Генджинский трактат, по которому Россия возвратила Персии все города и земли, завоеванные у нее Петром Великим.

Русская граница опять отодвинулась на Терек. Крепость Святого Креста на Сулаке уничтожена, а вместо нее заложена на Тереке новая крепость Кизляр. Сюда же переведены из Сулака еще так недавно поселенные там терцы и аграханцы. Терцы переименованы при этом в Кизлярское войско, а аграханцы, расположившиеся на Тереке тремя станицами – Коргалинской, Дубовской и Бороздинской, получили назва-

---

¹⁴ Принц этот впоследствии служил в армии Миниха, но, по словам Манштейна, занемог в то самое время, когда русские готовились идти на приступ Очакова, и выздоровел в день взятия крепости. Остряки говорили про него, что он истощил всю свою храбрость в Персии. Елизавета Петровна сделала его, однако же, фельдмаршалом, и в войну со шведами ему пришлось опять обнажить свой меч; но, как пишет Манштейн, принц находился на почтительном расстоянии от неприятеля. После этой войны он отправился в Берлин, где в 1745 году умер.

ние Терско-семейного войска. Нелишне прибавить, что ровно через сто лет, в 1836 году, оба этих войска вследствие своей малочисленности соединены были в один полк, названный Кизлярским полком Кавказского линейного казачьего войска.

Царствование императрицы Анны Иоанновны началось, таким образом, уступками приобретений ее великого дяди, но делать было нечего. Оставалась надежда вознаградить себя за эти уступки приобретением от Турции того, что было ей уступлено Петром по несчастному Прутскому миру. Причин для турецкой войны было слишком много, и на первый план являлся Азов – это гнездо, откуда производились опустошительные набеги на Дон и Малороссию. Нынешние губернии: Воронежская, Полтавская, Харьковская и Киевская постоянно терпели от диких орд, тучами носившихся по вольным степям, выжигавших города и села и тысячами уводивших в плен несчастных жителей.

Турецкая война должна была начаться именно со взятия Азова. Но нынешний бедный заштатный городишко тогда был грозной турецкой крепостью, державшей в страхе всю южную окраину России. Гарнизон ее был невелик, но крепость опиралась на силы соседних народов, которые видели в ней свободный невольничий рынок, и потому-то русским, вместе с осадой Азова, приходилось занять Перекоп и вести войну на Кубани.

Таким образом, Кавказ и в этом случае не изменил свое-

му боевому характеру. По-прежнему там льется кровь и обрываются тысячи человеческих жизней. Переменился только театр военных действий, перейдя с левого фланга на правый и из гор Дагестана и лесов Чечни в широкие Кубанские степи, расстилающиеся до самых берегов Азовского и Черного морей.

Военные действия начались с апреля 1736 года. Как только фельдмаршал Ласси осадил Азов, а Миних приготовился идти к Перекопу, сорок тысяч калмыков, под начальством хана Дундука Омбы, прошли за Кубань и в верховьях Урупа напали на ногайцев. Несмотря на крепкую местность, становище взято было штурмом, и хан распорядился пленными своим калмыцким обычаем: «Все мужчины, в числе шести тысяч, были вырезаны, а двадцать тысяч жен и детей отправлены на реку Егорлык».

Проведав затем, что десять тысяч ногайских кибиток, принадлежавших султан-аульскому роду, стоят в верховьях реки Зеленчук, хан повернул в ту сторону. Но, не смея штурмовать ногайцев, засевших в тесном ущелье, он обложил их станом и тридцать семь дней держал в непрерывной осаде. Наконец на помощь к нему подошли казаки с Дона и Терека. Тогда ногайцы увидели невозможность дальнейшего сопротивления и, чтобы спасти себе жизнь, поспешили отдаться в русское подданство. Их немедленно выселили на Куму и Терек. Калмыки были весьма недовольны таким исходом осады, лишившись богатой добычи. Но так как делать бы-

ло нечего и русских подданных вырезать не приходилось, то они переждали только осенние разливы рек и вскоре снова пошли на Кубань вместе с донцами и терцами. На этот раз в четырнадцать дней пройдено было ими все пространство от истоков этой реки до самого впадения ее в Черное море. Сильная крепость Копыл, резиденция турецких сераскиров, была взята приступом и уничтожена; остальные города, становища, аулы были истреблены, и вся страна, превращенная в пустыню, спалена огнем и покрыта развалинами, пеплом и трупами. Досталось мимоходом при этом и нашим некрасовским раскольникам. «Когда калмыки и казаки двинулись назад, – говорит очевидец, – то они оставили после себя больше пятнадцати тысяч трупов, которые валялись по полям, потому что прибирать их было некому». Столь совершенной победы и такой огромной добычи казаки никогда еще не приобретали.

Прошла зима, а весной 1737 года Дундук опять посетил Закубанье. Усиленными маршами, по сто и более верст в один переход, прошел он через выжженные татарами степи, где не было корма коням, и, достигнув устья Кубани, взял и уничтожил богатый город Темрюк, не отстоявший себя даже пушечным боем. Янычары, составлявшие его гарнизон, поголовно были вырезаны; некрасовские городки, находившиеся по соседству, разрушены, а сами некрасовцы загнаны в невылазные плавни. Одни только черкесские племена адыге избежали погрома, и то лишь потому, что ушли в неприступ-

ные горы, куда идти за ними не было никакой надобности. Азов в это время уже сдался, и так как на Кубани, за совершенным уничтожением всего живого, делать больше было решительно нечего, то казаки возвратились домой, а Дундук с частью калмыцкого войска присоединился к фельдмаршалу Ласси и с ним участвовал в крымских походах.

Не делая никаких сравнительных выводов, нельзя, однако, не сказать, что калмыцкий хан, человек полудикий, лучше наших фельдмаршалов понял, с кем он имеет дело, и потому-то без артиллерии и рогаток, без обоза и провианта, с одной только конницей, в два-три живых и быстрых набега он сделал более, нежели сделали в Крыму целые регулярные армии. В эту войну регулярные армии наши четыре раза занимали Крым и четыре раза его оставляли. Чтобы судить о наших потерях, довольно сказать, что в первом походе Миниха мы потеряли из пятидесяти тысяч людей тридцать тысяч, погибших исключительно от зноя и безводицы. Императрица была так довольна службой калмыцкого хана, что послала ему в дар соболью шубу и драгоценную саблю.

Но едва окончилась турецкая война, как боевая гроза стала надвигаться на нас со стороны Персидской линии, где мы имели только одно укрепление – Кизляр, построенный, как мы видели, генералом Левашовым вместо старого города Терки¹⁵. Причиной тревоги был шах Надир, который, за-

---

¹⁵ Заложение Кизляра в 1735 году было последним действием Левашова на Кавказе. После этого он командовал войсками Низового корпуса, участвовал в

владев персидским престолом, простер свои честолюбивые замыслы на все соседние страны. Внезапное появление его в Дагестане и слух о движении к нашим пределам породили в Петербурге серьезное опасение за возможность новой войны с персиянами. В Астрахани принялись строить флот, заброшенный со смерти Петра Великого; Кизляр укрепляли; войска двигались на Терек с Волги и Дона; приехал наконец и генерал Еропкин, назначенный комендантом Терской линии. Но когда приготовления были окончены и война казалась уже неизбежной, Надир-шах получил известие о восстании внутри самой Персии и повернул назад. Пять лет, однако же, Терская линия стояла в полной боевой готовности, и только смерть воинственного шаха, последовавшая в 1747 году, позволила России распустить войска и возложить защиту границы на одних линейных казаков.

Ожидание вторжения шаха было последним актом персидской войны, начатой за двадцать пять лет перед этим Петром на берегах Каспийского моря. Как ни был блистателен сам по себе Петровский поход, он не достиг той важной цели, к которой стремился император. Как быстро приобретенны были им земли вдоль по Каспийскому морю, так быстро они и отпали от нас в последующие царствования.

Таким образом, несмотря на непрерывный ряд битв и на

войнах с турками и шведами, получил Андреевский орден и умер начальником Москвы в 1751 году, восьмидесяти пяти лет от роду. Прах его покоится в церкви Симона Персидского.

ряд героических побед русских войск, положение России на Кавказе ко временам славного царствования Екатерины Великой было еще не упрочено. Стоял по-прежнему ряд крепостей и казацких поселений по реке Тереку от бывших Терков до Кизляра – Терская линия. А на запад, на обширном протяжении Кубанских степей от Дона и Маныча до подножия Кавказских гор, еще свободно кочевали, производя постоянные нападения на донские села и держа их в непрерывном напряжении, дикие орды. И русским предстояло прежде всего связать крепкой линией свои терекские поселения с донскими и азовскими. Эта задача и была выполнена в царствование Екатерины.

«Достигнут был, – говорит Зиссерман об этой эпохе Кавказской войны, – только один, немаловажный, впрочем, нравственный успех: мы утвердили на Кавказе высокое мнение о непоколебимом мужестве русских войск, об их непобедимости, о высоких качествах начальствовавших над ними генералов. Из этой школы вышли такие полки, как Кабардинский, Куринский, Ширванский и Апшеронский; явились такие начальники, какими были Матюшкин, Левашов, Еропкин и некоторые другие, умевшие с незначительными силами бороться на громадном пространстве с воинственными и многочисленными племенами».

IV. ГЕНЕРАЛ МЕДЕМ (Кавказская линия с 1762-го по 1775 год)

Со времени кончины Анны Иоанновны до вступления на престол Екатерины Великой все действия русских на Кавказе ограничивались исключительно защитой Терской линии. Впрочем, в Петербурге едва ли даже знали, что происходило на этой отдаленной линии, оберегаемой тогда гребенскими, кизлярскими и терско-семейными казаками, а между тем нужна была безумная отвага и нечеловеческие силы, чтобы трем слабым казачьим войскам бороться против соединенных усилий тавлинцев, чеченцев, кумыков и кабардинцев. Каждый шаг надо было занимать и отстаивать кровью, и немало этой казацкой крови было пролито тогда на защите родного рубежа в неравных боях, под ударами тавлинских и чеченских шашек.

Екатерина скоро обратила внимание на эту горсть находившихся в постоянной и отчаянной войне казаков и для усиления их оборонительных средств приказала генерал-майору Потапову, бывшему тогда комендантом в Кизляре, укрепить на Тереке урочище Моздок.

Основание Моздока тесно связано с именем князей Черкасских-Кончокиных. Когда созревала мысль русского пра-

вительства о заселении левого берега Терека, находившийся в Петербурге один из кабардинских депутатов, владелец Малой Кабарды Каргоко-Кончокин, изъявил желание переселиться с частью своих подданных, до сорока дворов, на левый берег Терека, обещая уговаривать к тому же осетин, кистов и других горцев. Каргоко тогда же крестился и назван был Андреем Ивановичем. Его наградили чином подполковника с приличным жалованьем, золотой медалью и титулом князя Черкасского-Кончокина. Кончокину предоставлено было право выбрать для поселения место, какое пожелает, с тем чтобы избранное место было удобно и для построения крепости. Постройка поселения и на первый случай небольшого форпоста поручена была подполковнику Гаку. Князь Андрей Иванович Черкасский-Кончокин выбрал урочище Моздок. По каким-то причинам осуществление его мысли несколько замедлилось; однако же в 1763 году мы видим уже построенными форпост и при нем селение с небольшой церковью, которой суждено было впоследствии играть такую важную роль в нашей миссионерской деятельности на Кавказе.

Дальнейшая постройка Моздока, однако же, замедлилась опять по непредвиденным затруднениям. Дело в том, что русское правительство считало Моздокское урочище вне кабардинских владений, основываясь на белградском договоре с Турцией, а кабардинцы присваивали его себе. В свою очередь, Турция была встревожена слухом, что в Моздоке зало-

жена новая крепость, и дело доходило даже до дипломатической переписки. Коллегия иностранных дел, употребляя все способы, чтобы успокоить Турцию, в то же время секретно предписывала кизлярскому коменданту, генерал-майору Потапову, укреплять Моздок как можно скорее и, производя работы с большой осторожностью, откладывая ненужные до удобнейшего времени. Подполковник Гак принялся за дело с такой ревностью, что к 1765 году успел перестроить Моздокский форпост в значительное по тому времени для Кавказа укрепление, а самый форштадт, где жили крещеные горцы, окопать валом.

Таким образом, мы видим, что Екатерина с самых первых дней своего царствования начинает уже серьезно заниматься кавказскими делами, и то, что было сделано ею в Моздоке, было только началом той великой программы, на выполнение которой потребовалось целое столетие и миллионы материальных жертв и нравственных усилий. Первоначальная идея, так счастливо и вовремя подсказанная Кончокиным, с течением времени развилась до колоссальных размеров, и при основании Моздока едва ли кто подозревал, что мы кладем краеугольный камень завоеванию Кавказа.

Кабардинцы, со своей стороны, видели в Моздокском укреплении посягательство на их свободу и усиленно домогались отмены сделанных на этот счет распоряжений. В 1764 году они отправили в Петербург своих депутатов – владельца Кайтука Кайсымова и почетнейшего узденя Шабаз-Гирея.

Депутаты жаловались на стеснения, выявленные постройкой Моздока, основывая права свои на Моздокское урочище тем, что они издавна пользовались там лесом и пастбищами. Им отвечали категорически, что это доказывает только снисходительность русского правительства, дозволявшего кабардинцам пасти свой скот не только в этом урочище, но и по Куме. Однако же, желая смягчить хоть немного резкость такого отказа и вместе с тем задобрить кабардинцев, депутатам вручили в знак императорской милости три тысячи рублей для раздачи их на общем собрании народа всем владельцам и узденям в награду за помощь, оказанную при усмирении чеченцев в 1757 году. Отказ, объявленный депутатами на собрании народа, так раздражил кабардинцев, что они, не приняв трех тысяч рублей, удалились в верховья Кумы и, соединившись с закубанцами, до конца 1779 года производили набеги на всем протяжении наших границ. И первый набег их в июне 1765 года отличался таким необычайным упорством и дерзостью, которые только и можно объяснить себе еще не остывшим раздражением, вызванным неудачей ходатайства.

Вместе с черкесами нагрянули они тогда на линию и шесть недель стояли под стенами Кизляра, грабя и опустошая его окрестности. Наконец предводитель партии Росламбек Карамурзин, известный под именем Сокур, то есть Кривой, отважился на приступ, но был отбит с громадной потерей и, чтобы поправить свою репутацию, кинулся в кочевья астраханских татар, у которых угнал такое громадное число ло-

шадей, что, по словам одного современника, в целой степи, кроме небольшого количества овец да быков, не осталось ни одной животины.

Так как подобные попытки могли повториться, то Екатерина приказала перевести на Терек еще часть волжских казаков, живших около Дубовки, и поселить их под именем Моздокского полка между самой крепостью и гребенскими городками. Казаки прибыли с Волги в 1769 году и были водворены на Тереке в станицах Галюгаевской, Наурской, Ищорской, Мекенской и Калиновской своим походным атаманом, полковником, впоследствии генералом Савельевым, имя которого в свое время было так популярно между казаками, что сады в Наурской станице и поныне называются еще Савельевскими. Таким образом Терская линия была значительно усилена.

Справедливость требует сказать, однако, что казаки, пришедшие с Волги и Дона, не сразу сделались хозяевами края, а должны были еще долго присматриваться к обычаям совсем не знакомой и чуждой им страны. Весь правый берег Терека, поросший тогда непроходимыми лесами, скрывал враждебные племена кабардинцев и, казалось, дышал войной и гибелью. Оттуда выходили партии, которые не раз орошали русской кровью первые борозды, проводимые казацкой сохой. Места для засад были удобные, потому что и левый берег реки – теперь обнаженный или занятый садами и огородами – тогда еще был покрыт вековыми дремучими лесами.

В позднейшее время Кавказской войны станицам угрожала опасность только из-за Терека, где жили чеченцы. Но сто лет назад казак боязливо смотрел и в другую сторону, где бродили толпы дикарей, не менее воинственных, но еще более кровожадных, чем горцы. Когда между буграми, покрывавшими Моздокскую степь, показывались бесчисленные табуны коней, войлочные кибитки и из-под косматых остроконечных шапок сверкали узкие глаза калмыков, казак брался за винтовку и сторожил станицу уже на все стороны. Обезоруженные впоследствии калмыки быстро потеряли воинственность, но старожилы линии еще помнят калмыцкие разбои и стычки с непримиримыми врагами – киргиз-кайсаками. Податливая русская натура скоро, однако, освоилась с опасностями. Молодецки стал отбиваться казак, не уступая ни пяди из занятой им земли, и много совершил подвигов, которые, живо сохраняясь в народных устах, нам, их потомкам, кажутся почти баснословными. И лишь одни немые могилы, разбросанные по старым городищам, говорят нам о тех давно минувших временах, которые в истории Кавказа справедливо могут быть названы героической эпохой.

Еще не успели моздокские казаки вполне устроиться и укрепиться на Тереке, как началась турецкая война.

В это время впервые появляется у нас мысль о возможности включить Кавказ в общий план военных действий против турок с целью отвлечь турецкие силы от Европейского театра войны. Насколько эта мера оказалась целесообразной, дока-

зал Кучук-Кайнарджийский мир 1774 года, освятивший, так сказать, применение подобного образа действий на будущие времена.

И с тех пор все наши войны с турками постоянно сопровождались действиями и со стороны кавказских границ. Эти действия, оказывая более или менее решительное влияние на общий ход военных событий, являлись настоятельной необходимостью как единственное средство противодействия враждебной нам турецкой агитации, для которой мусульманские племена Кавказа всегда представляли вполне подготовленную почву.

Участие кавказских войск в войне 1769 года выразилось тем, что отдельный отряд, под начальством генерал-майора Медема¹⁶, прибыл в Моздок и отсюда должен был действовать против кабардинцев и закубанских черкесов, оказавшихся на этот раз особенно восприимчивыми к турецкой пропаганде. В то же время другой отряд, под начальством графа Тотлебена, прошел через Дарьяльское ущелье на помощь к имеретинскому царю Соломону и, овладев Кутаисом, очистил от турок всю Имеретию.

Так как действия Медема были ближе к русским границам и касались собственно северной части Кавказа, то мы прежде всего и остановим на них внимание читателей.

---

¹⁶ Медем командовал до этого Оренбургским корпусом. На Кавказе, кроме отряда, прибывшего с ним из России, ему подчинены были все казаки, жившие по Тереку, калмыки и другие инородцы.

Война началась весной 1769 года нападением кубанских черкесов и татар на наших калмыков. Слух о том, что большая часть калмыцкого войска ушла на Дунай, так соблазнительно подействовал на горцев, что они решились воспользоваться случаем и напасть на их улусы¹⁷. Но между тем как крымские султаны Максют и Арслан-Гирей вели шесть тысяч отборных всадников к нашим пределам, калмыцкий хан Убаша, со всей своей двадцатитысячной конницей, стоял уже на берегах Калауса и зорко следил за противником. Бой произошел 29 апреля. Небольшого роста, черномазые, безобразные, но ловкие, «как черти», калмыки превосходили своей воинственностью все азиатские народы и представляли противников опасных и грозных. Ламберти, путешествуя по Кавказу за сто лет перед тем, рассказывает об амазонках, сражавшихся с войсками Дадиана Менгрельского. Эти амазонки были калмыцкие женщины, принимавшие участие в битвах наравне со своими мужьями. Однажды несколько тел подобных героинь попало в руки менгрельцев, и Дадиан назначил большую награду тому, кто приведет к нему одну из таких амазонок живой. Современники, упоминая об этом, не говорят, однако же, чтобы кто-нибудь получил подобную награду.

Само собой разумеется, что бой при таких условиях должен был скоро решиться. Черкесы дали тыл, и калмыки на-

---

¹⁷ По другим известиям, кабардинцы и закубанцы шли с намерением овладеть Моздоком, и Убаша, проведав об этом, встретил их на дороге.

сели на них, как дикие звери: они их рубили, резали, загоняли в болота, топили в Калаусе. Все пять знамен, множество оружия и панцирей, пять тысяч лошадей, обозы и выюки – все это осталось в руках победителей. Пленных взято было немного, немногие же успели бежать, а все остальные пали на поле сражения. На самом месте побоища Убаша велел тогда же насыпать курган и назвал его курганом Победы, а на той стороне Калауса, где кончилась битва, – другой курган, который был назван им курганом Пиршества. Оба эти кургана – памятники битвы – существуют в ставропольских степях и поныне.

По первому известию об этом сражении Медем соединился с калмыцким ханом и стал у горы Бештау, в черте кабардинских владений. Отряд его имел под ружьем не больше трех тысяч человек из четырех рот кизлярской гарнизонной команды, Грузинского гусарского полка и трех эскадронов драгун при десяти орудиях; остальное дополнялось казаками. Но главную силу его составляли двадцать тысяч калмыков, которые не подчинялись ему непосредственно, однако же Медему поставлено было в обязанность «командовать ханом, но так, чтобы это командование ему не было заметно». Задача трудная, с которой Медем, как увидим дальше, не справился. Как только русские войска вошли в Кабарду, большая часть кабардинцев тотчас присягнула на подданство императрице. Но часть, увлеченная молодыми князьями, укрепилась в соседних горах и, не желая ни нашего, ни ту-

рецкого подданства, стремилась отстаивать свою независимость. Медем послал против них конный отряд под начальством гусарского майора князя Ратиева, который 6 июня и имел с ними жаркое дело в ущельях Подкумка. Кабардинцы дрались отважно, но с такой же отвагой нападали на них моздокские казаки во главе с атаманом Савельевым, который сам водил их на завалы. Жестокий бой продолжался до ночи, а к утру неприятель поднял белое знамя и выдал аманатов. Кабардинцы сдались безусловно. Медем назначил к ним русского пристава¹⁸ и, разъяснив им значение и святость присяги, двинулся к Кубани, желая возможно скорее воспользоваться впечатлением, которое должна была произвести в горах весть об истреблении черкесского отряда.

На Кубани, по правому берегу ее, ближе всех к нашим границам жили в то время салтан-аульские ногаи, среди которых еще были живы предания о грозном нашествии Дундука Омбы, сумевшем в четырнадцать дней превратить цветущую страну в обширное кладбище. Салтан-аульцы избежа-

---

¹⁸ Первым кабардинским приставом назначен был майор Дмитрий Васильевич Таганов – внук известного ногайского владельца Муса-Мирзы. Еще будучи ребенком, он отдан был русским в аманаты и жил в Кизляре, а когда Муса-Мирза бежал опять на Кубань, молодого Таганова отправили в Петербург и поместили в кадетский корпус. Там он принял крещение и по окончании курса был выпущен поручиком в калмыцкое войско. При выборе пристава Медем остановил на нем свое внимание как по совершенному знанию им туземных наречий, так и по тому уважению, которым пользовался древний род Тагановых во всей Кабарде и в Закубанье. Должность кабардинского пристава он отправлял четырнадцать лет, потом был комендантом в Кизляре и умер в 1798 году в чине генерал-майора.

ли тогда общего погрома, присягнув на подданство русской императрице. Но лет двадцать назад, увлеченные турецкой пропагандой, они опять ушли на Кубань и теперь со страхом ожидали за это возмездия. Они уже давно следили за тем, какое направление примут калмыки, и как только направление это обозначилось, все, что было живого на Кубани, бросилось спасаться на левую сторону. Но спасаться уже было поздно. Пять тысяч калмыков переправились за ними вплавь и вскоре завязали дело. В то же время другой отряд, под начальством князя Ратиева, был двинут на каменный мост, находящийся в верховьях Кубани близ устья реки Теберды. Мост оказался занятым неприятелем. Савельев спешил четыреста своих казаков и бросился на приступ. Завязался горячий бой. Старый атаман вскоре был ранен, и только когда капитан Фромгольд привел к нему гусарский эскадрон с артиллерией, мост наконец был взят, и войска, перейдя на левый берег Кубани, в пять дней покончили экспедицию. Главным ее результатом было то, что салтан-аульцы опять поступили в русское подданство и были причислены к кабардинскому пристаству.

Встревоженные быстрым и решительным успехом русских войск, турки усилили агитацию среди кавказских племен, и первой жертвой враждебного нам движения горцев сделался Кизляр. Воспользовавшись рабочей порой и тем, что Медем был за Кубанью, чеченское племя кистин сделало набег и захватило в садах Кизляра множество жителей, за-

нимавшихся уборкой винограда. Известие об этом заставило Медема возвратиться на линию. Наказанные им чеченцы смирились, возвратили часть пленных и дали аманатов. Но не прошло и года, как эти аманаты бежали, а кистины сделали новый набег ужаснее первого, так как на этот раз, ворвавшись в Кизляр, они не брали жителей в плен, а убивали всех, не разбирая ни пола, ни возраста.

Беспорядки в Чечне в течение всей первой половины 1770 года удержали Медема на линии целое лето. Между тем калмыки, скучая от бездействия, отправили сильную партию под начальством Емегенъ Убаши к Копылу, который, после разгрома его Дундуком Омбой, был перенесен на один из островов, образуемых быстрым течением Кубани. Два дня скрывалась партия в густом прибрежном камыше, выжидая случая напасть на город врасплох, но так как горцы держались с большой осторожностью, то Емегенъ потерял наконец терпение и решился действовать открыто. Вся партия его, раздевшись догола, переплыла Кубань верхом и кинулась на город с саблями и пиками. Но здесь их ожидало страшное разочарование: новый город оказался обнесенным глубоким ровом и валом, уставленным рогатками. Пока калмыки выбивали ворота, работая руками и камнями, со стен загремели пушки, и Емегенъ принужден был отступить.

Чтобы загладить впечатление от этой неудачи, старый Убаша сам двинулся в поход и сделал набег на берега Лабы и Урупа. На этот раз он действовал малыми партиями и огра-

ничился только отгоном скота и истреблением нескольких аулов.

Медем, узнавший об этих экспедициях только в Моздоке, был весьма недоволен преждевременным открытием военных действий и сделал резкое замечание хану. Хан оскорбился и, как лицо владетельное, не считавшее себя обязанным повиноваться простому генералу, собрал своих калмыков и ушел на Волгу. Таким образом, кампания этого года окончилась ничем, и Медем, простояв некоторое время у горы Бештау, распустил войска на зимние квартиры.

В это время шесть тысяч горцев имели намерение произвести нападение на лагерь, но майор Фромгольд 4 октября разбил передовую партию их на реке Куме, и нападение не состоялось.

Причины самовольного оставления ханом театра войны едва ли можно искать только в распре его с генералом Медемом; вероятнее предположить, что поступок хана имел в своем основании неудовольствие против нашего правительства, которое давно уже стремилось обуздать его самовластное управление ханством. Реформы, вводимые русским правительством в калмыцких владениях, конечно, не могли быть поняты полудиким ханом, видевшим в них только ограничение своей деспотической власти. Понятно, что в уме Убаши естественно могла возникнуть мысль совсем уйти из России.

И действительно, воспользовавшись первым благоприятным случаем, он бежал в Зауральские степи в январе 1772

года. Яицкое войско, в то время уже волновавшееся, ничего не сделало для того, чтобы остановить побег, и хан беспрепятственно достиг пределов Китайской империи. С ним вышло из русских владений до двадцати тысяч кибиток, и вся степь между Волгой и рекой Калаус опустела до такой степени, что когда Сокур-Аджи Карамурзин в 1771 году сделал набег, то черкесы беспрепятственно дошли до земли Донского войска и разорили там Романовскую станицу и только уже на обратном пути имели небольшую перестрелку с гусарами майора Криднера, которые преследовали их до Кубани.

Измена калмыцкого хана, восстание Чечни и постоянные волнения среди кабардинцев настолько озаботили Медема, что в течение почти трех лет он не мог предпринимать никаких решительных действий. Между тем к концу 1773 года на Кубани появился десятитысячный турецкий корпус и занял Тамань, сделавшуюся в скором времени главным местопребыванием всех тайных агентов Порты. Начальство над этим корпусом поручено было Девлет-Гирею, которого Порта провозгласила ханом и, по обычаю крымской страны, назначила к нему в помощники калгу и нураддина – две высшие в ханстве государственные должности.

Таким образом, и русские и турки хлопотали в это время о Крыме с одинаковым усердием. Явились два хана: один – Сагиб-Гирей, занимавший престол в Бахчисарае и избранный татарами при содействии русских, другой – Девлет-Гирей, назначенный в это звание Турцией. Отсюда понятно, что для

Девлет-Гирея вопрос, чью сторону примут многочисленные ногайские орды, скитавшиеся по Кубанским степям, был вопросом жизни или смерти. Чтобы проникнуть в Крым, ему нужно было начать свою деятельность там, где русское влияние оказывалось слабее, а с этой стороны не было благодарнее почвы, как именно закубанские народы.

В середине марта 1774 года, усилив свой корпус еще пятнадцатитысячным сборищем горцев, Девлет вышел из Тамани и двинулся по направлению к русской границе. Первой и главной его заботой было истребить Джан-Мамбет-бея, главного начальника ногайских племен, человека искренне преданного русскому делу. По счастью, при Джан-Мамбете находился в то время небольшой отряд русских войск под командой подполковника Бухвостова, который не входил в состав Кавказского корпуса, а был выслан из армии князя Долгорукова, занимавшего в то время Крымский полуостров, с назначением охранять интересы преданных России татар. Этот-то отряд, состоявший всего из полутора тысяч человек ахтырских гусар, драгун и донских казаков, встретил турецкий авангард под начальством калги в Едичанской орде и, прежде чем Девлет успел подоспеть на помощь с главными силами, разбил его наголову. Ногайцы, уже начинавшие колебаться в верности, теперь вместе с русскими преследовали бегущих. Джан-Мамбет, несмотря на свою старость, рубил в запальчивости тех, которые не решались сражаться со своими единоверцами.

Спустя несколько дней случилось и другое победоносное для русских столкновение. Донской полковник Ларионов, отправленный со своим полком на разведку, ночью внезапно был окружен многочисленными толпами недавно разбитых татар. По счастью, Ларионов не потерял присутствия духа и, пользуясь темнотой ночи, атаковал татар в пики, сбил и рассеял их так, что на рассвете следующего дня ни одного из них уже не было видно в окрестностях русского лагеря.

После этого дела подполковник Бухвостов настоял, чтобы Едичанская орда передвинулась ближе к расположению наших пограничных войск, а для прикрытия ее оставил на реке Калале небольшой казачий отряд под командованием полковника Платова. Опасения Бухвостова оказались справедливыми. Едва лишь ушли едичанцы, как в тот же день на Калалу нагрянул Девлет, и 3 апреля Платов был атакован его двадцатипятитысячной армией. Геройская защита Платова составляет один из блистательнейших подвигов донского казачества; но нет сомнения, что горсть храбрецов, находившихся в его распоряжении, была бы уничтожена, если бы, спустя короткое время, на помощь к ней не подоспел подполковник Бухвостов. Надо сказать, что у Бухвостова осталось только пятьсот человек кавалерии, но этот отличный штаб-офицер понимал, что нравственный дух заменяет численность, и потому, не теряя ни минуты, бросился на выручку, «в надежде, — как он доносил, — на испытанную храбрость здешнего войска». Едичанцы за ним не пошли, даже

сам Джан-Мамбет с изумлением и жалостью смотрел на отряд, скакавший, как он полагал, на свою погибель.

Между тем отвага Бухвостова увенчалась полным успехом. Ударив с налета в тыл неприятеля, он внес такое смятение в татарское сборище, что когда Платов, со своей стороны, сделал отчаянный натиск, то все бросились бежать, охваченные паникой. То была единственная победа, едва ли когда встречающаяся еще в наших военных летописях: тысяча всадников гнала перед собой двадцатипятитысячную армию, охваченную паникой! Три раза пытался неприятель остановиться, чтобы собрать свои рассеянные силы, и три раза, сбитый Бухвостовым, снова бросался в бегство. Теперь в погоне за неприятелем принимали участие уже и татары, предававшие смерти всех, кого успевали настигнуть. Кубань перешли вброд, и затем Бухвостов с гусарами и казаками занял Копыл, где нашел тридцать четыре турецкие пушки. За это отважное дело Бухвостов был награжден орденом Святого Георгия 3-й степени.

Первым и главным результатом поражения Девлета было отпадение от него закубанцев. По всей вероятности, этим бы и кончились все его похождения, если бы неожиданный бунт в Кабарде не дал ему новой надежды на успех предприятия. Небольшой отряд майора Криднера, стоявший у Бештамака, где ныне Екатериноградская станица, не мог помешать соединению Девлета с кабардинцами. К счастью, неприятельский корпус, несмотря на огромное численное превосход-

ство, не обнаружил большой решимости, что было, по всей вероятности, последствием неудач, которые турки понесли на Дунае. Все его действия ограничились бесцельным движением к Моздоку и неудачной осадой Наурской станицы, геройская оборона которой занимает одну из блистательнейших страниц в нашей боевой кавказской хронике.

Разбитые здесь наголову татары бежали в Кабарду, куда по следам их двинулся весь корпус Медема. В то же время знаменитый атаман Савельев со своими казаками и гусарским эскадром поручика Зимина перешел через Терек и, уничтожив две сильные чеченские партии, спешившие к Науру, возвратился назад с тремя отбитыми знаменами. Бухвостов и Бринк продолжали работать за Кубанью, а Медем почти одновременно с этим настиг и окончательно рассеял остатки девлетовского корпуса в горах, на реке Чегем. Неизвестно, какие бы последствия имели для Девлета понесенные им поражения, если бы вслед за тем военные действия не были остановлены Кучук-Кайнарджийским миром.

По этому миру, заключенному 10 июля 1774 года, Порта признала Кубань границей Российской империи и навсегда отказалась от своих притязаний на Грузию и Имеретию.

После громких событий на Терской линии наступило как бы затишье. Кабарда, татары и Чечня, не смея повторять открытых нападений без поддержки Турции, занялись своими, искони неразрешимыми и нескончаемыми распрями, а русские тем временем стояли в Моздоке и занимались более

прочным устройством Терекской линии.

Из последующей деятельности Медема на Кавказе можно отметить лишь один выдающийся факт, именно – поход его с небольшим отрядом в Дагестан для наказания уцмий Кайтага за грабежи и вероломство, жертвой которого стал возвращавшийся из Персии известный ученый путешественник, академик Гмелин. К сожалению, никакие заботы нашего правительства не могли предупредить этого несчастья, случившегося, скорее всего, по вине самого Гмелина, который вздумал возвращаться из Энзели не морем, а сухим путем через Дагестанские горы. Впрочем, почтенный профессор, предпринимая этот путь, вовсе не думал об опасности, а рассчитывал, напротив, встретить содействие в своих научных экскурсиях со стороны уцмий, с которым когда-то ему случилось познакомиться. Уцмий действительно пригласил его в гости, но едва доверчивый Гмелин переступил порог его дома, как был изменнически выдан лезгинам. Горцы потребовали за него выкуп тридцать тысяч рублей серебром, но пока велись переговоры, Гмелину суждено было испытать до конца горькую чашу страданий. Он заболел и в глубокой тоске по родине умер 27 июня 1774 года. Вместе с ним погибли и все его труды, которые могли бы обогатить науку, но не доставили горцам ни малейшей поживы. Над прахом Гмелина, зарытого татарами в деревне Каякентах, долгое время не было ни креста, ни камня, ни изгороди – ничего, что могло бы напомнить и указать путешественнику место, где по-

коятся кости ученого труженика. Лишь в 1861 году другой профессор, академик Дорн, посещавший те же места, что и Гмелин, вспомнил, при возвращении из Персии, несчастного собрата и, разыскав его забытую всеми могилу, водрузил над ней большой деревянный крест с лаконичной надписью: «Академик Гмелин».

Обряд водружения креста произвел на татар, присутствовавших при этой церемонии, такое впечатление, что они, как бы желая загладить преступление своих единоверцев, совершенное за восемьдесят семь лет перед этим, сами вызвались принять на себя дальнейшие заботы и попечение об этой могиле. Гмелин, конечно, заслуживает лучшего памятника. Но величественно хорош и этот крест Спасителя здесь, вдали от христианского мира, среди мусульманских надгробий – лучший и верный символ страданий за любовь к человечеству.

Когда императрица получила известие о пленении Гмелина, она была возмущена вероломством уцмия и приказала Медему разорить его владения. Медем выступил в поход в марте 1775 года и прибыл в Дагестан в то время, когда кайтагцы осаждали Дербент, защищаемый Фет-Али-ханом Кубинским. Это был один из тех эпизодов бесконечной резни и междоусобицы, которыми так богата история кавказских народов и до которых русским, в сущности, не было ни малейшего дела. Уже девять месяцев тянулась осада, и Дербент, томимый голодом, был близок к сдаче, когда известие о приближении русских заставило уцмия отступить от города. В

битве при Иран-Хараба (Погибель Персии) уцмий был разбит, и наши войска произвели страшный погром в его владениях. Имя Глухого Генерала – Медем не слышал на одно ухо – долго оставалось в преданиях горских племен.

К сожалению, Медем превысил свои полномочия и, не довольствуясь разбитием уцмий, занял Дербент, принадлежащий персидскому шаху. Не ограничиваясь даже этим и желая еще больше расположить к себе владельца этого города, и без того уже обязанного ему спасением, он вздумал принять участие в его войне с кавказскими горцами и выслал небольшой отряд под командой майора Криднера в Табасаранские горы. Криднер, офицер спокойный и храбрый, составивший себе, как мы видели, видную репутацию во время действий на Кубани и против кабардинцев, вероятно, мало знаком был с тамошней местностью. Он допустил окружить себя в ущельях, потерял два знамени и если успел отступить к Дербенту, то только потому, что горцы побоялись его преследовать. Медем выкупил эти знамена за семьдесят рублей серебром – прием, оправдываемый мудрой русской пословицей «Где не можешь бить дубьем, бей рублем», ныне уже немыслимый, но в ту эпоху не раз, как мы увидим впоследствии, практиковавшийся с горцами, не имевшими ясного представления о значении подобных трофеев в европейских войсках. Оставив Криднера в Дербенте, сам Медем поспешил на линию, где в его отсутствие возмутились чеченцы.

Таким образом, Дербент, вопреки намерениям русского

правительства и в ущерб дружественным сношениям его с Персией, опять очутился во власти русских. Но участь его еще не была решена окончательно, когда случилось происшествие, которое выказало в полном свете необузданный и кровожадный характер самого Фет-Али-хана. Осенью 1775 года русское торговое судно, возвращавшееся из Персии в Астрахань, разбилось недалеко от Дербента, и Фет-Али-хан не только разграбил товары на сумму в семьсот тысяч рублей серебром, но всех людей, спасшихся от крушения, велел перебить, надеясь тем окончательно скрыть следы преступления. Каким образом выплыло на свет божий это темное дело – неизвестно. Но оно имело печальные последствия: майор Криднер почему-то был предан военному суду и разжалован в солдаты, а Дербент решено было оставить. Майор Фромгольд был послан в Дагестан, чтобы вывести наши войска обратно на линию.

Сам Медем после этого оставался на Кавказе недолго: отозванный в Петербург, он 21 мая 1777 года сдал командование войсками генерал-майору Якоби.

V. ПОДВИГ ПЛАТОВА

(Битва на реке Калалах 3 апреля 1774 года)

*...Витязь Дона,
Русской рати оборона,
Неприятелю аркан,
Где наш вихорь-атаман?*

Жуковский

Оригинальная и в высшей степени своеобразная личность донского атамана Матвея Ивановича Платова занимает в сонме сподвижников императора Александра I совершенно особенное положение. Он один из наиболее любимых народных героев, созданных Отечественной войной. Великая эпоха 1812 года, озарившая Дон беспримерной в его летописях военной славой, выдвинула этого грозного вождя Казацкой орды, и имя его облетело из конца в конец всю Европу. С тех пор прошло уже семьдесят лет; постепенно угасали боевые предания славной эпохи; одни за другими сходили в могилу доблестные бойцы 1812 года; истлели кости самого атамана. Но и теперь, когда уже едва слышны отголоски прежней его славы, имя и память Платова живут на Дону в бесчисленных рассказах, в песнях и в народных преданиях.

Главная деятельность Платова протекла среди кровавых войн наполеоновской эпохи, но колыбелью его известности был все-таки Кавказ – свидетель героической обороны его, в глухих и пустынных еще тогда степях нынешней Ставропольской губернии, во время турецкой войны. Если ехать с Дона по большому Черкасскому тракту, то вправо от него, там, где речка Калалах впадает в Большой Егорлык, на вершине весьма пологой и длинной покатости доныне заметны еще остатки земляного вала, за которым, по преданию, бились казаки и Платов с горстью донцов отражал нападение двадцатипяти тысячного турецкого корпуса. Бывают в жизни народов события, не вносящие никаких изменений в общественный их строй и тем не менее долго живущие в памяти позднейших поколений по причине чрезвычайно сильного впечатления, произведенного ими на современников. К числу таких именно событий, записанных историей, можно отнести и подвиг Матвея Ивановича Платова.

Теперь нет на Дону тех стариков, которые помнили бы детство героя Платова. Но по всем дошедшим до нас преданиям никто с самой ранней юности не отличался такими боевыми, чисто казачьими качествами, как Платов, в котором все предвещало человека замечательного, как бы нарочно созданного для войны и битв, для тех громких подвигов, которые впоследствии изумили собой всех русских людей и целую Европу.

Чтобы вполне оценить значение платовского подвига соб-

ственно в глазах донского казачества, нужно сказать прежде, в каком положении находилась тогда наша донская окраина.

С тех пор как Россия отторгла Крым из-под власти турок и образовала из него независимую область под управлением Сагиб-Гирея, борьба казачества с соседним ему магометанским миром перенесена была на берега Кубани, где сосредоточились все враждебные ему элементы. Глубоко раздраженная потерей Крыма, Турция деятельно старалась поднять против России кабардинцев, закубанских черкесов, татар и даже ногайцев, этих полумирных кочевников, которые хотя и признавали над собой верховную власть замиренного Крыма, но были соучастниками во всех грабежах и набегах на русские пределы. Подготавливая вторжение в Крым, турки отлично понимали, что прежде надо было отвлечь куда-нибудь часть русских сил, охранявших Перекоп, и в этом случае Дон, как искупительная жертва честолюбивых замыслов, обречен был ими на гибель. Замечательно, что известие об этом пришло в Черкасск почти одновременно с другим, не менее тревожным, — о появлении на Волге пугачевских скопищ. Страшный самозванец в это время уже шел с Казани и успел поднять все низовые губернии до самых северных пределов Донского войска.

В другую пору, когда все казаки были дома, вести о неприятелях произвели бы, пожалуй, совсем иное впечатление. Тогда войсковое начальство, быть может, и само не стало бы о них очень беспокоиться, зная, что донцам не в первый

раз переводываться на бранном поле с разными татарами. Но теперь, когда большая часть донских полков находилась в походе, за границей, а на Дону оставались только старики да юноши, никогда еще не бывавшие в сражениях, поневоле приходилось серьезно призадуматься над участью края.

В таком положении находились дела, когда весной 1774 года Девлет-Гирей, провозглашенный крымским ханом, двинулся к Дону. Ногайская орда поднялась и стала уходить на речку Ею. Но для того, чтобы прикрыть ее переселение и вместе с тем забрать весь провиант, имущество, скот и даже больных, покинутых жителями в местах, где были их становища, подполковник Бухвостов составил из своего отряда два слабых казачьих полка под начальством полковников Платова и Ларионова.

13 апреля, когда полки эти стояли в вершинах реки Кала-лах, с передовых постов вдруг дали знать, что «валит силы татарской видимо-невидимо». Не успели казаки опомниться и сесть на коней, как весь горизонт уже покрылся черной тучей татарской конницы. Это были главные силы Девлета, у которого насчитывалось тогда более двадцати пяти тысяч разных азиатских всадников. Казалось, что горсть казаков, не превышавшая в обоих полках тысячи коней, моментально будет раздавлена налетевшим на нее ураганом. Действительно, первой мыслью, которая появилась у донцов под этим впечатлением, было покинуть обоз и уходить, пока еще не поздно. Но Платов думал иначе, именно, что долг их за-

ключается в защите транспорта до последней крайности, что лучше отбиваться два или три дня, пожертвовать частью отряда, что, наконец, лучше всему отряду погибнуть с честью, нежели потерять обоз и этим, быть может, подорвать успех всей экспедиции.

«Друзья мои! – воскликнул он, обращаясь к полку. – Вы видите сами, какая сила татар окружает нас! Нам нужно биться с этой силой – и победить ее или лечь костями, как поступали наши деды!.. Не будем же мы русские, не будем донцы, если устранимся проклятого татарина!»

Ровный, спокойный и как бы не признающий никакой опасности голос его отрезвил казаков, уже близких к панике. Пользуясь этой минутой, Платов приказал им быстро сдвинуть телеги так, чтобы загородить со всех сторон небольшой окоп, возведенный за ночь, а между тем вызвал двух расторопнейших людей из своего полка и приказал им как можно скорее известить обо всем Бухвостова.

«Помните, – сказал им Платов, – что вам, быть может, предстоит пробиться сквозь неприятеля... Дон не забудет вашей услуги, а если суждена вам славная смерть, то знайте, что вы положите головы в честном бою за край ваших отцов, за православную веру, за ваших братьев, за матушку-царицу – за все, что есть на земле святого и драгоценного для русского чувства!»

Восторженная речь воодушевила казаков. Оборона была решена, и два полка засели в засаду.

Нельзя не заметить, что Платову в это время было только двадцать три года. Он был моложе Ларионова летами и службой, но его энергия и нравственное влияние на казаков были так велики, что фактическое командование отрядом само собой перешло в его руки.

Было часов восемь утра, когда громадная сила татар со всех сторон обложила казачий стан, укрывшийся за утлой оградой, которую никто бы в наше время не осмелился назвать укреплением. Казаки увидели, как развернулось большое ханское знамя и как толпа, приветствовавшая его появление диким ревом, двинулась на приступ.

Первое нападение, однако же, было отбито – казаки устояли. Но бежавшие татары тотчас сменились другими, свежими толпами, и за первым приступом последовал второй, за вторым – третий, четвертый, пятый... Боковые фасы укрепления сплошь завалились телами побитых татар, но по этим трупам ломились и лезли в вагенбург все новые и новые люди... Рук не доставало, чтобы везде отбивать нападающих. А между тем, не сдержи казаки напора где-нибудь в одном месте, гибель всех была бы неизбежной. Платов сам обходил ряды и увещевал всех постоять до конца за тихий Дон, за матушку-царицу.

Семь приступов уже было отбито, начинался восьмой, и сомнение мало-помалу стало закрадываться в сердца даже этих железных защитников. Тогда старый боец, еще недавно прославивший себя молодецкой битвой, полковник Ларио-

нов отозвал Платова в сторону.

– Посланные тобой казаки, – сказал он ему, – вероятно, погибли; мы истощили все силы, большая часть лошадей наших перебита, и без особой помощи свыше нам нельзя ожидать спасения...

– Что же ты хочешь сказать этим? – перебил его Платов.

– Я думаю, – продолжал Ларионов, – что нам благоразумнее выговорить себе какие-нибудь условия, чем бесполезно продолжать оборону.

– Нет! Никогда! – воскликнул Платов. – Лучше умрем, нежели покроем стыдом и позором честь нашей отчизны.

– На что же ты надеешься? – спросил Ларионов.

– На Бога, и верю, что Он не оставит нас своей помощью. Ларионов молча пожал ему руку.

В это самое время Платов, пристально вглядывавшийся в степь, вдруг радостно перекрестился. Ему показалось на самом горизонте большое серое облако, которое быстро росло, ширилось и вдруг зарябило многими точками. Эти точки отчетливо и ясно стали вырисовываться в прозрачной синеве вечернего воздуха, и зоркий глаз степняка безошибочно угадал в них скачущих всадников.

– Ребята! – воскликнул Платов. – Смотрите, уж это не наши ли скачут на выручку?..

– Наши! Наши! – закричали казаки, и сотни рук поднялись, чтобы сотворить крестное знамение.

Помощь действительно была недалеко.

Один из казаков, посланных Платовым, был убит, но другой доскакал до Бухвостова и передал ему известие, которое мгновенно подняло на ноги целый отряд. Гусары, казаки, драгуны бросились седлать лошадей. Шумный говор пошел по всему бивуаку. Одни татары, узнав о близости Девлета, пришли в отчаяние и ни за что не хотели следовать за нашими войсками. Уговаривать их было некогда. Пока Бухвостов с эскадроном ахтырских гусар и с легкой драгунской командой выезжал из лагеря, полковник Уваров со своим казачьим полком уже был далеко впереди и прежде всех подоспел на помощь. Минута – и двести – триста казаков с опущенными пиками врзались в тыл неприятелю. Это была атака отчаянная, безумная, не оправдываемая ничем, кроме слепой и дерзкой отваги, но именно эти-то свойства ее и имели решающее влияние на судьбу Калалахской битвы. Десятки тысяч людей, несомненно храбрых, вдруг дрогнули и, смешавшись, как робкое стадо, обратились в неудержимое бегство. Началась паника – та страшная паника, которая безотчетно охватывает массы и подчиняет их одному только животному инстинкту самосохранения. Казаки, преследуя бегущих, нагнали их прямо на отряд Бухвостова, который принял их картечью из четырех орудий. Это был финал, после которого все татарское скопище разбежалось в разные стороны, и собрать его не представлялось уже никакой возможности.

Казакам досталась богатая добыча. На месте боя они собрали и похоронили свыше пятисот неприятельских трупов.

У Платонова выбыло из строя только восемьдесят два человека, но до шестисот лошадей, так что большая половина его отряда осталась пешей.

«Платов, — доносил Бухвостов, — будучи в огне, оказался вполне неустрашимым; он сумел ободрить своих подчиненных, приходивших уже в отчаяние, и этим способом удержал их в слабом укреплении до моего прибытия. Затем, во время преследования, он с величайшей опасностью для жизни бросился на многочисленные толпы неприятеля, подавая пример своим подчиненным, особенно в лесном сражении близ Кубани, где ободренные им спешенные казаки оказали храбрость примерную».

«Если кому-нибудь придется быть в таком же положении, — говорит известный наш партизан Д. В. Давыдов, — тот пусть вспомнит подвиг молодого Платова и успех увенчает его оружие. Фортуна, не всегда слепая, возведет, быть может, твердого воина на ту же степень славы, на которую вознесла она и маститого героя Дона».

Калалахская битва была выиграна. Дон был спасен от погрома, и с этих пор казаки заговорили о Платове как о чем-то чудесном. Начальство обратило на него особенное внимание, и даже вся армия, двор и сама императрица узнали его имя. Но всех более полюбил его знаменитый Потемкин, который до самой смерти своей оставался истинным его благодетелем и покровителем. Калалахское сражение было, можно сказать, яркой зарей блистательной славы, которая сде-

лалась с тех пор неразлучной спутницей его на военном поприще.

Дальнейшая служба Платова не принадлежит Кавказу. Только раз он еще возвратился сюда в качестве походного атамана во время Персидского похода графа Зубова, но этот кратковременный поход не дал ему случая совершить что-нибудь достойное его имени.

В 1806 году, будучи уже войсковым атаманом, он в первый раз повел свои донские полки на битвы с французами и с этих пор до взятия Парижа, можно сказать, не вынимал ноги из боевого стремени, совершая ряд громких подвигов. Одни донцы под предводительством Платова отбили от французов в 1812 году тридцать знамен и взяли в плен десять генералов и семьдесят нижних чинов. Насколько популярно было тогда имя Платова в Европе, можно судить по следующим фактам. В Лондоне, в общем собрании сословий города, было постановлено, в признательность великим подвигам Платова, поднести ему от лица английского народа драгоценную саблю в золотой художественной оправе. Сабля эта составляет и поныне фамильную святыню графов Платовых. На эфесе ее на одной стороне по эмали изображен соединенный герб Ирландии и Великобритании, а на другой – вензельное изображение имени Платова; верх рукоятки покрыт алмазами; на ножнах медальоны превосходной чеканки изображают подвиги и славу героя; на клинке – соответствующая надпись. Большой портрет атамана помещен в королев-

ском дворце рядом с портретами Блюхера и Веллингтона – изображения трех главных бичей ненавистного для англичан французского императора. Под этим портретом висит картина, изображающая знаменитого белого коня – верного и неразлучного спутника атамана во всех боях, написанная по приказанию принца-регента одним из знаменитейших в то время лондонских художников. Коня этого в полном казацком уборе Платов, тронутый сочувствием к себе английского народа, подарил, уезжая из Лондона, принцу-регенту, как представителю могущественного государства. Донской красавец был принят на королевские конюшни и кончил жизнь вдали от родных степей.

Возвратившись на Дон генералом от кавалерии, графом и с бриллиантовыми знаками Андреевского ордена, Платов думал еще посвятить остаток своих дней внутреннему благоустройству родины. Но смерть уже стерегла его, и 3 января 1818 года маститый атаман скончался в своем небольшом поместье около Таганрога, шестидесяти семи лет от роду. Рассказывают, будто бы легендарный богатырь, сломленный тяжелым недугом, в последние минуты произнес следующие слова: «Слава! Слава! Где ты? И на что ты мне теперь пригодилась?»

Прах атамана покоится ныне близ Новочеркасска, в фамильном склепе Мишкинской церкви; белая мраморная плита указывает место его погребения, и теплится вечная неугасимая лампада перед иконой. Роскошный памятник ра-

боты известного скульптора Мартоса, стоявший когда-то над самой могилой графа, теперь перенесен и поставлен впереди алтаря.

Но есть и другой памятник, воздвигнутый Платову по повелению императора Николая Павловича, желавшего увековечить память донского героя в назидание будущим поколениям нашего казачества. Этот прекрасный монумент, исполненный бароном Клодтом, стоит в Новочеркасске среди обширной площади и представляет «вихря-атамана» в развевающей бурке, с гетманской булавой в одной и с обнаженной саблей в другой руке, как бы устремляющегося с восставшим населением Дона в битвы на врагов России. Вся фигура, отлитая из бронзы, дышит энергией и силой.

«Долго и в раздумье стоишь перед этим изображением, — говорит один путешественник, — а в голове мелькают события славного 1812 года, и в памяти невольно воскресают строфы Жуковского из его «Певца во стане русских воинов»:

Хвала! Наш вихорь-атаман,
Вождь невредимых, Платов!
Твой очарованный аркан —
Гроза для супостатов.
Орлом шумишь по облакам,
По полю волком рыщешь,
Летаешь страхом в тыл врагам,
Бедой им в уши свищешь;
Они лишь к лесу — ожил лес,

Деревья сыплют стрелы;
Они лишь к мосту – мост исчез;
Лишь к селам – пышут села».

VI. ГЕРОЙСКАЯ ОБОРОНА НАУРСКОЙ СТАНИЦЫ В 1774 ГОДУ

Оборона Наурской станицы моздокскими казаками 10 июня 1774 года представляет собой один из тех подвигов, которые, не имея большого политического и военного значения, вместе с тем невольно останавливают на себе внимание и современников и потомства, поражая ум и воображение. И в летописях царствования великой императрицы русской, столь славного богатырскими делами, и в летописях Кавказской войны этот эпизод должен занять место между славными подвигами, прославившими русское имя.

Была первая турецкая война, и Наурскую станицу обложило восьмидесятысячное скопище татар, кабардинцев и турок под предводительством калги из рода крымских султанов. Строевые казаки еще не возвращались из похода, и дома оставались только старики, женщины, дети и легионная команда. У неприятеля был явный расчет захватить врасплох беззащитных жителей станицы, которая едва только устроивалась, хотя, правда, и была обнесена валом и снабжена орудиями. Неприятель не знал, однако же, с кем будет иметь дело, и встретил небывалое войско с небывалым оружием. Разряженные наурские казачки в красных сарафанах вышли на защиту родного города и отражали неприятельские приступы наряду с мужьями и братьями. На женщин, между

прочим, была возложена обязанность поддерживать костры, разогревать смолу и лить со стен кипяток на головы штурмующих. Сохранилось предание, что даже щи, варившиеся к обеду, шли у казаков на дело защиты.

Оборона Наура была первым случаем, когда от кавказской женщины понадобилась серьезная и опасная боевая служба. Впоследствии она уже не расставалась с ней и сроднилась как с чем-то неизбежным среди суровой обстановки порубежного быта. Моздокские казачки не пугались ни свиста вражеских пуль, ни стрел, ни дикого рева и гика нападающих неприятелей. Спокойно, рядом со старыми волжскими бойцами встречали они яростные атаки татар, защищались серпами, косили косами смельчаков, появлявшихся на земляном валу станицы. Чугунные пушки перевозились на людях с места на место, смотря по тому, откуда усиливался приступ.

Несколько отбитых штурмов дорого стоили татарам. Полагают, что их потеря простиралась до восьмисот человек и что большая часть ее пала на кабардинцев. В числе убитых кабардинцев был и один из известных владельцев, князь Кагока Татарханов, и тело его осталось на поле сражения. Уже одно это обстоятельство показывает, как сильно было смятение татар, считающих священным долгом выносить из боя тела убитых товарищей, а тем более вождей и предводителей.

Целый день длилась кровавая борьба за обладание Нау-

ром, и целый день, истомленные боем, наурцы ожидали выручки, но выручка не появлялась. Станица Червленая лежала всего в сорока верстах, но сообщение с ней было прервано.

Говорят, что в Червеной был слышен гул пушечных выстрелов, но что командир пехотного полка, расположенного в станице, почему-то думал, что у наурцев идет совсем не кровавая драма, а водевиль с потешными огнями, до которых, нужно сказать мимоходом, был великий любитель начальник моздокских казаков старый полковник Савельев.

Так прошел день 10 июня. 11-го с рассветом вновь загремели казацкие пушки, но, к общему удивлению, неприятель быстро стал отходить от станичных валов, и скоро беспорядочные толпы его скрылись из глаз изумленных наурцев. Никто не знал и не догадывался о настоящей причине столь поспешного отступления вражеского табора, и уже впоследствии только стали говорить, что снятием осады Наур обязан был казаку Перепорху, наведшему орудие прямо на высокий курган, где стояла ставка калги, и счастливым выстрелом убившему любимого племянника предводителя. В этой случайности калга увидел для себя дурное предзнаменование и больше не хотел оставаться на тех полях, которые обгажены были неповинной кровью юноши...

Спустя много лет после этого события, в 1838 году, казаки разрывали однажды станичный курган, на котором, по рассказам их дедов, стояла ставка крымского султана, и дей-

ствительно нашли в земле человеческие кости, серебряный кувшин и золотые украшения с пояса и конской сбруи. Кто знает, быть может, это и были останки того человека, случайная смерть которого решила участь наурской осады.

Хотя рассказ о казаке Перепорхе и его удачном выстреле и довольно популярен среди жителей Наурской станицы, но большинство казаков и донине приписывает снятие осады и бегство неприятеля только особому Божьему покровительству. Предание говорит, что на заре 11 июня, в день памяти святых апостолов Варфоломея и Варнавы, два всадника на белых конях и в белой одежде проехали вдоль вражеского стана и навели на татар панический ужас. В ознаменование этого события в наурской церкви устроен даже придел во имя апостолов Варфоломея и Варнавы, и день 11 июня празднуется в Моздокском полку до настоящего времени.

«Это бабий праздник», – говорят о нем казаки, вспоминая славное участие, которое приняло в бою женское население станицы. Многие из представительниц славного дела дожили до позднейшего времени, и посетители Наура еще не очень давно встречали старых героинь, украшенных медалями за его оборону.

Видная роль, выпавшая на долю женщины-казачки при защите Наура, была особенной причиной, почему кабардинцы долго не могли забыть позора своего поражения. Даже мирные из них старались не встречаться с моздокским казачком, боясь насмешек насчет того, «как Кабарда пошла вое-

вать, да не управилась с казацкими бабами». Когда же приходилось встречать кого-нибудь из них с обожженным лицом, то казак и казачка не пропускали, бывало, случая позубоскалить над злополучным джигитом.

– А что, дос (приятель), не щи ли в Науре хлебал? – спросит, бывало, линеец и провожает добродушным смехом угрюмо молчащего кабардинца.

VII. НЕУДАЧНЫЙ ПОХОД ТОТЛЕБЕНА В ГРУЗИЮ

18 ноября 1768 года была объявлена турецкая война. Екатерининские армии под начальством князей Голицына и Долгорукова двинулись к Днестру и к Перекопу, и сверх того сформированы были еще два отдельных самостоятельных отряда, назначавшиеся к военным действиям, – один на Кубани, у подножия Кавказских гор, а другой – по ту сторону гор, в Закавказье, в древней Колхиде и Иверии.

Отделенные от нас высокой кавказской стеной, народы картвельского племени составляли в то время четыре государства: Грузию, Имеретию, Менгрелию и Гурию. Грузия была сильнейшей из них, но, раздираемая внутренними смутами и междоусобицами, она не могла иметь влияния на судьбы сопредельных с ней христианских государств, из которых каждое жило своей особенной жизнью.

Просвещенная светом истинной веры почти за шестьсот лет до крещения Владимиром Киева, древняя Иверия оставила много исторических памятников прежнего своего величия, но золотой век ее миновал уже в XII столетии, когда Древняя Русь еще только начинала свое политическое существование.

Иверия пережила много невзгод, история ее есть длинный мартиролог иверийского народа. Грузинская территория, ле-

жащая на великом перекрестке переселения народов, через который прошли, сталкиваясь между собой, многочисленные племена Азии и Европы, была постоянной ареной борьбы, и потоки крови пришельцев и туземцев обагрjali поля ее. Сильная некогда Грузия наконец стала изнемогать в борьбе с могучими соседями, злополучный край попеременно стали терзать то персияне, то турки, то лезгины. И между тем как иверийский народ, сильный духом и верой, напрягал последние силы в борьбе с магометанским миром, цари Имеретии уже спокойно выносили вековую зависимость от Порты, а остальные государства, Менгрелия и Гурия, совсем подпали под ее влияние и даже отурчилились и обасурманились.

В половине минувшего столетия на престол Имеретии вступил Соломон I, названный Великим. Двадцатилетний юноша, он поставил для себя задачу освободить страну из-под власти турок, подвергавших его отечество бедствиям жесточайшего рабства. Без войск и почти без денег он начал кровавую борьбу против притеснителей и неоднократно наносил поражение значительным силам их среди лесов и неприступных мест, которыми богата его родина. Турки, испытывавшие силу характера Соломона и опасаясь его возмужавшего могущества, прибегли к обычному их оружию, к интриге, и возмутили против царя его собственных подданных.

Изгнанный и лишенный престола, Соломон с немногими людьми, оставшимися верными ему, скитался в лесах и в столь горестном положении, по словам одного путешествен-

ника, «встретил праздник Пасхи, что даже не имел священника для возглашения радостных гимнов Воскресения Христова». Благочестивый царь торжествовал, однако, как мог, этот великий день. Он вырезал на столетнем дубе знамение креста и с малым числом своих приближенных три раза обошел вокруг этого дерева, воспевая во мраке ночи и дубравы: «Христос воскрес из мертвых».

В столь трудных обстоятельствах Соломон обратился наконец за помощью к наемному лезгинскому войску и, разбив при его содействии поставленного турками царя Теймураза, опять овладел престолом. Столица Имеретии осталась, однако же, в руках у неприятеля; а пока турки сидели в Кутаисе и в Потии, власть Соломона не могла утвердиться в крае на прочном основании. По счастью для него, в это самое время началась русско-турецкая война. Большую часть своих войск Турция должна была отправить на Дунай, в Имеретии же, так же как по всему побережью Черного моря, остались лишь небольшие гарнизоны. Дороги к Батуму и Трапезунду, к этим важнейшим рынкам азиатской Турции, оставались открытыми. Турки, очевидно, не ожидали с этой стороны нападений, и потому противник мог легко очутиться перед воротами Скутари и Царьграда. Императрица Екатерина хотела воспользоваться выгодами такого положения и предложила Соломону помощь, обещая, если он энергично поведет войну, при заключении мира иметь в виду интересы Имеретии. В то же время Екатерина питала надежду привлечь на

нашу сторону и Грузию. «Грузия, – писала она Вольтеру, – уже воспротивилась туркам и отказалась платить им дань красивыми девушками, которые наполняли турецкие серали». «Грузинский манифест об этом, – отвечал Вольтер, – появился в Европе и произвел известное впечатление; очевидно, Мустафе придется отказаться впредь быть обладателем грузинских красавиц... Желая, – прибавлял он шутиливо, – чтобы все грузинские девицы достались вашим офицерам – красота должна быть наградой храбрости».

Доказательством того, как занимало Екатерину Закавказье и вместе с тем как мало знали в Петербурге страну, в которой предполагали действовать, может служить любопытная записка Екатерины, требовавшей от Коллегии иностранных дел точнейшую справку о том, где именно находится Тифлис. На картах, представленных императрице, он обозначался то на Черном море, то на Каспийском, то, на некоторых, в середине грузинской земли.

Государственный канцлер написал между тем к царю Соломону письмо, стараясь доказать ему выгоды совместного с Грузией действия. Соломон сам отправился к Ираклию в Тифлис, и там оба царя, посоветовавшись между собой, порешили служить императрице против турок верно и ревностно. Но Ираклий просил русской помощи, опасаясь, чтобы в его отсутствие страна не была разорена лезгинами. Екатерина уважила это ходатайство и назначила в Грузию корпус генерал-майора графа Тотлебена.

Готлиб Генрихович Тотлебен был принят в русскую службу еще императрицей Елизаветой Петровной по рекомендации наследника престола и в 1759 году произведен в генералы. Это была личность, можно сказать, никем не разгаданная. Военные способности его не подлежат никакому сомнению, имя его встречалось почти во всех современных реляциях о прусской войне, как имя такого партизана, перед которым трепетали прусские военачальники; но вместе с этим его загадочный характер, постоянные сношения с неприятелями и связи, которые имел он в Пруссии, не внушали к нему особого доверия в войсках, не изменивших о нем своего мнения даже после такого блистательного подвига, как взятие Берлина. Громкое событие это, сделавшее имя Тотлебена известным целой России, произошло следующим образом.

Утром 22 сентября 1760 года летучий корпус Тотлебена внезапно появился перед Берлином и занял все дороги, ведущие в город. Прусские гусары, выехавшие против него, почти все были перебиты или забраны в плен нашими казаками. Тотлебен потребовал сдачи города и, получив отказ, приступил к бомбардированию его. Орудийный огонь направлен был им главнейшим образом на литейный двор и на королевский замок. В городе начались пожары. Воспользовавшись этим, Тотлебен ночью бросился было на приступ, но был отбит. Между тем поутру следующего дня подошли отряды Чернышева, Панина и графа Ласси; пока происходили ежедневные стычки, Тотлебен повел переговоры и успел

склонить коменданта к сдаче города на следующих условиях: 1) гарнизону и всем военным предоставляется свободный выход из города, 2) королевский дворец останется нетронутым и 3) город заплатит полтора миллиона талеров военной контрибуции и особо – двести тысяч на войска наших летучих отрядов.

Два дня победители занимались в Берлине сбором контрибуции, захватом королевской казны, очищением арсеналов и вывозом из магазинов казенного имущества. Чего нельзя было забрать, то предавалось пламени, а все пороховые мельницы, литейные и пушечные дворы, ружейные и шпажные заводы были разорены до основания.

Известие о взятии Берлина повергло в трепет целую Пруссию. Европа с изумлением узнала об отважном подвиге наших партизан, а в Петербурге все иностранные министры поспешили во дворец принести поздравления императрице, распространяясь о том, как это событие славно для царствования Елизаветы¹⁹.

К сожалению, Тотлебен позволил себе напечатать в немецких газетах резкие суждения о своих сподвижниках,

---

¹⁹ Сохранилось любопытное предание, что при занятии Берлина именно в отряде Тотлебена служил Пугачев простым казаком. Однажды Тотлебен, увидев его у себя в ординарцах, сказал окружающим: «Чем больше я смотрю на этого казака, тем более поражаюсь его сходством с великим князем Петром Федоровичем». Если предание это верно, то можно согласиться, что эти слова, сказанные в присутствии самого Пугачева, могли произвести на него впечатление и впоследствии дать ему мысль назваться императором.

Чернышеве и Ласси. Это дало главнокомандующему повод жаловаться на него императрице. Тотлебену объявлен был высочайший выговор. Обиженный этим, он подал в отставку, но его удержали на службе тем, что отдали в его команду все легкие войска, поставив его в зависимость только от одного главнокомандующего.

При таких выгодных для него условиях началась кампания 1761 года. Решительных действий в этом году ожидали только в Силезии, где находился Лаудон с большой частью австрийской армии.

Но, вопреки ожиданиям, даже и там происходили только мелкие стычки. Лаудон ждал русских, которые двинулись поздно и шли медленно. Главнокомандующий, фельдмаршал Бутурлин, видимо, избегал решительных действий и потому при первой возможности отступил из Силезии. Императрица и так уже была весьма недовольна действиями Бутурлина, а тут к печальному исходу кампании прибавилась еще измена генерала, имя которого тесно связано было с лучшим эпизодом прусской войны – со взятием Берлина. 21 июня 1761 года фельдмаршал донес императрице о странном происшествии, случившемся в походе на Померанию: генерал Тотлебен, командовавший легкими войсками, был арестован «советом полковников», находившихся у него в команде, после того как один из них, Аш, открыл его измену, не подлежавшую сомнению. Произведено было строжайшее следствие, схвачен был человек, у которого нашли переписку

Тотлебена с прусским королем, маршруты и несколько шифрованных записок. Арестованного Тотлебена отвезли в Петербург и предали военному суду, который приговорил его к смертной казни четвертованием. Императрица Екатерина смягчила этот приговор и заменила смертную казнь лишением чинов и высылкой за границу с воспрещением являться в Россию, где всякому предоставлено было право безнаказанно убить его, как уличенного изменника. Шесть лет прожил Тотлебен за границей.

Но едва началась турецкая война, как он обратился к императрице с просьбой о помиловании. Екатерина, ценившая его военные способности, вновь приняла его на службу в прежнем генерал-майорском чине и назначила для действий в Грузии. Отряд, порученный в команду Тотлебена, собирался в Моздоке и состоял из Томского пехотного полка, четырех эскадронов конницы и пятисот казаков при двенадцати орудиях. Была уже поздняя осень, а потому, распорядившись, чтобы пехота и большая часть артиллерии зимовали в Моздоке, Тотлебен взял с собой только конный отряд в четыреста человек при четырех орудиях и форсированным маршем двинулся к Тифлису. С этими ничтожными силами Тотлебен, первый из русских генералов, перешел Кавказский хребет, преодолев большие трудности. Один из путешественников позднейшего времени с удивлением останавливается на этом подвиге.

«Проводник указал мне, – рассказывает он, – на высокие

горные утесы, вздымавшиеся по левую сторону Девдоракского ущелья, во впадинах между которыми виднелись лед и снег. Через этот самый гребень прошел первый отряд из России в Грузию, когда еще о Военно-Грузинской дороге не было и помину. Смотря на эти едва доступные глазу вершины, не верится, чтобы там могло пройти войско, да вдобавок еще с орудиями».

В ноябре 1769 года Тотлебен расположился на зимние квартиры в Грузии. В первое время между ним и царем Ираклием завязалась тесная дружба. Но скоро эти отношения стали сменяться размолвками по поводу того, что Тотлебен потребовал отозвания из его отряда всех офицеров грузинского происхождения. Он находил поведение их не соответствующим «должной верности». Вскоре ему пришлось подметить ту же черту и в русском офицере, подполковнике Чоглокове, который был прислан к нему волонтером. Еще в Моздоке всех поразило то обстоятельство, что Чоглоков ехал на войну в сопровождении громадного обоза и целого штата прислужников, объясняя это тем, что ему иначе ехать нельзя, так как он сын известных Чоглоковых, игравших такую важную роль в истории молодого двора при императрице Елизавете, и так как он близкий родственник самой государыни. Мать его, урожденная Гендрикова, действительно приходилась двоюродной сестрой Елизавете Петровне, и это-то обстоятельство дало ему повод распускать в Грузии слух, что он после великого князя ближайший наследник

русского престола. Ираклий говорил Тотлебену, что Чоглоков, ссылаясь на секретные инструкции, просил у него трехтысячное войско, чтобы воевать отдельно в Армении, где, по его словам, он имел большие связи. До Тотлебена стали доходить слухи, что молодой человек затекает что-то недоброе, что в кругу товарищей он говорил не раз, будто бы он едет в Грузию за тем, чтобы быть царем или умереть на эшафоте. Опасаясь какого-нибудь неприятного происшествия, Тотлебен стал воспрещать ему поездки из лагеря, особенно к грузинам, среди которых у него было много сторонников, но это распоряжение только ускорило катастрофу. В Страстную субботу вечером Чоглоков задумал произвести некоторое *coup d'état*²⁰ и, сидя в палатке поручика Львова, объявил ему, что он, Чоглоков, майор Ременников и несколько других офицеров порешили в эту же ночь арестовать Тотлебена. Львов не согласился принимать участие в таком рискованном деле и поспешил известить об этом графа. Тотлебен ответил, что «все уже знает», и через полчаса Ременников и Чоглоков были арестованы.

Еще не окончилась эта история, как началась уже другая, с подполковником Ратиевым, грузином по происхождению. Ратиев должен был доставить Тотлебену артиллерию, но остановился в Моздоке и не слушал никаких предписаний. Зная, что Ратиев находится в переписке с Чоглоковым, Тотлебен заподозрил его в измене и приказал арестовать, но

---

²⁰ Государственный переворот (*фр.*).

Ратиев сам арестовал посланных к нему офицеров и прошел прямо в Тифлис к царю Ираклию, куда в то же самое время из-под ареста бежал и Чоглоков. Тотлебен послал требовать их выдачи, но посланных тоже задержали в Тифлисе. Между тем в самом лагере обнаружились новые смуты: несколько офицеров задумали самовольно покинуть отряд и пробраться на линию. Говорили, что заговорщики хотели возмутить Томский пехотный полк, шедший к Тотлебену, и пересечь последнему сообщение с Моздоком. Тогда Тотлебен, поспешно выступив из лагеря, занял Анаур, грузинскую крепость, запиравшую вход в Кавказские горы, и этим решительным действием заставил мятежников отказаться от своих намерений. Несколько офицеров были арестованы и преданы военному суду.

Взволнованный этими происшествиями, Тотлебен обвинял во всем интриги грузинского двора и писал императрице, что по соединении с Томским полком он намерен немедленно идти к Тифлису, отомстить противникам, возвратить похищенную Ратиевым артиллерию, войско и припасы, подчинить всю Грузию русской власти, лишить Ираклия пожалованной ему перед тем Андреевской ленты и отправить его в Петербург или вогнать в Черное море. А Чоглоков в то же самое время сделал донос из Тифлиса, что, по его приметам, Тотлебен или сошел с ума, или замышляет измену.

При таких условиях военные действия не могли идти успешно. Весной 1770 года, когда Ираклий и Тотлебен дви-

нулись вместе к Ахалцихе и подошли к Аспиндзе, между ними опять возникли на военном совете пререкания: Тотлебен не хотел вступать в бой с неприятелем, а Ираклий требовал настоятельно, чтобы русские шли в авангарде. В спор этот вмешался пылкий двадцатичетырехлетний Георгий, находившийся в свите отца, и этим окончательно испортил дело.

– Генерал! Неприлично в такое время изменять царю! – вскричал он запальчиво.

– Я не имею повелений от императрицы, – сухо возразил Тотлебен. – К тому же я располагаю столь малыми силами, что не могу сражаться с сильнейшим противником.

– Вы только срамите, генерал, русское войско и роняете достоинство великой России, – продолжал царевич. – Мы сразимся одни и одержим победу, донесем императрице о вашей трусости.

Тотлебен после этих слов оставил собрание и приказал русским войскам отделиться от грузин.

Оставшись один, Ираклий должен был отступить и возвратился назад. На пути ему пришлось выдержать жестокую битву с лезгинами и турками, пытавшимися отрезать ему отступление. Бой был упорный, и сам Ираклий принужден был сражаться наравне с простыми грузинами. Окруженный в рукопашной схватке врагами, он собственноручно убил лезгинского военачальника и только этим подвигом вырвал победу из рук неприятеля.

В Петербург полетели опять обоюдные жалобы. Тотлебен писал императрице, что грузины совсем не помогали русским в бою с турками и только грабили, не объясняя, однако, где и при каких условиях происходило сражение. Ираклий, со своей стороны, выставлял на вид самовольное отделение от него Тотлебена, из-за чего грузинское войско едва не было поставлено в безвыходное положение. Для точнейшего расследования дела и для прекращения смут в Грузию был послан капитан Языков. Но, пока он ехал, Тотлебен перешел уже в Имеретию, где действия его отличались энергией и решимостью. На глазах имеретинского царя русские приступом взяли укрепленный замок Богдатцыха, потом Шагербах и, наконец, овладели Кутаисом, высокие стены и укрепленные башни которого царь приказал разрушить, чтобы не дать возможности туркам удерживаться в его владениях. 6 августа русские войска торжественно вступили в верхний город, живописные развалины которого находятся поныне на правом берегу Риони, возвратили царю древнюю столицу его, более ста двадцати лет занятую турецким гарнизоном. В Кутаисе русские взяли шесть турецких знамен и тридцать пять орудий.

Тотлебен двинулся к Потти. Двенадцатитысячный турецкий корпус, встреченный им на пути, был разбит, и русские приступили к осаде. Осада, однако же, пошла неудачно. Причиной этого были опять те же интриги и происки наших союзников, из которых каждый преследовал только личные

свои интересы, нисколько не заботясь об общем деле. Ираклий стоял в стороне, а правители Менгрелии и Гурии имели виды, совсем противоположные намерениям Тотлебена. Даддиан думал защищаться посредством русских от Соломона и гурийцев, а Соломон надеялся русскими руками покорить Менгрелию и Гурию, не помышляя о турках. Все это привело к тому, что русские вынуждены были отступить от крепости. Екатерина, пораженная странными явлениями, происходившими в Закавказском корпусе, решила отозвать Тотлебена.

Она проницательно оценила и действующих лиц, и их отношения. «Я пробежала только Тотлебеновы письма, – писала императрица Панину, – из которых усмотрела непослушание к нему Чоглокова и вранье сего необузданного и безмозглого молодца, а при том не хвалю же и неслыханные подозрительности Тотлебеновы. Я думаю, что он способнее в Грузии наши дела испортить, нежели оные привести в полезное состояние; надлежит определить кого другого».

На смену Тотлебену отправлен был генерал-майор Сухошин. Он продолжал осаду Поти, но, не предвидя успеха, сказался больным и уехал в Тифлис. Соломон пожаловался и на него императрице. Назначено было следствие, а между тем Екатерина признала бесполезным более держать войска за Кавказом, и весной 1772 года отряд возвратился на линию.

В Грузии осталось множество русских дезертиров, которых собрать не было никакой возможности. Один из них, Се-

митриев, с шайкой в триста человек, пробрался даже на Каспийское море, грабил там туркменские и персидские берега, добыл четыре пушки и, наконец, появился на Волге. Здесь он был разбит посланными против него войсками, бежал на Дон и выдан был казаками.

По удалении русских войск Соломон один продолжал военные действия, защищая от нападений турок границы своего государства.

Грузия же при посредстве Персии заключила с турками выгодный мир, и царь Ираклий получил от султана в подарок шубу, лошадь с убором и саблю.

По счастью для России, все смуты и неудачи ее в отдаленном Закавказье не производили особенно сильного впечатления: о них мало знали в России и вовсе не знали в Западной Европе, где хорошо помнили только Кагульскую и Чесменскую битвы. Екатерина спешила воспользоваться таким положением дел и, выговорив при заключении Кучук-Кайнарджийского мира выгодные условия для Грузии и Имеретии, удержала над ними свое влияние. Христианские народы Закавказья, окруженные могущественным магометанским миром, со своей стороны, не могли не видеть по-прежнему своего спасения единственно на севере, в единой верной стране.

«Люблю я, – говорит один русский писатель, – сравнение прекрасной Иверии с виноградной лозой, крепко обвившей свою тычину. Буря бьет в нее со всех сторон, кроме север-

ной; тычина колеблется, и лоза гнется то в ту, то в другую сторону, но не ломается. Сколько раз прилегала она к земле, сколько отломилось от нее веток, но все-таки не отделилась она от корня и пережила свои бури. Наступила наконец тишина, прояснилось над ней небо, и народ Иверии увидел счастливые дни за дружественной гранью русских штыков».

VIII. ГЕНЕРАЛ ЯКОБИ

В 1774 году окончилась турецкая война, но действия на Кавказе не прекращались. Однако же край этот не получал для России большого и самостоятельного значения до той поры, пока светлейший князь Григорий Александрович Потемкин не был назначен новороссийским генерал-губернатором и не обратил наконец должного внимания на отдаленную Астраханскую губернию, в состав которой входила Кавказская линия. При Потемкине выдвигаются такие деятели Кавказской войны, как генералы Иван Варфоломеевич Якоби и Александр Васильевич Суворов. Оба они назначены были командовать только что сформированными тогда корпусами: первый – Кавказским, а второй – Кубанским, и оба навсегда останутся в памяти истории как пионеры русской цивилизации на Кавказе, как замечательнейшие деятели в устройстве края.

Якоби назначен был на Кавказ по личному выбору князя Григория Александровича Потемкина, со званием астраханского военного губернатора. Соединив таким образом в своих руках военное и гражданское управление краем, он является первым самостоятельным деятелем в ряду наших кавказских правителей.

Прибыв на линию, Якоби застал на ней только десять – двенадцать казачьих станиц да две крепости: Кизляр и

Моздок. Правда, Терская линия, населенная стойкими и неустрашимыми терскими, гребенскими и моздокскими казаками, представляла надежный оплот для русских владений, но она прикрывала лишь незначительную часть русской границы, тогда как все остальное пространство от Терека и Малки до самого Черного моря было совершенно открыто вторжениям горцев, которые и нападали не только на Дон, но беспрепятственно проникали даже в пределы Воронежской губернии.

Как опытный боевой генерал, получивший еще за турецкий поход орден Святого Георгия 3-й степени, Якоби начал с самых решительных мер для обуздания горских хищников. По его инициативе заложены были новые крепости: Екатериноград, Георгиевск и Ставрополь; при нем же положено было начало заселению нынешней Ставропольской губернии казенными крестьянами и, наконец, устроена правильная военная Азовско-Моздокская линия, которая, начинаясь Моздоком, направлялась через Екатериноград, Георгиевск, Александровск и Ставрополь до границ Донского войска, а оттуда через Ростов (называвшийся тогда крепостью Святого Дмитрия) доходила до самого Азова. Линия от Моздока до границ Донского войска состояла из десяти крепостей, при которых находились и казачьи станицы, укрепленные ретраншеметами. Из них Моздокская крепость находилась в районе Моздокского полка, Екатериноградская, Павловская, Марьевская, Георгиевская и Александровская принадлежали к

Волжскому полку, а Андреевская (впоследствии Северная), Ставрополь, Московская и Донская – к Хоперскому. Этим рядом крепостей и сильных казачьих станиц была прикрыта лежавшая за Тереком, между Кубанью и Доном, обширная пустынная степь, по которой прежде свободно разгуливали хищные толпы кабардинцев, калмыков и ногайцев. Якоби хорошо понимал, что одни договоры с Турцией не в состоянии были обеспечить наши границы от диких вторжений татар, и потому спешил противопоставить им сплошное воинственное население хоперских и волжских казаков, которых он перевел на эту новую линию и которые образовали здесь два линейных казачьих полка: Хоперский и Волжский. И только с этих пор постепенно усиливающееся русское оседлое население начинает мало-помалу оттеснять кочевников и прочно занимать лучшие их земли, которые, однако же, все еще приходилось отстаивать с оружием в руках.

Перед Якоби были два элемента, в равной степени сильных, с которыми ему приходилось иметь дело: горец и казак.

Горцы были слишком солидными противниками, чтобы можно было их игнорировать, и казаки скоро заимствовали от них не только боевые привычки и тактику, но переняли их вооружение, посадку и даже одежду, которая с тех пор так и осталась народным костюмом кавказского казака до настоящего времени. Не довольствуясь этим, казаки постарались усвоить себе горские наречия, обычаи и многие черты характера и домашнего быта. Верные своим старинным тра-

дициям, они пришли к противникам, как будто нагие, взяли у них одежду, сбрую и оружие, сделались на них похожими и потом уже стали их бить. Ни угрюмая пустыня донских и Кубанских степей, ни перспектива нужды и лишений, ни самая опасность близкого соседства горцев – ничто не могло остановить казаков от переселения. Это было, так сказать, их исторической миссией.

Малые числом, но сильные духом, они стремились на окраины, в просторные степи, где можно было жить легко и правильно. Это были люди, закаленные в суровой школе войны, иной раз имевшие еще кое-какие непоконченные счета с правосудием, и они, естественно, стремились туда, где власть была слабее и снисходительнее. Но, удаляясь от центра, русский казак-колонист в то же время нуждался в поддержке и потому не порывал с ним связи. Со своей стороны, центр, понимая, что без колонизации ему не удержать своих окраин, охотно прощал своих блудных, но храбрых детей и оказывал им всякий раз помощь, когда они обращались к нему за нею. Обоюдная выгода заставляла эти два враждебных с виду элемента помогать друг другу. И, надо сказать, нигде эта взаимная помощь не проявлялась в столь сильной степени, не достигала таких громадных размеров, как на Кавказе. Здесь казак-колонизатор являлся вернейшим слугой русского государства, а государство, в свою очередь, не жалело ничего для своего пионера. Ни казаку не удержаться бы перед горцами без помощи государства, ни государ-

ству с одной регулярной армией не одолеть бы беспокойного Кавказа. Сами горцы превосходно понимали разницу между занятием страны военной силой и истинным завоеванием ее, то есть заселением. Они говорили: «Укрепление – это камень, брошенный в поле: дождь и ветер снесут его; станица – это растение, которое впивается в землю корнями и понемногу застилает и охватывает все поле».

Жизнь порубежного казака с самого начала была окружена нескончаемым рядом тревог и опасностей, в которых закалялся дух и крепили казацкие силы... А силам этим надо было крепнуть, чтобы выдержать борьбу, на которую понадобилось целое столетие. В этой неустанной борьбе, в этих часто неравных боях были обычным явлением геройские подвиги, уже и не обращавшие на себя большого внимания. Только потому о первых действиях наших казаков на Кавказе немного сохранилось сведений, да и эти отрывочные сведения составляют достояние покрытых пылью и плесенью, никому неведомых войсковых архивов. Генерал Якоби прекрасно понимал и дух казачества, и стойкость противников; давая казачеству опору в крепостях, он хотел сделать русское влияние на Кавказе прочным и основанным не на одних исключительных военных свойствах казаков. Его действия и намерения не укрылись от горцев, и с весны 1779 года на линии уже начинаются крупные военные события. Решившись уничтожить ненавистные им поселения хотя бы ценой тысячи жизней и целыми потоками крови, три или четыре ты-

сячи черкесов перешли Кубань под предводительством Дулак-султана и бросились на русские крепости. В то же самое время шесть тысяч кабардинцев, перейдя через Малку, стремительно атаковали самый лагерь Якоби, расположенный у крепости Святого Павла.

Никогда еще набег на линию не принимали такого большого размера и никогда еще враги не действовали с такой энергией и силой, как в эти первые два года после заложения Моздокско-Азовской линии.

Бой загорелся, так сказать, разом по всему протяжению Моздокской линии. Но горцы ошиблись, предполагая найти в новых переселенцах людей, не приготовленных к военному делу, – мужество защиты превзошло везде самую отчаянную отвагу нападающих.

Небольшой Алексеевский редут был атакован врасплох, и горцы, захватив казачий табун, обступили это маленькое укрепление со всех сторон. Но когда они готовились к штурму, из ворот редута вынеслась хоперская сотня с есаулом Михеевым и бросилась в шашки. В одно мгновение она была окружена черкесами, потеряла восемнадцать казаков убитыми и, будучи отброшена в лес, спешила, засела в кустах и продолжала защищаться. После жаркой перестрелки горцы вынуждены были оставить ее в покое и, бросившись опять на укрепление, ворвались в форштадт, убили нескольких жителей, но редута взять не смогли и отступили с большой потерей. Другая крепость, Андреевская, отбилась еще

при худших условиях, так как один армянин, подкупленный черкесами, произвел пожар в то самое время, когда начинался приступ. Но самое жестокое поражение черкесы понесли под Ставрополем, где двести казаков из полка Кутейникова наголову разбили их главную полуторатысячную партию.

Действия кабардинцев также не отличались особенной удачей. Отбитые два раза от лагеря Якоби, они повернули назад и бросились на Марьевскую крепость, где двести волжских казаков под начальством капитана Басса едва успели запереть перед ними ворота.

Обступив крепость и наскоро построив громадные щиты-мантелеты для прикрытия от казацких выстрелов, кабардинцы приступили к правильной осаде и повели траншеи. В два дня, работая руками и кинжалами, они дошли до крепостного рва, как вдруг, утром 10 июня, в тылу у них появился Якоби. Разбитые в кровопролитном сражении, следовавшем затем под стенами Марьевской крепости, кабардинцы бежали за Малку и тотчас же пустили в ход все извороты и тонкости азиатской политики: они изъявили покорность, давали аманатов, предлагали двойное вознаграждение за причиненные убытки, но упорно стояли на требовании, чтобы были уничтожены крепости Павловская, Марьевская и Георгиевская. Получив отказ, кабардинцы в августе снова нахлынули на линию и на этот раз ареной своих действий сделали окрестности Георгиевска. Здесь они выжгли на корню весь хлеб, истребили сенокосы, угнали много скота, про-

бовали даже штурмовать самый Георгиевск; им удалось даже разбить небольшой русский отряд, высланный из крепости, в числе восьмидесяти человек при одном орудии. По всей вероятности, они напали на него врасплох, так как только этим и можно объяснить себе последовавшую затем резню, в которой офицер и сорок нижних чинов были изрублены, остальные бежали, оставив пушку в руках у кабардинцев.

Это прискорбное происшествие случилось 27 сентября, в тот самый день, когда на линию прибыли новые войска под командой генерал-майора Фабрициана. Герой турецкой войны, носивший на шее Георгиевский крест еще с подполковничьего чина²¹, Фабрициан предложил Якоби тотчас атаковать главный стан кабардинцев, расположенный на одном из островов, образуемых Малкой. Предложение было принято, и 29 сентября значительный отряд со всех сторон обложил кабардинцев. В отряд этот входили: Томский пехотный полк, батальон Кабардинского полка, два егерских батальона (Горский и Кабардинский), две роты Моздокского полевого батальона. Моздокский казачий полк, тысячи донских казаков и калмыков и, наконец, десять эскадронов Владимирского драгунского полка; артиллерии не было вовсе, но как Фабрициан, так и Якоби надеялись управиться и без ее содействия. Отступить кабардинцам было некуда, тем не менее на пред-

---

²¹ В 1769 году подполковник Федор Иванович Фабрициан, командуя незначительным отрядом, разбил у Галаца сильный турецкий корпус и взял Галац штурмом. Со времени основания Георгиевского ордена это был первый кавалер Святого Георгия 3-й степени.

ложение сдаться они отвечали ружейным огнем, и Фабрициан начал атаку. Пять часов длилась упорная битва. Пушка, захваченная кабардинцами, была отбита обратно, лагерь взят приступом, и все, что было на острове, легло под штыками русских солдат.

Замечательно, что в этом бою сражались против русских только одни князья и дворяне со своими вассалами – уорками и узденями. Простой народ почти не участвовал в битве, толпы его стояли верстах в шести-семи и при первых выстрелах бежали в горы. Лишенные лучших своих предводителей, кабардинцы явились в лагерь и просили пощады и мира. Им перечислили все учиненные ими до этого времени клятвы, столько же измен и столько же монарших прощений.

«Какое же обеспечение вы представите в том, что не нарушите и нынешней клятвы, как нарушили прежние?» – спросил их Якоби.

Кабардинцы ответили, что они вполне отдаются на великодушные победителей. Тогда Якоби предписал им следующие условия: кабардинцы признают себя рабами русской императрицы, покоренными силой оружия, и в случае измены, возмущения или нарушения клятвы кем-либо из владельцев подданные его тотчас получают свободу и делаются вольными; за причиненные убытки кабардинцы должны заплатить русским десять тысяч рублей и отдать одиннадцать с половиной тысяч голов скота, и, сверх того, они не имеют права ни с кем и ни под каким предлогом вести войны без дозволения

русского правительства, которое, в свою очередь, обязывается защищать их от нападений соседних с ними народов. Когда условия эти были объявлены, обе стороны скрепили их своей клятвой, и кабардинцы торжественно признали Малку границей российских владений, отказавшись от всяких притязаний на земли, занятые под наши укрепления.

Справедливость требует сказать, что усмирение кабардинцев произведено было частью по вине и при помощи самих же кабардинцев, у которых в то время внутренний разлад дошел до высшей степени. Последнее восстание, имевшее целью остановить дальнейшее заселение русскими Кавказского края, было делом одного только высшего класса; народ же, недовольный своими князьями и дворянством, всегда его притеснявшими, решительно отказался участвовать в этих походах. Якоби искусно поддержал народ и в его лице приобрел себе сильнейшего союзника против замыслов гордой кабардинской аристократии. Неравная борьба длилась недолго. Княжеские партии вынуждены были смириться, а простой народ, не желая уже возвращаться к прежнему порядку вещей, тысячами стал переселяться в Моздок и в другие места по линии.

Покорение кабардинцев генералом Якоби и почти одновременное с ним уничтожение Суворовым оплота ногайских татар на Кубани много содействовали развитию и процветанию Кавказского края. Вскоре образовано было даже особое кавказское наместничество. Край быстро стал заселять-

ся и богатеть, так как неизмеримые девственные степи давали полную возможность делать обширные запашки, щедро вознаграждавшие труды земледельца, и содержать большое количество скота. Это обилие земли, это приволье сделали то, что богатство жителей в короткое время возросло до высокой степени. Оно продолжало бы возрастать и дальше, если бы в конце царствования Екатерины крестьяне Ставропольской губернии не были поставлены в тяжелую крепостную зависимость.

К сожалению, плодотворная деятельность генерала Якоби на Кавказе была кратковременна. С новым административным делением России он был назначен сперва оренбургским генерал-губернатором, а затем наместником Иркутской и Колыванской губерний.

Таким образом, ему суждено было возвратиться в тот край, в котором, за тридцать шесть лет перед этим, он начал служить по выпуску из кадетского корпуса. Отец его в то время был комендантом в городе Селенгинске, и близость китайской границы доставила молодому офицеру случай тогда еще хорошо изучить оригинальную страну, которую он посещал не раз то вместе с нашими миссиями, то в качестве простого путешественника, то, наконец, гонцом с официальными депешами в Пекин.

Деятельность Ивана Варфоломеевича по управлению Сибирью также заслуживает особого внимания, и память о нем

в том крае сохраняется даже до настоящего времени. Но там же ему довелось испытать на себе и тяжелую превратность судьбы, отстранившую его от полезной служебной деятельности. Обвиненный ложным доносом в каких-то честолюбивых стремлениях по отношению к Китаю, он был отставлен от должности и предан суду. Дело Якоби тянулось более двенадцати лет, пока императрица сама не принялась наконец за пересмотр бумаг и оправдала все его действия. Рассказывают, что когда императрица потребовала к себе дело Якоби, то бумаги, привезенные ей, заняли от пола до потолка целую половину комнаты. Взглянув на них, императрица сказала: «Этим меня не испугают» – и тут же объявила обер-секретарю, что будет заниматься с ним этим делом каждый день по одному часу. Якоби отправлен был орден Святого Владимира 1-й степени, а вслед за тем император Павел Петрович, по вступлении своем на престол, пожаловал ему чин генерала от инфантерии. Но Якоби, уже решившийся оставить военную службу, вышел в отставку. Он умер честным человеком в первые годы царствования императора Александра Павловича.

IX. СУВОРОВ НА КАВКАЗЕ

В то время как Якоби занят был устройством Кавказской линии от Моздока до крепости Святого Дмитрия (ныне Ростов-на-Дону), Суворов, почти одновременно с ним назначенный на Кавказ, приступал к заложению нескольких програничных крепостей и редутов по правому берегу Кубани, желая связать эту новую линию с Азовско-Моздокской. Начиналась славная эпоха присоединения Тавриды, ожидали новой турецкой войны, и укрепление границ со стороны Кубани становилось тогда делом весьма важным. Тысячи солдат работали над устройством укреплений, в то время как Суворову приходилось отбивать беспрерывные и беспокойные набеги закубанских горцев. Как лихой наездник, Суворов лично преследовал их с легкими своими отрядами.

Сооруженная Суворовым линия, начинаясь от нынешней Кавказской станицы, простиралась до устьев Кубани и заключала в себе четыре крепости и двадцать редутов; крепости были: Александровская, Марьинская, Копыл и Новотроицкая. Когда в 1778 году Турция окончательно признала независимость Крыма, линия эта была оставлена, и войска, занимавшие ее, отведены были в Россию. С этих пор Суворов, имея другие назначения, не находился при Кубанском корпусе, которым временно командовали сначала генерал-майор Рейзер, потом генералы Бринк, Леонтьев и

Пилль. Но Суворову скоро опять пришлось быть в этом крае. Новая цепь укреплений, значительно затруднившая набегі черкесов, не могла нравиться и хищным, считавшимся в подданстве крымского хана ногайцам, жившим по Кубани и кочевавшим в окрестностях Тамани и Ейска; и для них она имела фатальное значение.

Чтобы понять значение сооруженной Суворовым цепи укреплений, а также и последующей его деятельности на Кубани, необходимо ясно представить себе, что такое происходило тогда в том крае. К югу от Дона и его притока Маныча простиралась до самой Кубани обширная степь, по которой привольно кочевали ногайцы – настоящие хозяева края. За Кубанью начинались горы, и оттуда ежеминутно грозили нападения черкесов. Были ли ногайцы в мире с черкесами, враждовали ли с ними, на русских поселениях на Дону одинаково тяжко отзывались как мир, так и война между ними. Ногайцы то вместе с черкесами производили опустошительные набегі вплоть до Черкаска, грабя донские села и выжигая пастбища, то с огнем и мечом сюда же шли, гонимые черкесами. Занимая и укрепляя Кубань, русские смиряли край и обеспечивали свои донские поселения.

Но этим исчерпывалась только половина задачи. Ногайцы считались в подданстве крымских ханов и фактически очень часто подпадали под их влияние. Моздокско-Азовская линия казацких крепостей и поселений, прекратив сообщения ногайцев с крымцами сушей, южными степями через Дон, в

сущности, совсем не отделила их от Крыма. Нынешний Керченский пролив, соединяющий Черное море с Азовским, узкий и удобный, делал сношения крымцев с ногайцами очень легкими. Устья Кубани и наносные полуострова, тут находящиеся, пункты Тамань и Анапа были, таким образом, во время войн весьма важными пунктами, занятие которых отдавало в руки ключ сношений с Крымом. Тут именно и оперировали русские в эпоху завоевания Крыма. Когда Крым стал русской провинцией, важность этих пунктов значительно уменьшилась и укрепления по Кубани, как мы видели, уже потеряли то значение, которое им придавалось.

Ногайцы между тем не представляли такого мирного населения, с которым бы легко жилось и после покорения Крыма и занятия Кубани, избежать с ними серьезной борьбы было трудно. Вся история их в этом краю, со всеми войнами с черкесами и набегами на Дон, приводила их к тому, что русское правительство не могло не желать отделаться от них. К истории их мы и должны теперь обратиться.

Главных ногайских орд было четыре: Едисанская, Едишкульская, Джунбулацкая и Будмацкая. Все они кочевали прежде в Бессарабии, но во время первой турецкой войны вступили под покровительство России и с дозволения императрицы Екатерины II поселились в нынешней земле Черноморского войска. Но в этом же краю с давних времен кочевали татары касаяевские, наврузские и бестеевские, которые с появлением ногайцев большей частью ушли за Кубань и сде-

лались непримиримыми врагами своих единоплеменников.

В первые годы своего поселения ногайцы, управляемые благоразумным и преданным России Джан-Мамбет-беем, жили довольно спокойно. Но едва Мамбет умер, как в орде начались волнения. Поводом к ним послужило возведение на крымский престол Шагин-Гирея, прежнего ногайского султана, что оскорбило многих именитых мурз, считавших себя не ниже его по достоинству. Образовались две партии: покорных и непокорных хану; к последним пристали черкесы и вместе с татарами стали производить вторжения, разбои и опустошения в улусах тех, которые хотели оставаться послушными своему повелителю. Запылала междоусобная война. К этому бедствию между тем присоединились неурожай хлеба и трав, чума, занесенная из Турции, и падеж скота. Гнев Божий явно тяготел в это время над остатками некогда сильного народа, более двухсот лет тиранившего Россию. Ослабленные вконец и лишенные почти всех средств к существованию, они врывались со своими стадами в богатые Манычские и Егорлыкские степи, принадлежавшие донцам. Эти-то поземельные споры двух давно враждовавших народов и имели, как увидим, решительное влияние на последующую судьбу ногайцев.

Во главе недовольных татар стоял в то время едисанский мурза Джаум-Аджи, твердый и честолюбивый старик, которого ногайцы уважали за откровенность, мужество и постоянную верность данному слову. Будучи непримиримым

врагом черкесов, Джаум-Аджи вдруг, по одному обстоятельству, сделался их союзником. Во время последнего своего похода за Кубань он имел несчастье попасть к ним в плен и там, удрученный оковами и томимый голодом, вынужден был за свою свободу дать горцам клятву, что не только не будет вперед вести с ними войн, но и всячески постарается соединить их с ногайцами.

Имея некоторую заручку в орде и вместе с тем подстрекаемые Портой, черкесы решились открыть военные действия против русских, с тем чтобы и ногайцам помочь овладеть Манычской степью.

Это было в 1777 году. На Кубани стояли два донских полка, Кульбакова и Вуколова, которые вместе с Иллирическим гусарским полком²² держали кордонную цепь. На эти-то полки по указанию Джаума черкесы и обратили первые свои удары с удивительным искусством и дерзостью, как это видно из следующего примера.

6 июня, часа в четыре пополудни, на одном из постов вблизи Темрюка замечено было неприятельское судно, которое, мелькнув по реке, исчезло в камышах и больше не показывалось. Начальник поста счел нужным известить об этом полковника Кульбакова, стоявшего лагерем на довольно значительном от него расстоянии. Кульбаков приехал сам

---

²² Иллирический гусарский полк был сформирован в 1765 году из славян и турецких и австрийских выходцев и поселен в Новороссийской губернии, известной прежде под именем Новой Сербии. Впоследствии этот полк был переименован в Константиноградский легкоконный.

с двухсотенным отрядом, но так как тревога оказалась фальшивой, то он приказал казакам, утомленным быстрой ездой, расположиться на отдых, но коней не расседлывать. Ночью бушевала буря, а перед самой зарей окрестности Кубани покрылись густым туманом, за которым в нескольких шагах уже ничего не было видно.

В эту-то ненастную пору пятьсот черкесов, скрытно переплыв Кубань, зашли в тыл донцам и вдруг без выстрела и крика бросились в кинжалы. Кровь полилась мгновенно по всему бивуаку. Напрасно раненые и часовые кричали своим товарищам об опасности – их голоса заглушала буря, и, прежде чем казаки очнулись, многие из них уже перешли от временного покоя к вечному.

При первых выстрелах Кульбаков явился посреди бивуака, и знакомый голос его ободрил казаков. Три-четыре десятка донцов, успевших вскочить на коней, примкнули к своему командиру и вместе с ним бросились в пики. Между тем тревога распространилась по окрестным постам, и горцы, опасаясь быть окруженными, ушли за Кубань.

С этих пор черкесы не давали покоя нашим пикетам. Кульбаков и Вуколов, придвинувшись со своими резервами к самой Кубани, отражали нападения, и лишь однажды зимой посты их были сбиты более сильным неприятелем, который прорвался тогда до самого Копыла и был разбит только уже под стенами этого города.

Бдительность казаков, их опытность в кордонной войне

заставили черкесов перенести свои действия в район, занимаемый гусарами. Здесь в одну из темных ночей им удалось действительно отогнать лошадей целого гусарского эскадрона, ходивших без присмотра. Эскадронный командир, разбуженный тревогой, бросился в погоню с пешими гусарами, но попал в засаду, был окружен и погиб вместе с людьми и лошадьми эскадрона.

Пока происходили эти набеги, ногойцы, со своей стороны, не оставались в бездействии. Собрав значительные силы, они под предводительством Товсултана, Джаум-Аджи и Катарса потянулись к Манычской степи. Озадаченный внезапным движением мурз и полагая, что они нападут на Дон соединенными силами, по примеру недавно мечтавшего об этом Девлет-Гирея, атаман Иловайский приказал полкам, стоявшим в Задонской степи, спешить на соединение к нему в Черкасск и, кроме того, призвал к оружию всех жителей города. Готовность донцов отразить удар расстроила планы татар. Не успев завладеть Манычской степью, они охладели и к новым своим союзникам; так что, когда весной 1779 года черкесы бросились на Моздокскую линию, касаевцы первые отказали им в помощи, а джумбулакцы сами сделали на черкесов набег и разорили за Кубанью несколько аулов.

Вражда еще недавних друзей запылала со страшной силой. Первыми испытали на себе месть касаевские аулы, разбитые и разграбленные в то время, когда Дулак-султан с сильной черкесской партией возвращался из своего набега

на линию. Та же участь грозила и джумбулакцам, но здесь черкесы ошиблись в расчете. Джумбулакцы встретили их двухтысячным войском и в происшедшем сражении нанесли поражение своим противникам, вынудив их бежать за Кубань. Между тем разбитые ими касаевцы, оправившись, стерегли их в засаде, и, только лишь черкесы подошли к переправе, напали на них с двух сторон, и отняли все награбленное имущество. Сам Дулак-султан едва спасся в горы, большая часть его шайки погибла.

Но то была искра, брошенная в порох. Чувство мщения, всегда воодушевлявшее черкесов, не позволило им забыть своего поражения, и Дулак-султан принялся с такой энергией за сбор нового войска, что не прошло и двух месяцев со времени последнего похода, как он со свежими силами вновь уже вторгся в Ногайскую Орду и опустошил берега Бейсуги, Есени и Еи. Слыша повсюду вопли разоренных жителей, ногайские мурзы решились поголовно ополчиться против неприятеля, чтобы разом окончить бедственную войну. На общем совете начальство над ополчением вверено было Мамбету Мурзабекову, едишкульскому мурзе, опытному и даровитому военачальнику, который на этот раз был облечен почти диктаторской властью. После нескольких мелких ошибок оба враждебных народа встретились наконец близ Ейского укрепления, и здесь в октябре произошло между ними кровопролитнейшее сражение. Черкесы были разбиты, но потеря с обеих сторон была громадная.

Ногайцы торжествовали победу, рассчитывая, что надолго избавились от своих докучных врагов. Но радость их была непродолжительна, так как в начале 1780 года черкесы опять внесли огонь и меч в ногайские орды. Один из этих отрядов, под начальством Дугузея, разбил джумбулакцев и прорвался до самого Ейска, но тут ногайцы напали на него с превосходнейшими силами и с лихвой отплатили за первую свою неудачу. Сам Дугузей был убит. Зато другие отряды, предводимые Дулак-султаном и Кизильбеком, разграбили несколько улусов и угнали множество татарских лошадей. К счастью, нападения их на русские отряды нигде не имели успеха. Так, есаул Лактионов с двумя сотнями донцов разбил в это время значительную черкесскую партию, подходившую под Ставрополь с Аслан-Гиреем, и самого его взял в плен, а тридцать казаков из полка Ребрикова в то же время разбили на Кубани впятеро сильнейшего неприятеля и этим отомстили за смерть своего есаула Терезникова.

Опустошительные вторжения черкесов в Ногайскую Орду, кроме разорения народа, имели и пагубное влияние на характер людей, без того склонных к дикой свободе и вольности. Забытые на время междоусобные их распри возникли с новой силой, и весной 1781 года в орде вспыхнул мятеж против хана Шагин-Гирея. Порта спешила поддержать возмущение, но она ошиблась в расчете, предполагая приобрести через это влияние на край, – восставшие ногайцы менее всего думали о турецком подданстве. Они просто полага-

ли, что русское правительство, уstraшенное бунтом, уступит им Манычскую степь без боя, из одного опасения лишиться выгод, сопряженных с их обладанием, но этим надеждам не суждено было сбыться.

Как только сделалось известным, что толпы бунтовщиков приближаются к Ейску, атаман Иловайский отдал приказ: «Быть целому войску в ежеминутной готовности к походу против бунтующих татар». Оторванные от своего хозяйства в самую горячую пору, донцы тем не менее вооружились охотно, чтобы дать достойный отпор своим ненавистным врагам. В то же время и генералы Фабрициан и Пилль со своими корпусами двинулись к нашим границам. Окруженные со всех сторон и не имея обдуманного плана, как действовать в обстоятельствах для них неблагоприятных, ногайцы окончательно потеряли голову, и их коварные замыслы обрушились на них же самих пагубными последствиями междоусобной войны.

Опять возникли две партии, из которых одна настойчиво требовала примирения с ханом, другая же, во главе которой стоял Джаум, желала уйти за Кубань, чтобы пристать к черкесам. Взаимные пререкания окончились резней, во время которой много погибло народу как с той, так и с другой стороны. Отбившись наконец с большим уроном в людях, благонамеренные мурзы достигли устья реки Кирпилей, где соединились с Мамбетом Мурзабековым, известным победителем черкесов. Он тотчас перешел в наступление и сам ата-

ковал мятежников. 20 августа снова загорелось между ногайцами сражение, не имевшее, впрочем, никаких решительных последствий, кроме разве того, что в этом сражении был убит старший сын Джаума, Мансыр, и несколько мурз взято было в плен как с той, так и с другой стороны.

Огорченный потерей лучшего из своих сыновей, Джаум прекратил упорную битву и просил Мамбета удалиться в свои места, обещая вскоре последовать за ним, чтобы примириться с ханом. Но едва последний распустил аулы, как Джаум со свежими силами напал на него врасплох и разбил наголову. Победенные мурзы бежали в Ейск, а мятежники принялись за грабеж покинутых ими кочевий.

Случилось, что одна из шаек напала при Чалбасах на рыбные промыслы Маркова, где одиннадцать работников, мало-россов-крестьян, оказали ей неожиданно сильное сопротивление. Не имея пуль, упрямые хохлы заряжали ружья оловянными пуговицами с кафтанов и, отстреливаясь таким образом, несколько часов выдерживали неравный бой с неприятелем, осыпавшим их своими стрелами. Только совершенное истощение пороха заставило их ретироваться в камыши, и лишь тогда татарам удалось наконец овладеть заводом.

Джаум между тем отошел на Кубань и там собрал военный совет для окончательного решения участи ногайцев. Голоса разделились: старый едишкульский мурза Муса, один из главных зачинщиков мятежа, предложил удалиться в Суджук и оттуда морем пробраться в Бессарабию. Кое-кто раз-

делил это мнение, но с ними не согласился Амурат-султан, который, как сын горского владельца, требовал лучше отдаться черкесам. Предложение это, одобренное почти всеми, отвергнуто было Джаумом, который убеждал не спешить, а дожидаться более благоприятных обстоятельств, отстаивая в случае нужды грудью свою независимость.

По всей вероятности, спор, начатый при этом, окончился бы новой резней, но слух о приближении русских войск заставил все партии поспешно бежать за Кубань, где каждый мог распорядиться собой уже по своему усмотрению.

Казалось, что после удаления главных мятежников спокойствие должно было бы водвориться в крае. Но этого не случилось, волнения не прекращались весь 1782 год; и до тех пор, пока существовала на Кубани орда, нечего было и думать о заселении степного пространства нынешней Ставропольской губернии каким бы то ни было оседлым мирным населением.

Таврида в это время только что поступила в число русских провинций. Жители отдыхали от смут и междоусобий, терзавших Крым в продолжение двенадцати лет и особенно в последнее царствование несчастного хана Сагиб-Гирея. Посетив Петербург и прельстившись устройством войск, правлением и бытом русских, хан вздумал преобразовать свой край и действительно перенял некоторые европейские обычаи. Но так как всякое преобразование государства требует непоколебимой настойчивости и железной воли, то хан, сла-

бый, не имевший никакой власти над умами народа, успел возбудить только ненависть и мятежи. Родной брат его, Батый-Гирей, принял начальство над мятежниками и осадил хана, укрывавшегося в стенах Кафы с немногими преданными ему вельможами. Императрица Екатерина II восстановила его на шатком престоле, но вскоре восстала против него Оттоманская Порта, и янычары наводнили Таманский полуостров. Хан, не имея возможности противиться им вооруженными силами, послал в Тамань для переговоров молодого князя, сына Чагир-Агадура, своего первого поверенного. Посланному отрубили голову. Раздоры и бунты вспыхнули сильнее прежнего, и хан, убедившись наконец в слабости своего государства, отдался под власть русской императрицы и сам удалился с большим пенсионом в Россию.

С уничтожением Крымского царства Потемкин решился наконец положить предел необузданному своеволию и ногайского народа. Он приказал переселить его в обезлюдевшие после Пугачевского бунта Уральские степи и поручил исполнение этого дела Суворову, которого нарочно для этой цели вызвал из Крыма.

Приняв немедленно Кубанский корпус, Суворов прибыл в Тамань и отсюда разослал прокламации к ногайским старшинам, приглашая их собраться к Ейску, чтобы выслушать отречение законного их повелителя Шагин-Гирея от крымского престола и принести присягу на верность русской монархии.

В назначенный день, 28 июня, вся степь вокруг города Ейска покрылась татарскими кибитками. Суворов постарался придать насколько возможно более торжественности празднику. Все русское войско поставлено было в ружье, в полковых церквах служили молебны за здравие и долгоденствие императрицы, новой повелительницы древней Тавриды, откуда воссиял России свет истинной веры. Гром пушек и колокольный звон возвестили народу об окончании религиозной церемонии. Тогда Суворов, сопровождаемый блестящей свитой, явился в кругу ногайских старшин и громким голосом прочитал манифест Шагин-Гирея, в котором он, отказываясь от престола, уступал свое царство русской императрице. Ногайцы выслушали манифест спокойно и от лица всего народа тут же присягнули на верность новой повелительнице.

После этого начался пир. Сто волов и восемьсот баранов было изжарено и сварено для угощения народа. Шесть тысяч ногайцев засели на разостланных коврах и, забывая постановления Корана, дружно осушали кружки с вином, медом и пивом. Два дня длился пир и на третий завершился народными конскими скачками и джигитовкой.

Между тем Суворов, исполняя волю светлейшего князя Потемкина, успел уговорить тут же многих почетнейших мурз и султанов к переселению с Кубанских степей на раздольные кочевья за Волгой. Через неделю несколько тысяч ногайцев уже готовы были двинуться в путь. Казалось, все

должно было обойтись спокойно и мирно, но Суворов знал, с кем имеет дело, а потому, пируя, принимал все меры предосторожности против новых своих друзей.

Предосторожности эти оказались как нельзя более уместными. Неожиданная весть о переселении орд на Урал поразила умы диких ногайцев, враждебно относившихся ко всякой новизне. Вдобавок возник слух, что русские нарочно ведут ногайцев в непроходимые степи с целью погубить их. Повсюду слышался глухой ропот и призыв к оружию. Междоусобная брань запылала так быстро, что, прежде чем русские успели вмешаться, уже погибли все лучшие и преданнейшие России люди. Десять тысяч мятежников устремились на роту Бутырского пехотного полка, содержащую форпост на речке Ее. Командир роты, поручик Житков, мужественно выдержал несколько яростных атак, но, вероятно, погиб бы, если бы не подоспели на помощь сперва эскадрон князя Кекуатова, а потом полковники Телегин и Павлов со своими отрядами. Тогда, по словам Суворова, началась ужасная рубка татар. Самый главный их предводитель, кунакайский мурза был убит. Об этом поражении ногайцев Суворов известил атамана Иловайского, двигавшегося к нему на помощь, следующим лаконичным письмом: «Ваше превосходительство! Остановитесь. Полно! Все теперь благополучно, только канакаевцы почти все перекрошены. Самого (Канакая) небрежно прострелили в ухо». Татары загнаны были в болотистую речку и, не видя спасения, в припадке бессильной злобы са-

ми истребляли свои драгоценности, резали жен и бросали в воду младенцев.

Сильное поражение не только не образумило ногайцев, но еще более воспламенило их злобу. Составился новый и весьма опасный заговор. Было условлено, что одна часть ногайцев произведет опустошительный набег на донскую землю с целью отвлечь внимание и силы Кубанского корпуса, а другая в то же время по данному сигналу должна была броситься на русские отряды и, истребив их, бежать за Кубань, где черкесы обещали им помощь.

Этому хорошо задуманному плану, однако, не суждено было сбыться. В то время, когда ногайцы двигались к Дону, оттуда, по требованию Суворова, шли три казачьих полка под начальством известных своей решительностью и быстротой действий Серебрякова и Попова. Они случайно открыли сильное скопище ногайцев, стоявшее на речке Кую-Ея, и 10 сентября напали на него совершенно внезапно. Произошла жаркая битва. Татары были наголову разбиты и преследуемы донцами до позднего вечера.

Между тем мятеж охватил все ногайские орды. Незначительная русская пехотная стража, находившаяся при них, была изрублена, и, увлеченные этим легким успехом, ногайцы устремились к Ейску, думая внезапно овладеть городом. Пристав Лешкевич успел, однако же, отбить их с уроном. Тогда ногайцы отступили, но, соединившись с черкесами, снова осадили Ейскую крепость. Три дня татары с бешенством

нападали на крепостную ограду, но, не имея пушек, не могли овладеть ею и наконец, видя полную неудачу, бежали за Кубань.

Суворов верно рассчитал, что быстрый удар мгновенно может погасить восстание, а потому решился перенести военные действия на вражескую землю. Русские войска перешли Кубань. Здесь присоединились к ним донцы со своим атаманом Иловайским, и весь отряд на рассвете 1 октября скрытно приблизился к ногайскому стану, раскинутому на правом берегу Лабы, верстах в двенадцати от нашей границы. Неожиданное появление русских навело на ногайцев ужас, скоро уступивший, однако, ввиду безвыходного положения, место отчаянному мужеству. Близ урочища Керменчика, в двенадцати верстах от Кубани, произошло кровавое дело, продолжавшееся с рассвета почти до полудня. Предводимые Иловайским донцы сломили стойкую оборону татар и, разъяренные сопротивлением, не давали никому пощады. Долго копившаяся злоба их выразилась ужасным возмездием. Более четырех тысяч ногайцев и черкесов захвачены были в плен; места же, где кипела битва, и все окрестные долины были завалены трупами.

Страшный урок, данный мятежникам, был так поучителен, что навел панический страх не только на все Закубанье, но даже на крымских татар. Последние тысячами бежали в Турцию, опасаясь подвергнуться подобной же участи. Крым вскоре опустел и до настоящего времени еще не достиг той

цифры народонаселения, которая была в нем при ханах. Ногайцы поступили иначе. Только злейшие противники России отделились под покровительство черкесов, остальные же явились к Суворову с повинной головой и были им переселены в Крым. На местах, где прежде кочевали ногайцы, поселено впоследствии Черноморское казачье войско.

Императрица щедро наградила участников этого похода. Суворову пожалован был орден Святого Владимира 1-й степени, а атаману Иловайскому – чин генерал-поручика и орден Святого Владимира 2-й степени. Почти все казацкие старшины получили штаб-офицерские чины, и донцы, возвратившись домой, торжествовали победу над своими исконными врагами, в течение столь долгого времени не дававшими им покоя.

Х. ДОНСКИЕ ГУЛЕБЩИКИ

По правому берегу Дона, от устьев реки Аксая до границ нынешней Воронежской губернии, в глуши лесов, между болотами и топями были рассеяны небольшие казачьи городки, состоявшие из шалашей и землянок, наскоро обнесенных терновыми плетнями. Казаки заботились не о красоте своих жилищ, а об удобствах их для вечно боевого быта; они приноравливали их к тому, чтобы «не играл на них вражеский глаз», чтобы при нашествии татар их можно было бросать без сожаления.

«Пускай, – говорили они, – бусурманы жгут наши городки сколько угодно, мы выстроим новые, и скорее они устанут жечь, чем мы возобновим их».

И действительно, басурманы то и дело нападали на Дон, внося с собой меч и опустошение, и начисто выжигали казачьи городки. При таких суровых условиях жизни, конечно, не могли не вырабатываться и действительно вырабатывались те замечательные типы, перед которыми останавливаешься с любопытством и изумлением. С течением времени и изменявшихся обстоятельств, создавших для казацких станций более мирное и спокойное существование, изменялось и казачество: беззаветная и дерзкая удаль, не исчезая совершенно, заменялась качествами более домовитыми. Но чтобы понять историю русской колонизации на Кавказе и покорение

ния края, необходимо обратиться к старинным временам и типам казачества.

Особенной известностью на Дону пользовались охотники, гулебщики, которых называли иногда словом «отвага». То были люди большей частью отпетые, которым не сиделось дома, которых так и тянуло, как говорит величайший из русских поэтов:

В чистом поле погулять,
Серых уток пострелять,
Руку правую потешить,
Сарацина в поле спешить,
Иль башку с широких плеч
У татарина отсечь,
Или вытравить из леса
Пятигорского черкеса...

Охотники этого рода охотились, очевидно, в то стародавнее время не на одних зверей, но не давали пощады и своим неприятелям. А к числу неприятелей казаки причисляли всех, с кого можно было снять зипун, почему их и называли иногда зипунниками. Даже Ермак Тимофеевич, Стенька Разин и другие крупные личности из казаков, сумевшие вписать свои имена на страницы истории, разгуливая по широкому раздолью матушки Волги, были тоже охотниками, «отвагой» в донском смысле, хотя из казаков никто и никогда не назвал бы их разбойниками. В старинной песне удалая вата-

га с некоторой гордостью говорит про себя:

Мы не воры, не разбойнички,
Стеньки Разина мы работнички!..

Задумав «погулять», казак ни у кого не спрашивал на то позволения, а выходил в своей станице на сборное место к станичной избе и, кидая шапку вверх, восклицал: «Атаманы-молодцы, послушайте!.. Кто на сине море, на Черное – поохотиться?.. На Кум-реку, на Кубань – яссырей добывать?.. На Волгу-матушку – рыбку ловить?.. Под Астрахань, на низовье – за добычей?.. В Сибирь – пушистых зверей пострелять?..»

Желающие в знак согласия также бросали свои шапки вверх и затем прямо шли во царев кабак, где вершились у них все дела и где за чаркой зелена вина они выбирали себе походного атамана. На такую охоту казаки обыкновенно выходили партиями, конными и пешими, и в пять, и в пятьдесят человек; ходили иногда и в одиночку, но то уже были характерники, умевшие подчас заговорить и свое, и вражеское оружие. Начнем с охотников в одиночку.

В числе последних могижан тихого Дона, знаменитых охотников-характерников, доживавших свой век в семидесятих годах прошлого столетия, был некто Иван Матвеевич Краснощеков, который может служить для нас настоящим представителем типа донских гулебщиков. То был богатырь,

наводивший страх на целую Кубань своим появлением. Черкесы прозвали его Аксак, то есть Хромой, – Краснощеков был ранен в ногу и оттого прихрамывал. Казаки слагали о нем песни, которые еще и поныне поются на Дону старинным и заунывным напевом. «Имя и подвиги Краснощекова, – говорит Киреевский в своем известном сборнике народных песен, – встречаются как воспоминание и в песнях позднейших, сложенных после его смерти. Об этом крупном историческом лице мы доселе не имеем не только дельной монографии, но даже простого биографического очерка, а между тем это последний русский богатырь, с именем которого связаны последние наши былины; он, как герой, сопровождается песней с молодых лет до смерти – и после него не нашлось уже никого, кто бы вызвал в народе подобное былинное творчество».

Одна из донских легенд вот что рассказывает о Краснощекове. В его время был знаменитый, памятный донским казакам богатырь у горцев, по имени Овчар, любивший «поохотиться» не менее Краснощекова. Едва ли был среди казаков такой человек, который хладнокровно встретился бы с Овчаром. Но Краснощеков не сторонился его, а, напротив, искал с ним встречи. Не прочь был и Овчар встретиться с Краснощековым – оба богатыря хорошо знали друг друга по общей молве. Наконец они встретились. Блуждая однажды где-то далеко по-над самой Кубанью, ежеминутно рискуя своей головой, Краснощеков наехал на такого же одиноца, как и сам,

и, догадавшись, с кем судьба привела ему встретиться, начал «стеречься, чтобы не спустить с руки ясного сокола». Дело было под вечер в холодную и ненастную осень. Над самым обрывом крутого берега, под опушкой леса, облокотившись на руку, лежал закутанный в бурку Овчар и задумчиво смотрел, как синий огонек перебегал по тлеющим углям потухавшего костра. Так поэтично рисует его легенда. Казалось, он до того погрузился в это занятие, что не слышал даже свиста бури, а не то что приближения русского витязя. Но то было хитрое равнодушие. Опытный в своем ремесле джигит давно зачуял «зверя» и только не трогался с места, выжидая, чтобы даром не марать своей крымской винтовки. Краснощекову предстояло трудное и опасное дело: он знал, что ружье его «короткое», а у врага бьет далеко. Но так как податься назад было бы стыдно и «казачьей чести поруха», то он подумал, подумал и припал к земле. Тут хитрый казак выставил в стороне от себя свою шапку-туркменку, и едва она показалась, как пуля Овчара сбросила ее на землю. Аксак вскочил и, бросившись на Овчара, положил его на месте выстрелом из ружья в упор. Какую нужно было иметь хладнокровную и расчетливую смелость на это, по-видимому, простое дело, мог бы сказать только казак, бывавший в вольных чужих степях, где разгуливал вольный черкес-богатырь, встреча с которым была равнозначна гибели. Оружие и резвый аргамак Овчара достались Краснощекову в добычу. Броневский, посетивший Дон в 1831 году, говорит, что порода этого жереб-

ца сохранялась и тогда в лучших донских табунах и была известна под именем овчарской. Был ли то факт или только свидетельство памяти народной о Краснощекове — сказать не сумеем.

Подобные подвиги служили для донцов простой забавой, но иногда они предпринимали поездки и с чисто коммерческими, промысловыми целями. В прибрежных камышах по Кубани водилось множество птиц и зверей, и партии казаков, выезжавшие с Дона, проводили на охоте по месяцу и более среди опасных встреч и приключений.

Есть следующая легенда о донских охотниках, приезжавших однажды за Кубань на «полеванье». Легенда эта записана автором «Записок старого казака» Шпаковским в начале сороковых годов со слов очевидца, почти столетнего бабая (старика), князя Каплан-Гирей-Каноква. Она рассказывает следующее. В конце минувшего столетия, в то время, когда Суворов только что начал строить укрепления по правому берегу Кубани, партия гулебщиков расположилась табором на берегу Малого Зеленчука, и несколько человек из нее тотчас же отправились для осмотра окрестностей и мест, удобных для охоты. В то же время партия горцев, человек до полутора ста, под предводительством отца князя Каноква, беспечно шла с верховий Зеленчука на Кубань для грабежа в русских пределах. До тридцати молодых черкесов, в числе которых был и сам рассказчик, князь Каплан-Гирей-Канокв, вздумали поджигитовать и незаметно ушли далеко

вперед от партии. Один из джигитов, вскочив на высокий курган, привычным взглядом окинул окрестность и заметил вдали пробиравшегося среди зарослей вершника в необыкновенной одежде, с длинной пикой и с винтовкой за плечами. Горец крикнул товарищей, и молодежь, окружившая со смехом всадника, потребовала, чтобы он слез с коня и, положив оружие, приблизился к ним. Делать было нечего. Мрачно взглянул казак на джигитов, злобно улыбнулся, медленно сполз с коня, снял с себя саблю, винтовку и кинжал, воткнул пикку в землю и, накинув поводья на луку, подошел к ним. На вопрос по-ногайски, что им нужно, раздался дружный хохот... Неуклюжий охабень, высокая рысья шапка, надетые на неповоротливого, по-видимому, пеглевана (богатыря), его тупой взгляд из-под нависших бровей, грязное загорелое лицо так насмешили молодых людей, что они велели казаку взять оружие, сесть на коня и следовать за ними. Молча, истым увальнем вооружился богатырь и не сел, а взвалился на чалого маштака, такого же невзрачного и неуклюжего, как его хозяин, и, казалось, едва передвигавшего ноги. Эта пародия на джигита вызвала новый взрыв хохота, и молодежь, потешаясь, заставила пленника джигитовать. Неуклюже согнувшись, размахивая руками и болтая ногами, тронулся казак вперед каким-то куцым скоком на своем вислоухом и понуром чалке. Вот он вытаскивает из нагалища длиннейшую винтовку. Грянул выстрел, и с ним чуть не свалился с коня олух, едва удержав в руках ружье. Все это опять

было сделано так топорно, что молодые горцы помирали со смеху и принудили казака повторить скачку несколько раз, и каждый раз он отличался какой-нибудь особенной уродливостью движений и неловкостью.

Но пеглеван уже порядочно поразмял своего чалка и, ласково потрепав его по верблюжьей шее, сказал: «Ну, маштак, одолжил!.. Что тебе!» И вдруг молодецкато оправился он в седле, стройно и ловко уперлась нога его в стремя, стан выпрямился, конь наострил уши и гордо поднял свою горбоносую голову. Огонь сверкнул в глазах и коня и всадника; винтовка быстро и ловко оборотилась назад, грянул выстрел, и один из джигитов с простреленным лбом покатился без стоны и жизни на землю. Черкесы вспыхнули. Одни из них бросились к убитому, другие за казаком-великаном. Но чалка далеко уже унес не прежнего увальня, а лихого наездника, проворно на скаку заряжавшего винтовку. Вот конь приостановился, казак привстал на стремянах, ловко оборотился, раздался новый выстрел, и ближайший к казаку джигит, точно с такой же раной, как и первый, грянулся на землю. То была уже не случайность, этот меткий выстрел, а дерзкий вызов черкесам на смертный бой. Чувство злобной мести овладело горцами, и они бросились за пеглеваном. Но тот, в свою очередь, как бы потешаясь над ними, то исчезал стрелой из глаз, то останавливался, подпуская гнавшихся за ним на несколько шагов, и каждая новая пуля, посланная им, была вестником смерти для одного из горцев, и смерти

все от той же раны между бровей, как будто для казака не было другой цели. Так уложил он семерых черкесов. Черкесы смутились. Перед ними, казалось, в образе казака-гиганта был Шайтан-Джахенем (адский дух). Они не осмеливались уже налетать на него, как прежде, и следили за ним издали, пока он не навел их на охотничий табор. Тогда только уразумели джигиты, что за дьявол сыграл с ними злую шутку. Черкесы не хотели оставить заваренного с казаками дела. Молодежь отыскала свою партию и представила старому князю в таких заманчивых красках малочисленность казаков, легкость наживы, а главное — необходимость отомстить за смерть товарищей, что старый князь, забыв свою опытность, решился напасть на табор.

Была лунная ночь. В казачьем таборе тлел небольшой костер, и казалось, что, кроме коней и волов, в нем не было ни живой души. Горцы спешили и смело пошли к повозкам, но едва они приблизились шагов на пятнадцать, как из-за возов и сверху и снизу сверкнули огни, грянула дробь выстрелов, и около пятнадцати хищников покатались в предсмертных судорогах. Горцы, страшно гикнув, с выстрелами бросились к возам. Новый дружный залп отбросил их, опять устлав путь трупами. Тогда они, поднявшись на окрестные высоты, повторили атаку с разных сторон, но охотники, будто горные духи-невидимки, встречали их везде меткой винтовкой.

Заалел восток. Раннее осеннее солнце озарило окрест-

ность. Старый князь, убедившись в невозможности одолеть засевших казаков, стал вне выстрелов и решился на переговоры. Сев на коня, он с несколькими стариками-аксакалами подъехал к возам, имея белый флаг на джериде, и громко стал вызывать старшего. На одном возу поднялся исполинского роста казак в малахае, в высокой рысьей шапке и с длинной винтовкой в руке. Молодежь узнала в нем грозного всадника и, невольно попятившись, схватилась за оружие. Казак, не обращая на это никакого внимания, звучным, как труба, голосом спросил: «Какого черта вы хотите от нас?..»

Старый князь ответил, что желает вступить в переговоры. Дело скоро уладилось, и недавние враги расположились невдалеке от табора-крепости, а князь с несколькими старшинами повел приятельскую речь с пеглеваном. Этого пеглевана звали Баклан, и это имя глубоко запечатлелось в памяти князя Канокова. На Дону это прозвище принадлежало деду знаменитого кавказского генерала Якова Петровича Бакланова.

Встреча с охотниками-донцами расстроила черкесам набег на закубанские казачьи хутора. В партии их было убитых и раненых до пятидесяти человек, в то время как из гулебчиков только шесть человек поплатились легкими ранами.

Недель через пять тяжело нагруженные возы с разным битым пушным зверем, кабанами, лосятиной и дичью потянулись за Егорлык, границу Донского войска, и прибыли благополучно домой, а горцы не только кончаковской партии,

но и соседних аулов долго после того не отваживались нападать даже на одиночных казаков-охотников.

Такова была донская «отвага», выходившая на гульбу и промыслы в вольные степи. Но характеристика донского казачьего быта была бы неполна без рассказа о том, как защищал казак свое родное гнездо, когда хищный ногоец и воинственный черкес приходили к нему жечь, убивать и полон полонить. Характерным примером такой защиты может служить «Донская быль» – вероятно, единственный появившийся в печати в одном старинном журнале рассказ о том, как бились и умирали казаки на порогах своих жилищ.

16 августа 1738 года в донской казачий городок Быстрянский прискакали двое испуганных всадников. «Валит на нас Касай-мурза с черкесской силой – видимо-невидимо!» – кричали они, торопясь в избу станичного атамана. Ударили «всполох», сбежались к майдану станичники. Но – увы! – их было слишком мало, чтобы противостоять тринадцатитысячному татарскому сборищу. Татары улучили время взять с Дона баранту за казацкие прогулки по Кубани: они проведали, что лучшие удалыцы донские бьются в Крыму с турками, под рукой фельдмаршала Миниха, и нахлынули на их родину.

Между казаками шел шумный спор, как лучше «ухлебо-солить» горцев, хотя бы и самим не пришлось вернуться с кровавого пира. И вот среди громкого казацкого говора раздался голос есаула: «Помолчите, помолчите, атаманы-молодцы!» Говор мгновенно затих, и казаки стали в кружок.

– Ну, атаманы-молодцы! – заговорил станичный атаман, опершись на свою насеку. – Застала нас зима в летнем платье. Теперь не час замышлять о шубе, надо подумать, как бы голытьбе выдержать морозы! Не учить мне вас, атаманы-молодцы, как резаться с бусурманами, – это дело казачье, обычное. Но о том не смолчать мне, что всех-то нас теперь первой, второй – да и конец счету, татарской же силы сложилось по наши головы тысяч до тринадцати аль больше...

– Счет-то велик, – перебил его старшина Роба, – да цена в алтын. Касай-мурза громоздок ордой, а лихих узденей и джигитов у него всех по пальцам перечесть можно... Так не лучше ли не терять поры, залечь по концам городка и ожидать татар на дуло? А там, гляди, и войсковой атаман наш, Данило Ефремович²³, с войском помогу подаст. А нет – то лучше голова с плеч, чем живые ноги в кандалы!

– То-то вот – голова с плеч!.. – в раздумье проговорил атаман. – Оно статно, что за плохой укрепой, какова в нашем городке, долго не усидишь. Головы казакам складывать не диковина, да какова про мертвых в войске речь пройдет. Наша вина, что мы за-добра-ума не перебрались из городка в крепость – вот о чем думать надобно.

И казаки серьезно задумались. Припомнилось им, как намереди впустили они в свой городок какого-то казака-проходимца, который прикинулся посланцем от атамана яицкого

---

²³ Д. Еф. Ефремов был войсковым атаманом с 14 марта 1738 года.

с вестью, будто бы-де Дундук Омба со своими калмыками да с казаками яицкими и терскими всю Кубанскую орду погромил и что-де орде уже не в силу нынешним годом подняться на их донские городки. Слушали тогда казаки рассказчика-краснобая, а он все разглядывал, выводывал, высчитывал, и стало потом уже несомненно, что то был совсем не яицкий казак, а некрасовец, подсылный Касай-мурзы – прах бы его побрал!

Припомнив такое обстоятельство, казаки стали перекоряться друг с другом, кто был такому делу заводчик, как вдруг вышел из толпы старый седой казак Булатов.

– Не под стать нам теперь, атаманы, – сказал он, – смутные заводы заводить, когда, того и гляди, татарская сила накроет наш городок. Рассудимся после. К вечеру, может, припадет нам в новоселье скочевать – в матушку сырую землю; там будет каждому расправа начистоту. Подумаем о другом. Ведь делу нашему конец и теперь виден: помощи ожидать неоткуда, живыми отдаться стыдно, да и не за обычай, а пока у нас шашки и ружья есть, порох есть и головы на плечах, надобно биться – вот и все тут! Давайте-ка разделимся на десятки да раскинем умом-разумом, где кому засесть в концах городка. Я примерно покладаю вот как: Афанасию Меркуловичу (он указал на Робу) – быть на коне с конными и сначала выскакать за городок; мне, Булатову, – в передовых лежать на валу; Михаилу Ивановичу (он указал на казака Кургана) – по базам и загородам сесть, а тебе, атаману, – оставаться с под-

можными недалеко от боя и быть надо всеми старшим. Ну, станичники, как присудите, пригадаете?

– Быть по-твоему! – закричали многие.

– К делу – речь! – подтвердили другие.

– Дай Бог добрый час! – заговорили казаки в один голос.

– Пойдем же, станичники, – продолжал Булатов, – засядем и будем стрелять, покуда мочь возьмет. Авось-либо (Булатов перекрестился) Божьей милостью да государским счастьем нашей матушки-царицы и казацким молодечеством отсидимся от бусурманского приступа! А нет – Его святая воля!

Едва только успели казаки занять назначенные им места, как татары хлынули на городок. Застонала земля, началась баталия.

– Эге! Пожар в городке! Тушите, бабы! – крикнул атаман, и последний резерв вместе с ним устремился к месту боя.

Два сильных татарских приступа быстрянцы отразили успешно, воодушевляясь надеждой, что войсковой атаман Ефремов вот-вот нападет на черкесов с тылу и спасет их от гибели. Но при третьем натиске, потеряв большую половину своей дружины, казаки не могли уже остановить татар и уступили им место битвы. Свирепые закубанцы, как бурный поток, разорвали ряды казаков и с оглушающим криком: «Гайда, алдын-джур (вперед)!» – кинулись в их жилища и зажгли несколько куреней.

Жадный огонь мгновенно разнесся И охватил весь горо-

док... К вечеру татары, обремененные добычей и полоном, ушли, оставя за собой кровавые следы.

Настала ночь. Пламя несло к темному беззвездному небу вместе со стоном раненых и умирающих. На окрестных полях бродили оседланные кони и распуганные стада без хозяев. Взошло, как и всегда восходит, красное солнце, но на этот раз оно осветило вместо грозного быстрянского городка и его витязей молчаливые развалины и кучи пепла, который разносился ветром и заметал покойников.

Булатов, подавший первый голос за защиту городка, погиб со всей семьей. С окровавленными сединами, раскинувшись на горячей золе своего куреня, спал он непробудным вековечным сном. Возле него умирали старая жена его, Нефедьевна, и меньшой внук, а старший, молодой и braveй казак, метался в предсмертной агонии на майдановской площади: у него отрублены были обе руки, в то время когда он хотел вырвать у татарина страшный аркан, захлестнувший его невесту.

С переносом нашей границы на Кубань и с уничтожением силы татар, скитавшихся между Кубанью и Доном, подобные сцены стали уже немислимы. Самый быт донцов изменился. Вечная брань их с врагами прекратилась, и беспрестанные поголовные ополчения стали редки. И если этим нанесен был удар их удалой рыцарской жизни, зато станицы, никем не тревожимые, скоро процветали довольством и благосостоянием. Земледельцы во время работ не имели уже нуж-

ды в прикрытиях, задонские посты были сняты; пушки, стоявшие на бастионах Черкаска, никогда не заряжались, и Тихий Дон вполне стал тихим. После вековой непрерывной брани, вносившей шум и движение на его берега, он, по выражению поэта, «задремал, как старец, утомленный многолетними боевыми трудами».

ХІ. ГРАФ ПАВЕЛ СЕРГЕЕВИЧ ПОТЕМКИН

После генерала Якоби Кавказским корпусом некоторое время командовал генерал Фабрициан, по смерти которого, в октябре 1782 года, назначен был генерал-поручик граф Павел Сергеевич Потемкин (двоюродный брат светлейшего князя Таврического), уже известный тогда составлением проекта о заселении степного пространства нынешней Ставропольской губернии казенными крестьянами.

Граф Павел Сергеевич пользовался и репутацией боевого генерала. Он был украшен за первую турецкую войну Георгием 3-й и 4-й степеней, а во время Пугачевского бунта находился в Казани и в качестве начальника секретной комиссии своими распоряжениями много содействовал успешной обороне города. Императрица наградила его тогда золотой шпагой, осыпанной алмазами, а вслед за тем он был пожалован Александровской лентой и камергерским ключом.

Потемкин прибыл на Кавказ 8 октября 1782 года, когда походы Якоби еще были свежи в памяти кавказских народов, и наша линия пользовалась поэтому сравнительным спокойствием. Нарушали ее время от времени лишь одни атагинцы, народ чеченского племени, славившийся с давних времен превосходной выделкой холодного оружия, составлявшего предмет справедливой гордости. Самый промысел этот

уже развивал в жителях военные склонности и до некоторой степени ручался за их боевые достоинства. Они одни из всех чеченцев не хотели покориться русской власти и выдать аманатов. А так как подобное настроение их легко могло сообщаться другим чеченским племенам и аулам, то граф Павел Сергеевич решился, не теряя времени, предпринять их покорение.

В марте 1783 года отряд под начальством полковника Кека перешел за Сунжу и, оставив по пути в Ханкальском ущелье батальон с четырьмя орудиями, двинулся к аулу Атаги и предал его пламени. В то время, когда русские войска жгли и истребляли имущество атагинцев, последние, кинувшись в Ханкальское ущелье, ударили по батальону, рассчитывая истребить его, прежде чем успеет подойти к нему подкрепление. В случае успеха чеченцы заняли бы ущелье, и тогда полковник Кек, отрезанный от линии, очутился бы в весьма опасном положении. Но батальон держался стойко, а между тем на выстрелы подоспел из Атагов отряд, и неприятель, поставленный между двумя огнями, потерпел решительное поражение. Четыреста тел осталось на поле сражения, и атагинцы вынуждены были выкупить их ценой своей свободы: они присягнули на подданство России и дали аманатов.

Покончив с чеченцами и не касаясь еще на первый раз главного вопроса колонизации края, Потемкин сосредоточил все свое внимание на наших дипломатических сношениях с Иверией и успел склонить грузинского царя Ирак-

лия к принятию русского подданства. Торжественный акт об этом подписан был в городе Гори 24 июля 1783 года. Этим актом впервые установлены фактические вассальные отношения Грузии к России. Предыдущие сношения, восходящие до времен царствования Грозного и отличавшиеся характером почти исключительно личных переговоров между монархами, не имели прочного политического значения, обнаруживая лишь не умиравшую духовную связь между единоверными народами. Крепнувшие сношения России с Грузией побуждали лучших грузинских людей переселяться в Москву и Петербург на постоянное жительство, но собственно подданство царства являлось только номинальным и нимало не помогало Грузии поддерживать свою автономию.

Вслед за монголами и турками персияне в XVII веке до того поработили Грузию, что, по свидетельству путешественников, трудно было отличить ее от остальных провинций персидского шаха. Единственным препятствием к окончательному поглощению грузинской национальности магометанством оставалась христианская религия, неприкосновенно хранимая народом и в то время, когда высшие сословия, цари и князья Грузии уже заимствовали от кизильбашей не только одни модные чохи и модный язык, но и персидские нравы, обычаи и даже собственные имена, несмотря на то что они были магометанские. Тегеран сделался тогда местом жительства грузинской аристократии и метрополией Грузинского царства. Но договор, заключенный Ираклием с

императрицей Екатериной и разработанный в Георгиевске под непосредственным влиянием и руководством Потемкина, первым условием ставил для Грузии обязательство навсегда отказаться от подданства Персии; Екатерина же, со своей стороны, пользуясь тем, что Россия обязалась не только защищать Иверийское царство, но и поддерживать на престоле потомство Ираклия, ввела в Грузию русские гарнизоны и тем самым устранила силу дальнейшего персидского влияния. Центр тяжести грузинской жизни был, таким образом, передвинут обратно из Тегерана в Тифлис.

Вслед за грузинским царем присягнул на подданство России и тогдашний валий Дагестана Муртазали, шамхал Тарковский. К сожалению, кончина его остановила, как говорят современные акты, «торжественное того в действо произведение». Оно последовало только при его преемнике Бамате, послы которого, как увидим ниже, были приняты в Екатеринограде с особенной пышностью 21 мая 1786 года. Императрица вполне оценила деятельность графа Павла Сергеевича и пожаловала ему, в чине генерал-поручика, ленту Святого Владимира 1-й степени, бриллиантовую табакерку со своим портретом и шесть тысяч рублей звонкой монетой.

Между тем вассальные отношения, в которые стала Грузия к России, естественно, заставили Россию подумать об устройстве более правильного сообщения с этой страной. Единственная дорога, пролежавшая тогда через Кабарду до главного горного хребта, была настолько небезопасна от на-

падения горцев, что русским курьерам нельзя было ездить иначе как с сильным конвоем. Это обстоятельство заставило возводить по дороге новые редуты и укрепления, которые, начинаясь Моздоком, оканчивались у самого подножия гор Владикавказской крепостью. Между Моздоком и Владикавказом построены были три редута: Григориополисский – в Малой Кабарде, Кумбелеевский – при реке того же названия и Потемкинский – на Тереке, близ Татартуба. Не ограничиваясь этим, Потемкин решился соединить Грузию с русскими владениями проложением дороги и через Главный Кавказский хребет; тогдашние пути в Закавказье горами были едва доступны даже для одиночных пешеходов, и большие сообщения происходили только через Дербент, по берегу Каспийского моря. По распоряжению его восемьсот человек солдат дружно принялись за работу, и, несмотря на невероятные препятствия, представляемые на каждом шагу грозной природой, уже к октябрю 1783 года Кавказский снеговой хребет – там, где, по выражению поэта:

...носились лишь туманы
Да цари-орлы, —

прорезан был дорогой, настолько удобной, что Потемкин уже без затруднения проехал по ней в Тифлис восьмериком в коляске. То был первый путь, проложенный через Кавказский хребет трудами русского солдата, путь, несмотря на ги-

гантские сооружения, не стоивший правительству ничего, кроме нескольких лишних мясных и винных порций.

Ряд укреплений по дороге к Кавказскому хребту, в сущности, был новой боевой линией, заложение которой в самой земле кабардинцев не могло не вызвать опять против русских единодушного недовольствия всех горских племен. Не только кабардинцы, непосредственно заинтересованные в этом деле, но даже лезгины, чеченцы и кумыки решились соединенными силами препятствовать русским работам. Потемкин опять увидел необходимость действовать оружием, и сильные отряды, сосредоточенные им в Науре и в Моздоке, осенью 1783 года перешли за Сунжу. Пока генерал Самойлов проходил лежащие в Чечне и ныне знаменитые дремучие гехинские леса и битвы гремели на берегах Валерика, Гойты, Рошны и Гехи, сам Потемкин приблизился к Ханкальскому ущелью, и 6 октября два батальона Астраханского полка, предводимые храбрым полковником Пъери, взяли его приступом, открыв таким образом свободный путь в Чечню. Чеченцы на время присмирели. Вся экспедиция эта окончилась в несколько дней, и 9 октября войска возвратились на линию.

В феврале 1784 года, когда Суворов выехал в Россию, граф Павел Сергеевич назначен был кавказским генерал-губернатором и командиром обоих корпусов, расположенных на линии, приобретшей особое значение для России с тех пор, как было решено водворить за ней мирные деревни хле-

бопашцев. Таким образом, вопрос о колонизации края русским элементом выдвигается в этот момент на первый план, и ему главнейшим образом и посвящена мирная деятельность Потемкина, на довольно долгое время отстранившая чисто военные вопросы. Потемкин обратился во внутренние губернии с вызовом к однодворцам и государственным крестьянам, приглашая их на новые места, находившиеся под прикрытием наших укреплений. Вызов увенчался полным успехом, и скоро желающих явилось такое множество, что на первых порах с трудом успевали отводить и распределять земли под новые поселения.

Как жили здесь первые русские поселенцы, привлеченные в этот край многими льготами и естественными богатствами, об этом не сохранилось солидных известий. Нужно, однако же, полагать, что жизнь их была далеко не безопасна, что они, подобно линейным казакам, должны были выходить на работу в поле не иначе как с оружием в руках. Несмотря, однако, на предосторожности, которые предпринимались, особенно на первых порах, горские партии все-таки прорывались сквозь русские кордоны и нападали на жителей тем охотнее, что находили у них сравнительно легкую и верную поживу.

Чтобы дать крестьянам хоть некоторую самозащиту, Потемкин стал заселять целые деревни отставными солдатами, как людьми, уже знакомыми с оружием, и этой мерой действительно успел поднять дух новых поселенцев настолько,

что в скором времени мирные села с успехом стали отбиваться от горцев. Степь, еще недавно представлявшая собой картину необозримой и безлюдной пустыни, закипела небывалым оживлением. Гражданское развитие края в течение года подвинулось настолько, что Сенат высочайшим указом от 5 мая 1785 года признал своевременным учреждение кавказского наместничества из двух областей – Кавказской и Астраханской. Наместником Кавказа назначен был граф Павел Сергеевич Потемкин. Он находился тогда в Петербурге, а потому, по возвращении на линию в исходе августа, был принят уже не только как командир Кавказских корпусов, но как настоящий правитель Кавказа и государев наместник.

Необходимо заметить, что звание это тогда получали только сановники, пользовавшиеся особенным доверием императрицы. В их руках сосредоточивалось все управление краем, и им же подчинялись все военные и гражданские власти. Почести, которые присваивались наместникам, являли в них уже настоящих представителей особы государя. Так, при всех торжественных случаях они выезжали не иначе как в сопровождении отряда легкой кавалерии, окруженные адъютантами и молодыми дворянами, которые под их руководством должны были образовывать себя к полезному служению отечеству.

Таким образом, Кавказский край получал самостоятельное гражданское управление, и Астрахань на первый раз передала свои права Екатеринограду, куда Потемкин и пере-

нес свою резиденцию. Екатериноград, стоявший при слиянии двух рек, Терека и Малки, заключал в себе в то время станицу волжских казаков, солдатскую слободу и небольшую крепость, в которой, собственно, и находился дом, вернее – дворец наместника, выстроенный с необычайной для Кавказа роскошью. Памятником этого минувшего величия города и доньше остались поставленные тогда Потемкиным триумфальные ворота с многообещающей на них надписью: «Дорога в Грузию», ныне уже стертой и замененной другой: «Построены попечением генерал-губернатора Потемкина в царствование императрицы Екатерины II. Возобновлены главнокомандующим и наместником Кавказского края князем М. С. Воронцовым в 1847 году».

Сам Потемкин служил олицетворением старинного русского барства и не жалел издержек там, где нужно было поддержать свое представительство. Он окружил себя многочисленной свитой, давал роскошные праздники, и горские князья лучших фамилий всегда толпились около него со своими уорками и узденями. Потемкин ласкал этих представителей черкесской аристократии, дарил и покупал их золотом. При легкомыслии и дикой жадности горцев, он этим путем узнавал обо всех враждебных предприятиях и, принимая своевременные меры, успевал разрушать их в самом зародыше. Но главной системой его политики было правило *divide et impera*²⁴ – поддерживать между горцами постоян-

---

²⁴ Раздор, устраиваемый по особому приказу (*лат.*).

ные распри и, помогая слабым, не давать усиливаться тем, которые могли быть опасны для русских.

В это-то время Потемкин принимал у себя послов шамхала Тарковского, считавшегося валием, то есть правителем всего Дагестана, присланных для принятия русского подданства. В роскошных каретах, сопровождаемые блестящим эскортом из линейных казаков, послы проехали прямо во дворец, где было уже приготовлено все, чтобы ослепить их пышностью, окружавшей наместника. Шествие их открывал церемониймейстер со своими ассистентами, за ним следовал маршал и, наконец, послы, которых почтительно поддерживали под руки наши офицеры.

Миновав длинную анфиладу комнат, процессия вступила в залу, посреди которой величественно возвышался императорский трон. При ступенях трона на богатом кресле сидел наместник.

Выслушав сидя приветственную речь от лица Бамата, он встал со своего места и указал рукой на большой портрет императрицы. После преклонения колен у ступеней трона послы громко и внятно произнесли присягу от лица своего владетеля. Пятьдесят пушечных выстрелов, музыка и грохот барабанов возвестили городу о принятии шамхала в русское подданство.

Все эти благоприятные обстоятельства немало способствовали тому, что хотя линия находилась постоянно в тревожном положении, но она была уже настолько сильна, что

даже такое крупное событие, как газават, — священная война, провозглашенная в горах появившимся в то время на Кавказе магометанским пророком, известным под именем Шейх-Мансура, — не могло нарушить общего спокойствия мирных обитателей края. Восстание было подавлено, и Шейх-Мансур должен был бежать за Кубань.

Дела войны, к сожалению мешавшие Потемкину посвящать себя всецело административной деятельности, однако, не помешали ему продолжать дело гражданского развития страны. Отражая набеги горцев, ведя дипломатические сношения с Персией и Грузией, где почти во все время его управления шли кровопролитные междоусобные войны, он в то же время в тиши кабинета обдумывал, а затем и приводил в исполнение много полезных мер. Кавказ обязан ему не одним заселением своего степного пространства мирными селами и деревнями. При нем же учреждены из бывших крепостей первые кавказские города: Кизляр, Моздок, Екатериноград, Ставрополь, Георгиевск и Александровск (Александровск и Екатериноград впоследствии были обращены в казачьи станицы). Он вызвал на Кавказ немецких колонистов, чтобы с их помощью устроить несколько заводов для шелководства и виноделия и дать сельскому хозяйству русского крестьянина вообще более широкое и правильное развитие. Наконец, он же хлопотал о привлечении в новозаселяемый край армян, на которых смотрел как на посредников в нашей торговле, начинавшей уже мало-помалу зарождаться кое-где

в пограничных местах между русскими и горцами. В видах же большего обеспечения русской границы им сделана была попытка обратить весь кабардинский народ в поселенное войско, вроде казачьего, но, к сожалению, эта мера оказалась преждевременной, и Потемкин вскоре вынужден был от нее отказаться.

В 1787 году, когда началась вторая турецкая война, граф Павел Сергеевич назначен был в Дунайскую армию и передал ведение военных действий генерал-аншефу Текелли. Потемкин уже не возвращался на Кавказ, хотя и сохранял за собой звание кавказского наместника до 1791 года, когда назначен был туда генерал-аншеф Иван Васильевич Гудович.

В действующей Дунайской армии Потемкин особенно отличился при штурме Измаила, во главе знаменитых фанаторийских гренадер, и награжден орденом Святого Георгия 2-й степени. Затем он отправился в Польшу, участвовал в победах Суворова, получил чин полного генерала, а через два года, возвратившись в Москву, неожиданно скончался от удара.

К сожалению, эта внезапная смерть вызвала среди современников различные загадочные толки, весьма нелестные для памяти покойного графа. Случилось так, что он скончался в тот самый день, когда получил известие о назначении в Петербурге формального следствия по поводу одного замятого им прискорбного дела, имевшего место на Кавказе в последний год его управления.

Обстоятельство это, набросив мрачную тень на память одного из даровитейших людей екатерининского века, состояло в следующем. Один из братьев персидского шаха аги Мохаммед-хана, спасаясь от его преследований и настигаемый погоней, бросился в Кизляр искать защиты у русских. Тогдашний комендант Кизляра, бригадир Вишняков, послал к нему навстречу несколько лодок с солдатами, но едва солдаты вошли на корабль, как бросились на персиян, перерезали их, разграбили несметные сокровища, вывезенные с собой принцем, а самого его бросили в море. Почему Потемкин замаял такое вопиющее дело – тайна, которая сошла с ним в могилу.

В заключение нелишне прибавить, что граф Павел Сергеевич был известен в русской литературе многими сочинениями. Из них два капитальных труда его – «История Пугачевского бунта» и «Описание кавказских народов» – остаются неизданными и поныне. Обстоятельство, о котором нельзя не пожалеть, потому что в сочинениях, составленных не очевидцем только, но лицом, близко стоявшим ко всем описываемым событиям, нужно ожидать много интересных данных и разъяснений в истории как Пугачевского бунта, так и Северного Кавказа в XVIII веке.

ХІІ. ШЕЙХ-МАНСУР

В 1785 году на Кавказе появился загадочный человек, известный под именем Шейх-Мансур, положивший зачатки полуполитического, полурелигиозного магометанского учения, впоследствии развившегося в то, что называется «мюридизм» и представляет собой объявление магометанским кавказским миром беспощадной войны христианству и России.

Происхождение Шейх-Мансура неизвестно. Совсем в недавнее время профессор Туринского университета Оттино открыл в Туринском государственном архиве любопытные документы, относящиеся к Шейх-Мансуру, именно – мемуары и письма его, подлинность которых, однако, остается вопросом. В октябре 1786 года, вероятно, после поражения, нанесенного Мансуру Потемкиным за Кубанью, один из трех европейцев, ближайших сподвижников пророка, похитил заветную шкатулку его с драгоценностями, в которой хранились мемуары, и с ней бежал в Константинополь, где и продал рукопись вместе с другими бумагами посланнику сардинского короля Виктора Амедея III. Собственноручные же письма Мансура сохранились у живущего и теперь в Монферате его внука. Многие из них подписаны прямо: «Projeta Mansur» («Пророк Мансур»).

По этим документам Шейх-Мансур есть не кто иной, как

итальянский авантюрист Джованни Батиста Боэтти, уроженец Монферата, где отец его был нотариусом. Пятнадцати лет от роду отец отправил его изучать медицину. Но Боэтти, которому наука не пришлась по душе, скоро бежал в Милан и завербовался в солдаты. Достаточно было двух месяцев, чтобы и военная служба опротивела ему: он бежал в Богемию и после целого ряда странствований, отмеченных то забавными, то печальными похождениями, явился в Рим, где и поступил в монахи в доминиканский монастырь.

После кратковременного увлечения Савонаролой и его реформаторской деятельностью мечты молодого человека сосредоточились на сказочных странах Востока, и через пять лет ему удалось добиться назначения миссионером в Мосул – древнюю Ниневию. Но, прежде чем добраться до места назначения, ему пришлось снова испытать целый ряд приключений. В первом же попутном городе, в Венеции, он был посажен в тюрьму за излишнее проповедническое рвение, направленное против девиц легкого поведения. Проповедь окончилась дракой, которую девицы объяснили нежеланием монаха заплатить им деньги. Высланный из города с большим скандалом, Боэтти кое-как добрался до Кипра, где вскоре очутился снова в тюрьме, на этот раз уже турецкой, куда попал, обмолвившись недобрым словом насчет Магомета. Спасшись и отсюда каким-то чудом, он бежал в Алеппо, где пламенная проповедь опять привлекла к нему много кающихся грешников и особенно грешниц. Его успех у по-

следних не понравился, однако, отцам францисканцам; сделан был донос, и Джованни Боэтти, изгнанный из монастыря, начинает опять бродяжническую жизнь, полную тревог и опасностей.

Скитаясь по Востоку, он сумел верно определить характер и настроение мусульманского населения: он понял, что мусульмане всегда готовы слепо идти за всяким человеком, который сумеет их расшевелить и поднять во имя пророка, и что, приняв на себя роль посланника его, можно рассчитывать стать безграничным повелителем фанатизированной толпы. Умудренный опытом, Боэтти знал, чем он рискует, и потому хотел заранее по мере возможности подготовить успех отчаянно смелого предприятия. Посетив Константинополь, он отправился оттуда в Трапезунд, Арзерум, Карс, Ахалцихе, Ардаган, Потти и Тифлис, тщательно изучая страны и высматривая укрепления городов, заноса их на планы, отмечая пути сообщения, — одним словом, работая над целым планом кампании. Через горные теснины Дагестана он пробрался в Персию, оттуда — в Багдад, где выучил на память весь Коран не хуже самого хорошего муфтия. Но здесь, заподозренный в шпионстве, он был арестован и в оковах отправлен в Константинополь. Сардинский консул выхлопотал ему освобождение; тем не менее турецкая полиция чуяла в нем опасного человека и не выпускала его из виду. Тогда, перерядившись армянином, ему удалось бежать через Смирну в Европу. Его план между тем составлен был окончательно и

бесповоротно. Везде он осматривал арсеналы, пушечно-литейные и оружейные заводы, везде заключал контракты на поставку оружия и боевых снарядов – готовил будущую экспедицию.

Между прочим, Боэтти провел около трех месяцев и в Петербурге, где предлагал Потемкину план завоевания Константинополя. Отказ Потемкина вынудил его начать и совершить ряд смелых до безумия предприятий исключительно на свой риск и страх. Нужных материальных средств для экспедиции он добился от богатого негоцианта из Скутари, армянина Табет-Хабиба. Вместе с ним и с тремя европейцами, решившимися разделить его участь – французом Клеопом Гевено, неаполитанцем Камило Рутиглиано и немецким жидом Самуилом Гольденбергом, – Боэтти высадился в Трапезунде, и вслед за тем началась поистине сказочная авантюра.

Около 1785 года в курдистанском городе Амадия на праздник Рамадана появился новый мусульманский пророк. Одетый весь в белое, с зеленой чалмой на голове, пришелец сразу обратил на себя внимание всего населения города и самого шейха как своей выдающейся, красивой и величественной фигурой, так и в особенности необыкновенным благочестием и молитвенной экзальтацией. Ранним утром, прежде чем голос муэдзинов раздался с минаретов мечетей, его уже можно было видеть на площади. Коленопреклоненный на разостланном плаще, незнакомец простирали руки в

сторону священной Мекки и громко взывал к Аллаху о пощаде заблудших грешников, забывших учение пророка. Толпы народа сходились смотреть на богомольца. Раз проезжавший мимо шейх также остановил коня и обратился к чужеземцу с вопросом:

– Кто ты, что так горячо молишься о прощении грешников?

– Я посланник Магомета, – ответил незнакомец. – Пророк видит, что правоверные отступили от закона, данного им в святой книге. Он послал меня возвестить сынам ислама, что их ждут страшные кары, если они не покаются и не возвратятся на путь истины.

Такие речи на Востоке не редкость: странствующие муллы, хаджи и дервиши сплошь и рядом выкликают на площадях и в мечетях об ослаблении благочестия и возвещают гнев Аллаха; на них обращают там ровно столько же внимания, сколько у нас на юродивых и блаженных, и только в редких случаях, когда авторитет самозванных проповедников становится опасным для духовенства, им рубят головы и сажают на кол.

Новоявленный пророк хорошо знал почву, на которой действовал; он ловко перемешивал догматическое учение с предписаниями практическо-житейского характера в духе покладистой мусульманской морали. Он знал также, какие опасности ждут на первых шагах пророков-реформаторов ислама в том случае, когда проповедь не поддержана

действительной физической силой. На вопросы, откуда он и кто, он гордо отвечал:

– Никто не знает, кто я, и никто этого не узнает. Тайна останется тайной, и враги будут посрамлены. Но для славы Божьей я буду являться в мир всякий раз, когда нечестие станет опасным правоверию. Кто за мной пойдет, тот будет спасен, а кто не пойдет за мной, против того я обращу оружие, которое пошлет мне пророк. Им я накажу нечестивых и обращу неверных.

Несмотря на красноречие проповедника, успех нового учения на первых порах нельзя было назвать блестящим. Последователей у него оказалось всего девяносто шесть человек. Но пророк не падал духом. Разделив их на четыре отряда, он двинулся с этой армией из Амадии завоевывать мусульманский мир.

В наши дни такое войско, несомненно, ночевало бы в кутузке, но сто лет тому назад, и притом в Курдистане, дело разыгралось совсем иначе.

Источники, которыми пользовался профессор Оттино, представляют подвиги Шейх-Мансура, в противоречие русским официальным данным, в таких обширных размерах, которых они в действительности едва ли могли достигать. В случае признания туринских документов неоспоримо подлинными, остается весьма правдоподобное предположение, что Шейх-Мансур имел свои виды и в дневнике, и в письмах преувеличивать значение своих походов. Но так или иначе,

походы эти представляются в следующем виде.

В первом же по пути селении пророк собрал жителей, объявил им о своем божественном посланничестве и изложил перед ними догматы нового учения. Признавшие пророка были немедленно зачислены в ряды войска; оказавшиеся неверующими и упорствующими поголовно вырезаны. Тем же упрощенным способом были просвещены светом нового учения жители нескольких селений и городов Курдистана. Способ оказался настолько убедительным, что к укрепленному городку Битлису пророк подступил уже во главе армии в несколько тысяч человек. Город имел двадцать тысяч жителей и вздумал защищаться, но был взят приступом. Турецкий гарнизон истреблен, а самый город отдан на разграбление.

Слава пророка и рассказы о том, как он управляется с закоренелыми грешниками, пронесли по всему Курдистану и нагнали такой ужас на жителей, что города стали сдаваться уже без сопротивления. Один Ахалцихе, понадеявшийся на свой пятитысячный гарнизон и сильную артиллерию, встретил его оружием. Но город будто бы взят был штурмом, и на дымящихся развалинах его фанатизированные толпы провозгласили пророка Мансуром, то есть Победоносным.

Полчища завоевателя возрастали; к ним примкнули шайки из гор и ущелий Кавказа. Мансур с сорокатысячной толпой двинулся к Арзеруму и занял его без боя. Далее источники приписывают Шейх-Ман суру взятие Карса, поражение

на берегах Куры грузинской армии и русского отряда и даже взятие Тифлиса.

После этих громких побед, неоправдываемых, правда, русскими источниками, обещанный Потемкину поход на Константинополь мог уже быть совсем не фантастическим предприятием, Турции могла грозить серьезная опасность. И Мансур писал в одном из своих писем к отцу: «Если угодно Богу, я увижу падение Константинополя, а за ним и падение папского Рима, так как папа римский, константинопольский муфтий и шериф Мекки – одинаковые невежды и обманщики, слепые вожди слепцов. Придет время, и погибнут все Вавилоны». Замечательно, что эти же слова введены были в самый тезис его мусульманского учения.

Какие соображения побудили Мансура оставить в покое турок и перенести свою завоевательную деятельность к границам России – неизвестно. С большим правдоподобием можно предположить, однако, что решение это было вызвано сообщениями его друзей о том, что Россия, Австрия, Франция и Англия не станут выжидать завоевания им Константинополя, а распорядятся и с ним самим. Горы Кавказа между тем представляли собой менее блистательное, но зато более правдоподобное царство и во всяком случае надежное убежище. Но тут он сталкивается с интересами России.

Русские источники иначе передают и происхождение Шейх-Мансура, и его военную карьеру. Тут мы встречаемся, однако, тоже с двумя толкованиями. Достаточно извест-

ный русский мусульманский ученый Казем-бек говорит, что Шейх-Мансур был родом из оренбургских татар и получил духовное образование в одном из важнейших центров мусульманской религиозной учености, в Бухаре, откуда он и занес на Кавказ зачатки нового учения. Собственно же русские военные донесения, основанные, вероятно, на показаниях чеченцев, называют Шейх-Мансура уроженцем чеченского селения Алды, где он имел будто бы братьев. Изучив Коран под руководством одного из ученейших мулл Дагестана, он возвратился на родину, где из-за нищеты и бедности вынужден был пасти скот у своих односельцев. По чеченской легенде, он здесь решил воспользоваться легковерием правоверных. Однажды жители селения Алды узнали, что Мансур видел сон, несомненно доказывающий, что он пророк и избранник Божий.

«Во сне, – говорил Мансур своим братьям, – я видел, что ко мне явились два таинственных всадника и именем Бога велели идти проповедовать народу истины ислама. Я думал уклониться от этого, ссылаясь на свое убожество, но один из всадников сказал мне: «Иди! Аллах будет вещать твоими устами, и народ поверит всему, что ты ему скажешь».

Молва об этом чуде быстро разнеслась по аулу и взволновала народ. А между тем Мансур, запершись в своем доме, три дня провел в посте и молитве. Только по истечении этого срока он вышел на крышу своей сакли и тихим голосом стал созывать к себе односельцев. Когда собрался народ, Мансур

стал проповедовать. Он говорил об истинах ислама, о том, что истины эти забыты и попораны чеченским народом, указывал на близость кончины мира, на приближающееся царствование Иссы...

Его воодушевление и страстная речь, льстившая народным инстинктам, поразили пылких слушателей и сразу привлекли к нему толпу последователей. Народ увидел в бедном пастухе действительного избранника, ниспосланного Богом, и слепо поверил новому учению. Алдинцы первые решились бросить взаимные распри, перестали курить табак, пить бузу и составили вокруг Мансура почетную стражу, которая находилась при нем безотлучно.

Появление пророка скоро стало известным и в соседних аулах. Со всех сторон начали сходитья чеченцы, чтобы посмотреть на него. Но он показывался редко, и то не иначе как под густым покрывалом. Неудовлетворенное любопытство заставило сильнее работать воображение, и скоро о Мансуре стали рассказывать необычайные вещи, о которых и сам он никогда не думал. Слава его росла далеко за пределами Чечни: о нем говорили уже на Кумыкской равнине, в горах и в отдаленнейших недрах Дагестана.

Мансур искусно воспользовался настроением умов и, заручившись значительным числом прозелитов, стал проповедовать уже газават – священную войну против неверных. С этих пор его проповедь, теряя мало-помалу религиозный характер, обращается в политическое учение, сделавшееся

весьма опасным для русского влияния на Кавказе.

Так изображают судьбу Шейх-Мансура русские источники. Правы ли они, или Шейх-Мансур – итальянский или другой какой-нибудь искатель приключений, сказать наверное невозможно. Можно, однако же, предполагать, что каждый народ и каждый аул Чечни и Дагестана не прочь был назвать себя родиной «великого пророка». Одна из подобных легенд могла дойти в ущерб истине до русских властей и закрыть от них собой дальнейшие, внекавказские похождения Шейх-Мансура.

Русские власти, естественно, могли смотреть на Шейх-Мансура преимущественно с точки зрения влияния его на русские пределы. И в этом отношении все известия, сохранившиеся в донесениях войсковых начальников, носят характер несомненной исторической истины. И вся военная деятельность Шейх-Мансура на Кавказе должна быть описываема и оцениваема только по русским источникам. А эти источники говорят о целом ряде тревог и битв, вызванных учением и деятельностью Шейх-Мансура. Одним из страстных и настойчивых стремлений Шейх-Мансура было соединить в одно все горские народы. На то, чтобы помешать этому, и были направлены все усилия русского оружия. Сознвая необходимость подавить зло в самом его зародыше, Потемкин приказал известному своей энергией командиру Астраханского пехотного полка полковнику Пьери быстрым движением в Алды захватить бывшего тогда в этом ауле Манс-

ура. К сожалению, первая попытка в этом направлении была весьма неудачна.

Присоединив к Астраханскому полку батальон кабардинцев, две роты томцев, сотню терских казаков и два орудия, Пъери прибыл с этими силами на Сунжу и, оставив здесь все тяжести, налегке двинулся далее, к Алдам, до которых, как ему говорили, оставалось только около пяти верст. Пройдя дремучими лесами со стороны Калиновской станицы, Пъери напал на аул врасплох, но Мансур при первых выстрелах успел бежать из селения. Таким образом, главная цель экспедиции не была достигнута, и только богатые Алды были преданы пламени. Полагая, что разрушением Алдов неприятель достаточно наказан, Пъери начал отступать обратно за Сунжу, но это отступление и было причиной гибели отряда. Как только войска втянулись в лес, лежащий между Алдами и Сунжей, чеченцы напали на отряд и почти весь его уничтожили. Сам Пъери был убит, а командир Кабардинского батальона майор Комарский смертельно ранен. С потерей начальников люди расстроились, дрогнули и побежали. Чеченцы преследовали их с необычайной яростью – резали, брали в плен и топили в Сунже. При этом несчастном отступлении отряд потерял оба орудия (впоследствии выкупленные у чеченцев за сто серебряных рублей), восемь офицеров и более шестисот нижних чинов, не считая раненых. Нелишне прибавить, что в числе немногих уцелевших был унтер-офицер князь Петр Иванович Багратион, бывший в тот кровавый

день ординарцем при Пьери.

На другой день после поражения отряда Пьери на Сунжу прибыл бригадир Апраксин со значительными силами. Наткнувшись случайно на чеченцев, он преследовал их до Алхановой деревни, сжег ее и, возвратившись в Кабарду, написал напыщенное донесение о подвигах своего отряда. Потемкин остался всем этим весьма недоволен. «Если это были жители только одной алханской деревни, – писал он Апраксину, – то о преимуществе, одержанном над ними столь знатными силами, как ваши, можно бы было сказать покороче, а что касается трофеев, то снятый с мертвого патронташ, нечто, похожее на барабан, и знамя могли бы быть обойдены молчанием».

Несчастное поражение Пьери, первое в ряду немногих, выпавших на долю русских войск на Кавказе, имело для края тяжелые последствия. Весть о печальной участи русского отряда мигом разнеслась по горам, и от всех кавказских племен под знамя пророка устремились новые толпы приверженцев. Мансур между тем торжественно объявил, что в скором времени пойдет на Кизляр. В июле он действительно атаковал Каргинский редут, находившийся верстах в пяти от Кизляра. Небольшой гарнизон оказал ему, однако, такое отчаянное сопротивление, что чеченцы, несмотря на свое огромное численное превосходство, не могли овладеть укреплением и только зажгли прилежавшие к нему деревянные строения. Распространившийся пожар быстро до-

стиг порохового погреба, и укрепление взлетело на воздух, похоронив под своими развалинами геройских защитников. Шейх-Мансур торжествовал эту новую победу и отправился к Кизляру.

Рассказывают, что два казака, бывшие на охоте, случайно наткнулись на горцев, двигавшихся к переправе, и известили крепость. А горцы между тем, как говорят, изменой были заведены в топкое болото с трясинными окнами и попали в очень опасное положение. Настал беспорядок, шум и вопли увеличивались с каждой минутой, наездники теснили друг друга и, стараясь выбраться, тонули в бездонной трясине. Лошади, предчувствуя гибель, фыркали, бились и сбрасывали всадников. К довершению ужаса справа загудели выстрелы. Терские казаки успели вовремя и, мало-помалу обходя болота, поставили хищников под перекрестный огонь. Немногие из последних, растеряв коней, прорубились на свободу и вплавь перебрались за Терек. Сам Шейх-Мансур едва не утонул в болотах. Мрачный и угрюмый, окруженный толпой безмолвных горцев, переправился он за Терек и пустился вслед за своей шайкой.

Весть о гибели наездников в кизлярских болотах скоро разнеслась по целой Чечне, но Шейх-Мансур не думал отказываться от своего намерения, он только решил сначала усилить свои скопища кабардинцами, давно уже искавшими случая пристать к чеченским хищникам.

С появлением Шейх-Мансура в Кабарде народ, а за ним

и князья почти поголовно стали переходить под его знамя. Скоро силы Шейх-Мансура возросли до весьма значительной цифры, и он решился напасть на Григориополис²⁵, где стоял батальон пехоты под командой храброго подполковника Вреде. 29 июля многочисленные полки неприятеля со всех сторон обложили укрепление и открыли по нему сильный ружейный огонь, на который осажденные почти не могли отвечать, так как горцы искусно пользовались для своего укрытия оврагами и камнями. Обстоятельство это заставило Вреде придумать весьма остроумный способ для поражения чеченцев. Рассказывают, что он, желая выманить их на более открытое место, стал выпускать из крепости скот, и в ту минуту, как жадные чеченцы кидались за этой добычей, он бил их картечью. Такой маневр удавался довольно долгое время, и тридцать голов скота, выпущенного из крепости в разное время, дорого стоили чеченцам.

Между тем перестрелка длилась до наступления сумерек. Вечером неприятель зажег деревянные постройки, принадлежавшие какому-то полку, и под прикрытием густого дыма стал подходить все ближе и ближе к крепости. Число неприятельских стрелков также увеличилось. Вреде понял опасное положение своего гарнизона и решился поправить дело отчаянной вылазкой. Восемьдесят человек охотников и сто

---

²⁵ В 1784 году, для безопасности сообщений с Грузией, между Моздоком и Владикавказом заложены были три редута: Григориополисский, Потемкинский и Кумбелевский.

казаков, под прикрытием огня крепостных орудий, с разных сторон выскочили из укреплений и с криком бросились на неприятеля. Нападение было так неожиданно, что чеченцы в страхе бросились бежать, и к утру в окрестностях Григориополиса не было видно ни одного неприятельского всадника.

Поражение Мансура дурно повлияло на умы правоверных горцев, и они начали даже сомневаться в неподложности своего пророка. Видя это и чтобы поправить дело, Мансур поспешил в Чечню, объявляя всем, что идет на Кизляр, который должна постигнуть участь Каргинского редута. Обещание было заманчиво. Богатый город с его хуторами и армянскими лавками, полными товаров, представлял собой привлекательную цель для набега, и горцы на этот раз легко поддались влиянию пророка.

Несмотря на то что в Кизляре собрано было до трех тысяч войска, весть о намерении горцев всполошила всех жителей. В их памяти свежи были недавние погромы кистин, а тут еще новые рассказы о поражении Пъери, о гибели Каргинского редута; о странно-таинственной личности бог весть откуда явившегося чеченского пророка. Очевидно, Шейх-Мансур поразил воображение не одних горцев, а и русских.

Кизлярцы были в унынии. Один из очевидцев той эпохи говорит, что картина была действительно печального свойства: испуганные дети кричали, женщины плакали и, теряя голову, не знали, за что приняться, седые старики сумрачно глядели на семьи и торопливо прятали и убирали пожитки.

Многие бежали в Астраханские степи. Казаки, с вечера отправленные за Терек, заклинали друг друга стоять за родные станицы и «падать спиной» в Терек, если не одолеют «пастуха-волка», как они называли Мансура.

Ночь прошла, однако же, благополучно. Под утро, когда после всей этой тревоги жители стали уже забываться сном, вдруг тучи пыли поднялись за Тереком, и в крепости раздалось роковое: «Идут». Крепость вздрогнула, как от удара грома.

Чтобы ободрить народ, русские и армянские священники ходили по улицам города, пели молебны и кропили христиан святой водой. Суета, шум и тревога были повсюду, и лишь русские солдаты молча стояли в своих рядах.

Был уже полдень, когда чеченцы стали переходить через Терек верстах в пятнадцати ниже Кизляра. По донесению гребенских казаков, стоявших в пикетах, их было не менее десяти – двенадцати тысяч. Отсюда вся масса их двинулась к Кизляру. Но как только она добралась до садов, окружающих город, где были хутора, то, не внимая больше голосу своего предводителя, бросилась грабить. Весь день неприятель опустошал сады и только под вечер 20 августа пошел наконец на штурм крепостной ограды, возведенной вокруг форштадта. Пять раз толпы его бросались на приступ и всякий раз были отброшены с огромным для них уроном. Гребенские казаки с атаманом Сехиным и Терское войско с князем Бековичем-Черкасским, оборонявшие вал, покрыли се-

бя в этот день блистательной славой.

Значительные потери заставили Мансура отказаться от намерения овладеть Кизляром открытой силой. Зато на следующий день он вдруг обрушился на Томский пехотный полк, стоявший лагерем вне укрепления, и это была последняя попытка неприятеля. С отступлением томцев в редут горцы встречены были сильным перекрестным огнем со всех батарей и в беспорядке отступили за Терек.

Новая неудача под Кизляром сильно подействовала на сообщников Мансура, увидевших, что предсказания пророка не сбываются, а, напротив, последователи его терпят только одни поражения. Чеченцы первые от него отложились. Шейх-Мансур скрылся в кумыкские селения и стал собирать под свои знамена толпы бездомовников, искателей приключений, вообще людей сомнительного поведения. Между тем восстание в Кабарде, не угасавшее со времени григориополисской осады, принимало все большие и большие размеры; кабардинцы звали Мансура к себе и делали большие приготовления к торжественной встрече пророка. Они предполагали идти с Мансуром на левый берег Малки для опустошения линии и даже Астрахани. Нетерпеливейшие из его сторонников устремились в начале октября на Наур и на Моздок, но были отражены.

В таком положении были дела, когда Потемкин отправил против Мансура командира Кабардинского пехотного полка

полковника Нагеля²⁶ с отрядом из четырех батальонов пехоты, двух эскадронов астраханских драгун, Моздокского казачьего полка и трех сотен казаков: донских, терских и грбенских. Нагелю категорически приказано было или разбить Мансура, или по крайней мере помешать соединению его с кабардинцами.

Противники встретились 30 октября недалеко от Моздока. Обе стороны сражались с одинаковой храбростью и после пятичасового отчаянного рукопашного боя удержали каждый свои позиции. 2 ноября бой возобновился у Татартуба. Это был в то время один из наиболее значительных кабардинских аулов, следы которого теперь заметны только по одному высокому минарету, доньне красующемуся еще в окрестностях Змейской станицы на старой Военно-Грузинской дороге. Говорят, что в старину на этом месте был значительный город, и если только это тот самый Татартуб, близ которого Тамерлан разбил Тохтамыша в 1395 году, то минарет и аул – древнейшие памятники и, может быть, немые свидетели важнейшего для России исторического события. У этих развалин 2 ноября 1785 года произошел роковой для Мансура Татартубский бой. Огромное двадцатитысячное скопище горцев на заре со всех сторон облегло отряд полковника Нагеля. С фронта наступали чеченцы, слева тав-

---

²⁶ Нагель назначен был командиром Кабардинского полка из драгун на место полковника Ладыжинского, который с производством в бригадиры был послан комендантом в Оренбург.

линцы, а справа шла кабардинская конница под предводительством известного тогда наездника Дола. В то же самое время кумыки, среди которых развевалось большое священное знамя пророка, как туча, шли в тыл, угрожая отрезать отряду отступление. Яростный бой загорелся разом в нескольких пунктах. Выдержав отчаянную атаку тавлинцев, сражавшихся пешком, отряду легко уже было управиться с чеченцами и кабардинцами. Кумыки вступили в дело позднее других, но, двигаясь под прикрытием особых подвижных щитов²⁷, представляли собой грозную стену, против которой было бессильно даже действие артиллерии.

Тогда храбрый Нагель встретил наступавших штыками и, отняв щиты, обратил неприятеля в бегство. Сам Шейх-Мансур одним из первых оставил поле сражения. Торопясь уйти от преследования, неприятель оставил в горных ущельях все свое имущество, которое и было захвачено войсками. Трофеев также было взято немало, но Потемкин распорядился с ними по-своему. «Знамена их, – доносил он князю Таврическому, – не нашел я достойным поднести вашей светлости, а, обругав их при собрании тех кабардинских владельцев, кои у меня находились в стане, через профоса сжечь приказал».

Таким образом, Татартубский бой являлся блистательной

---

²⁷ Сколоченные из двух рядов бревен с насыпанной между ними землей, щиты эти имели по два колеса и катились довольно легко и свободно, служа отличным прикрытием от огня артиллерии.

отместкой чеченцам за истребление отряда Пъери, и имя полковника Нагеля, тесно связанное со славным делом поражения Шейх-Мансура, принадлежит истории Кабардинского полка как имя начальника, в школе которого полк начал свои первые боевые уроки в Кавказской войне²⁸.

Деморализация в разбитых шайках пророка после этого боя была до того велика, что горцы восстали друг против друга. Лезгины резали чеченцев, чеченцы хватали лезгин и, как рабов, продавали в Турцию. Шейх-Мансур ушел за Кубань и там искал покровительства турецких пашей, занимавших приморские крепости. Здесь ему удалось распространить свое влияние на закубанских черкесов. Закубанские горцы вовлечены были в общий поток восстаний и на горячую речь проповедника ответили грозным набегом на Моздокскую линию весной 1786 года. Сильная партия их прорвалась тогда до самого Александровского города, сожгла село Новосельцево, увела в плен до двухсот жителей и угнала девять тысяч голов скота. Вторичная попытка была отражена полковником Муфелем, но, когда настали темные осенние ночи, черкесы перешли Кубань, сорвали пост Безопасный, встревожили Донскую крепость и даже появились на пути к Черкасску. Двухтысячная партия их с турецкой пушкой бросилась ночью 2 ноября на Болдыревский редут на реке Ее, где стояли три донских казачьих полка под командой пол-

---

²⁸ Кабардинский полк прибыл на Кавказскую линию под командой полковника Ладыжинского в 1776 году и стал в Георгиевске, который сам и построил.

ковников Бузина, Денисова и Грекова. Что произошло тут – неизвестно; официальные документы говорят только, что казаки были тогда разбиты наголову, полковник Греков и с ним сто пятьдесят донцов взяты в плен и впоследствии перерезаны.

Быть может, к этому событию относится следующая поэтическая песня:

На линии было на линеюшке,
На славной было на сторонушке,
Там построилась новая редуточка;
В той редуточке стояла командушка,
Что донская команда казацкая;
А уж во командочке приказным был Агуреев сын.
За неделюшку у Агуреева сердечушко не чуяло,
За другую стало сказывать,
Как за третью за неделюшку вещевать стало;
Наехали гости незванные-непрошенные,
Стали бить и палить во редутушку
И повыбили всю командушку казацкую;
Агуреев сын ходит-похаживает,
Свои белые руки поламывает,
Буйной головушкой покачивает:
«Вы сами, ребятушки, худо сделали,
Не поставили караула, сами спать легли.
Не бывать вам, ребятушки, на тихом Дону,
Не видать вам, ребятушки, своих жен, детей,
Не слышать вам, казачушки, звону колокольного...»

К счастью, дерзкие набеги закубанских горцев на Северную крепость и на отряд подполковника Финка, стоявшего у Темиш-бека, были отражены с большим для них уроном.

Между тем вскоре началась вторая турецкая война, и смуты, вносимые в Закубанье Шейх-Мансуром, были особенно неудобны. Желая покончить с ним во что бы то ни стало, Потемкин осенью 1787 года двинул к вершинам Зеленчука и Урупа три сильных отряда под командой полковника Ребиндера и генерал-майоров Ратиева и Елагина. Елагин отделил от себя два летучих отряда, поручив их известным своей отвагой полковникам Булгакову и Депрерадовичу, а они, перейдя за Кубань, сражались в течение нескольких дней и положили на месте больше двух тысяч черкесов, сожгли много аулов, отбили громадное количество скота, потеряв сами трех офицеров и до ста пятидесяти нижних чинов. Пока Елагин громил черкесские скопища, Ребиндер первый встретился с Мансуром, стоявшим между Лабой и Урупом. Шестьсот арб, уставленных вокруг, вагенбургом, представляли собой достаточно крепкую ограду против открытого штурма. Ребиндер, услышав притом, как горцы запели предсмертную молитву, заключил из этого, что они твердо решили защищаться до последней крайности. Не желая напрасно терять людей, он выдвинул вперед артиллерию. Ядра, картечь и гранаты быстро разметали оплот, и черкесы бежали сами, оставив свой вагенбург и в нем четыреста трупов.

Ребиндер остановился на ночь около Чильхова коша и здесь, на рассвете 21 сентября, внезапно был атакован всеми силами Мансура. Завязалось жаркое дело. Ростовский конно-карабинерный полк, ударивший на закубанцев, был ими смят и опрокинут, астраханские драгуны подоспели на выручку и, в свою очередь, сбили закубанцев. Когда на пушечные выстрелы подошел сюда генерал-майор Ратиев, дело уже было окончено, и Шейх-Мансур, отступив, остановился в десяти верстах от поля сражения.

На другой день бой возобновился. Но, как ни храбро дрались черкесы с Мансуром во главе, Ратиев рассеял их скопища и предал пламени все окрестные селения, в одном из которых сгорел между прочим и дом самого лжепророка. Наша потеря не превышала пятидесяти человек, но в этом числе русские лишились походного казачьего атамана Янова, раненного двумя стрелами в голову.

Та же неудача преследовала Мансура и в следующем году, когда генерал Текелли разбил его на реке Убынь. Здесь под Мансуром была убита лошадь, и он пешком едва успел спастись от неминуемой гибели или плена.

Покинутый горцами, Мансур опять нашел себе убежище в Анапе. Но крепость эта в 1791 году, после кровопролитнейшего штурма, была взята генералом Гудовичем. Защитники Анапы были истреблены почти поголовно, но в числе немногих пленных находился и Шейх-Мансур, бывший, как говорят, душой всей обороны. В последние минуты боя он

заперся в землянке вместе с шестнадцатью своими приверженцами, но землянка была окружена войсками и скоро взята. Плененный Мансур отправлен был в Петербург. Императрица пожелала видеть пленника, и его привезли в Царское Село, где тогда находился двор. Там, как рассказывают, его приказали водить около дворцовой колоннады взад и вперед под окнами, из которых на него смотрела Екатерина.

Мансур сослан был в Соловецкий монастырь. Одни говорят, что Мансур умер там в заточении, другие указывают, что на северо-восточной стороне Соловецкого острова и теперь еще есть следы небольшого, окруженного садом домика, в котором, по словам старожилов, жил какой-то пленный чужеземец, и что этот чужеземец и был Шейх-Мансур. Домик этот теперь обвалился, и время уничтожает его последние остатки. Последнее письмо Мансура, приведенное профессором Оттино, действительно помечено: «Соловецк, 15 сентября 1798 года» и подписано «Джованни Батиста Боэти, проповедник». В письме этом он просил прощения у своего престарелого отца.

Мансур умер. Но дело его и его мысль не остались без результата, и мюридизм, правда, спустя уже много лет после него, все-таки поднял голову. Он получил широкое развитие, когда во главе движения стал Кази-мулла, а за ним последовательно явились Гамзат-бек и Шамиль – эти последние представители фанатичной секты, стоившей России тридцатилетней борьбы и потоков крови.

ХІІІ. ЗАКАСПІЙСКАЯ ЭКСПЕДИЦІЯ (Граф Войнович)

В то время как при генералах Якоби и Суворове, а потом при Потемкине устраивалась на Кавказе по Тереку и по Кубани крепкая граница русской земли, развивались и укреплялись казачьи поселения, еще раз сделана была попытка проникнуть в даль среднеазиатских степей, с целью развития там русской торговли, а если возможно, и проникновения в Индию. Хотя эта попытка, напомнившая петровскую политику и поход Бековича-Черкасского, имела далеко не столь обширные цели, была кратковременна и окончилась опять неудачей, тем не менее она замечательна именно как выражение видов и намерений русского правительства, не оставленных после Петра. Восточное побережье Каспия, бесплодное и пустынное, представляющее собой степь, по которой кочуют киргизы и туркмены, лежало первым пунктом на этом великом пути Русского государства, и правительство русское не раз поднимало вопрос об учреждении там торговых колоний.

Екатерина Великая и дальновидный князь Таврический соорудили экспедицию для занятия крепкого пункта на восточном побережье моря. Есть мнение, что экспедиция эта

находится в тесной связи с намерениями Екатерины Великой выполнить еще Петром задуманное дело – завладеть северными провинциями Персии, первым шагом к чему и должно было служить присоединение к России Грузии, уже тогда предвиденное и частью совершившееся два года спустя.

Как бы то ни было, но в 1780 году три военных фрегата, бомбардирский корабль и четыре транспортных бота снаряжались в Астрахани к походу, цель которого облекалась глубокой тайной. Суворов, проживавший тогда в Астрахани, ожидал, что выбор правительства для выполнения предполагаемой экспедиции падет на него. Но, к общему удивлению, 11 июня 1781 года в Астрахань неожиданно прибыл из Петербурга молодой капитан-лейтенант граф Войнович и принял эскадру под свое начальство. Он имел секретное поручение плыть к персидским берегам под видом наказания дербентского и бакинского ханов, а в действительности с целью основать укрепление на одном из островов Каспийского моря и попытаться продолжить торговые пути в Хиву, Бухару и Индию.

Граф Марко Иванович Войнович был родом из приадриатических славянских провинций и с ранней юности посвятил себя мореходству. В русскую службу он вступил во время первой турецкой войны, явившись волонтером в черноморскую эскадру. Храбростью и знанием морского дела он скоро обратил на себя внимание императрицы, которая и назначила его командиром фрегата «Слава». Командуя им, Войно-

вич участвовал во многих делах и за отличия был награжден орденом Святого Георгия 4-й степени.

Прибыв в Астрахань и снабдив эскадру всем необходимым, Войнович 8 июля уже вышел с ней в Каспийское море. Миновав Дербент и Баку, он после трехнедельного плавания прибыл в Астрабадский залив и здесь остановился верстах в шестидесяти от города, в небольшой гавани, окруженной высокими горами, на которых лежит вечный снег. Сюда сходились караванные дороги, ведущие в глубину Ирана и в Среднюю Азию. Надо сказать, что Астрабадская и Мазендеранская области уже раз были уступлены России в 1723 году, во время петровского похода, но никогда еще не занимались русскими войсками и вскоре по смерти Петра обратно отданы персидскому шаху.

В то самое время, когда Войнович со своей эскадрой вошел в Астрабадский залив, в Персии происходила междоусобная война за наследство. Сильнейшим из воюющих претендентов был хан Астрабадский ага Мохаммед, основатель нынешней персидской династии. Он овладел уже тогда Астрабадом, Мазендераном, Гиляном, Рештом и осадил город Казвин. К нему и обратился Войнович с секретным предложением. Ага Мохаммед любезно принял посланного к нему офицера и охотно уступил на астрабадском берегу под русское селение урочище Городовин. Он даже дал своих рабочих, уверяя, что и сам он предвидит для страны огромные выгоды от учреждения в ней русской торговой колонии. Вой-

нович немедленно приступил к постройке селения и, под предлогом защиты его от хищных туркмен, поставил ретраншемент, вооруженный восемнадцатью орудиями, снятыми с корабля и с фрегатов. Избранное место по справедливости могло почитаться самым удобным и выгодным пунктом уже потому, что имело, как выше сказано, самой природой хорошо защищенную и выгодно расположенную гавань.

Персияне не препятствовали устройству укрепления и даже, по-видимому, склонны были видеть в нем охрану и для себя от частых и разорительных набегов хищных туркмен.

Такое настроение продержалось, однако, недолго. Ага Мохаммед-хан, вытесненный вскоре из Казвина и Решта, начал опасаться русского соседства и отдал приказ стараться захватить Войновича в плен, рассчитывая силой вынудить у него согласие на уничтожение как пристани, так и укрепления. Случай к этому, по несчастью, скоро представился, и Войновичу пришлось испытать на себе восточное вероломство, некогда погубившее Бековича.

На 15 декабря, день в честь пророка, Войнович и его офицеры были приглашены астрабадским губернатором в гости. Приглашение было принято, и Войнович отправился в сопровождении всех начальников судов, не предвидя ловушки. В Астрабаде русские увидели собранное войско и были встречены таким необыкновенным шумом и криком народа, что сразу стали подозревать измену. Воротиться, однако, было нельзя, приходилось покориться своей участи и выжидать

событий. Персияне приняли гостей с почестями. С час прошло в восточных церемониях и обрядах празднества. Офицеры все время сидели как на иголках и торопились выбраться. Наконец Войнович встал, поблагодарил губернатора за гостеприимство и просил его отпустить их домой. Но в ответ на это губернатор грозно объявил, что по повелению аги Мохаммед-хана он должен их арестовать. Присутствующая тут толпа со зверской радостью кинулась на офицеров. Их бросили в темницу, где на несчастных узников тотчас были набиты колодки такой величины и тяжести, что они не могли тронуться с места. Один из участников экспедиции, Радинг, впоследствии описал тяжкое душевное состояние заключенных. Все они глубоко чувствовали, что в лице их наносится оскорбление русскому имени, и мысль, что неосторожность их послужит главной причиной неудачи всей экспедиции, терзала их не менее чем страх близкой гибели.

Между тем в оставшейся на берегу команде, узнавшей о пленении, возникли замешательства. Персияне хотели этим воспользоваться, чтобы овладеть ретраншементом, однако были отбиты с огромным уроном. Им удалось только захватить тридцать человек из партии, находившейся на рубке леса.

Губернатор между тем потребовал от пленных офицеров, чтобы они послали команде приказание разорить все постройки и укрепления на астрабадском берегу, и угрожал, в противном случае, принудить их к тому страшными муками.

Войнович ответил, что русский закон воспрещает пленному начальнику отдавать приказания. Он предложил, однако же, освободить одного из старших офицеров, который, возвратившись к эскадре, мог бы распорядиться уже как прямой начальник. Персияне долго колебались в выборе, но наконец отпустили капитан-лейтенанта Баскакова, предупредив его, что если ретраншемент не будет разрушен, то остальные пленные будут преданы мучительной казни.

Когда Баскаков исполнил все требования персиян, они освободили пленных матросов, но офицеров удержали и даже перевезли в город Сари, где участь их должна была решиться народным приговором. Целых две недели несчастные томились между страхом и надеждой, но наконец, по приказанию аги Мохаммед-хана, им возвратили свободу. Восемьдесят шесть верст, разделявших город Сари от пристани, офицеры верхами проскакали без отдыха, пока наконец не были радостно встречены эскадрой, уже потерявшей надежду увидеть их живыми.

Ага Мохаммед-хан скоро раскаялся в своем поступке и обратился к Войновичу с письмом, предлагая новое место под русскую колонию. Но граф не мог уже доверять ему и не хотел иметь никакого дела с человеком, ознаменовавшим себя таким позорным вероломством. Тогда ага Мохаммед отправил посольство в Петербург, но послы его не были приняты императрицей.

До 8 июля эскадра простояла в Астрабадском заливе, а за-

тем, осмотрев приморские места близ Балаханов и Красноводска, прибыла в Баку, встреченная салютом русскому флагу из крепостных орудий. Прибытие эскадры привело бакинских жителей, для которых военные корабли были до того времени невиданной диковинкой, в большой страх: вероломство хана здесь уже было известно, и все ожидали за него возмездия. Дело, однако, ограничилось мирными переговорами насчет русских купцов, торговавших в Баку и Дербенте, после чего эскадра возвратилась в Астрахань.

Экспедиция больше не возобновлялась. Но с той поры на Каспийском море при устье Волги уже постоянно содержалась русская эскадра, служившая не только военным, но и коммерческим целям; а в Энзели основана была русская колония, продолжавшая существовать до 1792 года.

По возвращении в Астрахань Войнович был вызван в Петербург. Его приняли там по наружности прекрасно, дали ему следующий чин и бриллиантовый перстень, однако же с поста сменили и отправили в Херсон. В следующем году он был назначен, впрочем, командиром линейного корабля «Слава Екатерины», а еще через три года – главным начальником Севастопольского флота и порта. В этом звании, произведенный в контр-адмиралы, он участвовал во второй турецкой войне и заслужил орден Святого Георгия 3-й степени. Но когда, по желанию светлейшего Потемкина, на место его начальником Черноморского флота назначен был знаменитый адмирал Ушаков, Войнович, обиженный, вышел и от-

ставку и удалился на родину. Впоследствии, при императоре Павле, он возвратился в Россию и дослужился до чина полного адмирала, но скоро вторично вышел в отставку и умер в неизвестности.

XIV. ГЕНЕРАЛ-АНШЕФ ТЕКЕЛЛИ

После отъезда с Кавказа генерала Потемкина, сохранившего за собой звание кавказского наместника, фактическим начальником кавказских войск остался генерал-аншеф Петр Абрамович Текелли. «Горбоносый, худой и длинный серб», – как описывает его один из русских исторических романистов²⁹. Это был опытный боевой генерал, один из лучших кавалеристов своего времени. Происходя от древнего сербского рода, он начал военную службу в Австрии, в рядах венгерских гусар, а в царствование императрицы Елизаветы Петровны в числе многих отличных сербских офицеров перешел в русскую армию при следующих обстоятельствах. Еще в XVII веке, во время войны императора Леопольда с турками, из Турции вышли в австрийские владения до шестидесяти тысяч сербов, которые не только помогли австрийцам освободить от турецкого ига многие венгерские и сербские города, но потом содействовали им и в деле усмирения буйных венгерцев. Отсюда начинается вековая непримиримая вражда венгров к славянам. Притесняемые мадьярами, сербы вынуждены были наконец искать для себя новое отечество и обратились к России. Полковник Хорват первый явился с целым гусарским полком, а вслед за ним стали переходить в русскую службу и другие отличные сербские офи-

---

²⁹ Г. П. Данилевский «Последние запорожцы».

церы, принимаемые тем с большим удовольствием, что помимо своей известной храбрости они могли быть в высшей степени полезны в турецких войнах как знанием местности, так и своими связями с единоземцами. Из них тогда же были образованы гусарские полки, которые и поселены в Заднепровье, в соседстве с Запорожским войском. К числу этих выходцев принадлежал и Текелли.

В семилетнюю войну Текелли заставил говорить о себе как о талантливом партизане, не раз являвшемся достойным соперником Лаудона, Цитена и Зейдлица; на этом поприще он и положил начало своей военной славе. Слава эта утвердилась за ним еще более в первую половину царствования императрицы Екатерины Великой, когда велись непрерывные войны с турками и поляками. Израненный в боях, он возвратился из этих походов в чине генерал-поручика и был украшен орденами Анны 1-й степени и Георгия на шею.

Но в истории России имя Текелли памятно более всего потому, что оно тесно связано с падением Сечи и с уничтожением Запорожского войска. Вот как рассказывает Данилевский об этом замечательном событии.

4 июня 1775 года, на Троицкую неделю, русский корпус венгерского выходца серба генерал-поручика Текелли вместе с Валашским и Венгерскими полками другого серба, генерал-майора Федора Чорбы, двинулся к днепровским порогам. Тут было пятьдесят полков конницы – пикинеров, гусар и донцов, и десять тысяч пехоты. Войско разделилось на от-

ряды и, без огласки занимая по пути главные села, с четырех сторон подошло к Сечи. Празднуя зеленые святки, запорожцы увидели неожиданных гостей только тогда, когда они стали уже на возвышенностях вокруг Коша.

— Что, дети, будем делать? — говорил кошевой Колнышевский, разглядев из окна передовые пикеты русской армии. — То, верно, царское войско пришло, чтобы звать нас опять на турок!

— Нет, батько, — отвечали вбежавшие с поля казаки, — русские не зовут нас на турок; их пушки нацелены горлами против Коша.

Текелли подошел к Запорожью ночью, и так как все часовые, по обыкновению, покоились безмятежным сном, то Орловский пехотный полк с эскадроном конницы прошел незаметно через все предместье и без выстрела занял Новосеченский ретраншемент. Наутро Текелли потребовал к себе кошевые власти и предъявил им указ императрицы об упразднении Запорожского войска.

Сечь зашумела. Более пылкие атаманы, ватажки и характерники хотели защищаться, несмотря на наведенные на них пушки, но другие, более рассудительные, мечтавшие о возрождении Сечи в другом месте и виде, уговаривали всех на время покориться. Голос благоразумия, поддержанный кошевыми властями вместе с духовенством, взял верх, и вольная Запорожская Сечь, гордая тем, что никогда никому не покорялась, пала без борьбы и сопротивления.

Текелли стал твердой ногой в занятой Сечи и начал вводить в ней новые порядки. Кошевой Колнышевский, писарь Глоба и некоторые куренные атаманы, как люди, опасные по своему влиянию среди казаков, были вывезены в Россию. Кошевой и писарь были пострижены в иноки, первый – в Соловецкий монастырь, а второй – в Белозерский, где и кончили дни свои в глубокой старости.

Но крутые меры, принимаемые по отношению к запорожцам, сделали, однако, то, что они, один за одним, тайно стали выбираться из Коша. Когда Текелли заметил это, в Сечи уже почти никого не оставалось.

– Где же ваше войско? – кричал Текелли, когда к нему привели какого-то седого сгорбленного деда.

– Как, пане, где? – ответил дед. – Оружие и прочее от нас отобрали, не стало и войска. Одни, кто женат, разбрелись по зимовникам, остальные сиромахи ушли, видно, до Турка.

Из тринадцати тысяч запорожцев, сидевших над Днепром, двенадцать тысяч действительно ушли за Дунай, в Туретчину. Мысль князя Потемкина переселить запорожцев в Россию не удалась: запорожцы выселились сами.

В Петербурге были не совсем довольны таким оборотом дела, но поправить его было уже невозможно, и князь Прозоровский, приехавший сменить Текелли, нашел на месте, где стояла Сечь, лишь степные могилы,

...что чернеют,

Словно горы в поле,
И лишь с ветром перелетным
Шепчутся о воле... —

по поэтическому выражению народного малороссийского поэта.

Прошло двенадцать лет, и мы видим Текелли на Кавказе уже генерал-аншефом. Потемкин только что уехал в Россию; войска, участвовавшие с ним и походе, не были, однако, распущены, и Текелли решился воспользоваться прекрасной осенью, чтобы еще раз сходить за Кубань и страхом разгрома черкесских жилищ обеспечить себе мирные зимовые кварталы.

13 октября 1787 года двенадцать тысяч русского войска перешли Кубань и в несколько дней истребили все неприязненное население, гнездившееся между рекой Лабой и Снеговыми горами. В то же время донской атаман Иловайский опустошил пространство между Лабой и Кубанью, а кабардинцы, предводимые своим соплеменником бригадиром Горичем³⁰, привели, в покорность абадзинов, бесленеевцев, башильбаев и кипчакских татар. Пятьсот человек кабардин-

---

³⁰ Два брата Горича, кабардинцы по происхождению, долго служили в России. Старший был бригадиром, а младший — генерал-майором польской службы. Последний командовал одно время Терским казачьим войском, а старший предводительствовал кабардинцами в походе Текелли. Позже он был убит под Очаковом.

ских панцирников прошли горами даже до Суджук-Кале и, рассеяв там турецкий отряд, отбили две медные пушки, которые в качестве трофеев и привезены были в Георгиевск, ставший со времени Текелли резиденцией главных начальников края. Во время этой же экспедиции кабардинцами было освобождено более ста человек русских пленных и взято тридцать черкесских аманатов, которых Текелли немедленно отправил в лагерь светлейшего князя Потемкина, давно желавшего видеть среди своей свиты воинственных представителей кавказских народов.

В походе Текелли кабардинцы в первый раз являются в рядах русских войск, и этот первый опыт увенчался, казалось, полным успехом. Их подвиги были замечены, про них заговорили, особенно после того, как стало известно, что кабардинцы, оставшиеся дома, помогали охранять терские станицы и даже раз под предводительством Горича-младшего напали на чеченцев, возвращавшихся из набега, и отбили у них весь русский полон. Один Текелли, суровый и всегда осмотрительный, не спешил расточать похвалы кабардинцам – он не доверял их бескорыстной службе. И он не ошибся. Едва кабардинцам объявили отказ на их домогательства получить обратно земли, отошедшие под русские укрепления, как ревность их охладела, и в следующем году они не только не приняли участие в походе Текелли, но в продолжение его даже несколько раз тревожили линию набегами.

Турецкая война между тем разгоралась. Получены были

известия, что турки хотят овладеть Тавридой, и князь Григорий Александрович Потемкин, озабоченный этим обстоятельством, предписал Текелли как можно скорее начать военные действия против Суджук-Кале или Анапы.

Разлив Кубани не допустил, однако, открыть кампанию ранее осени 1788 года. Летом небольшие летучие отряды русских войск время от времени появлялись на левой стороне Кубани и производили там поиски. Самый удачный из них был в середине августа, когда бригадир Берхман с небольшим отрядом истребил несколько аулов в земле абадзинов, сжег их хлеба и возвратился с большой добычей. Но главные силы под предводительством Текелли перешли Кубань только 19 сентября несколько ниже теперешней Усть-Лабинской крепости, где был тогда Петровский редут. Неприятель всюду отступал, и только 21 сентября произошло довольно серьезное столкновение, в котором был убит казачий полковник Барабанщиков. Между тем густой дым сигнальных костров, поднимавшихся кругом по вершинам гор, указывал на близкое присутствие горцев. Поэтому Текелли отправил небольшой отряд под командой подполковника Мансурова для рекогносцировки верховий реки Убына. Но едва отряд отошел на один переход, как 26 сентября был атакован восьмьютысячным скопищем горцев. Бешеная атака их заставила отряд остановиться; к горцам между тем подошли турецкие войска с восьмью орудиями, и отряд очутился между двух огней. Мансуров, построив пехоту в каре, пять часов отби-

вался от неприятеля, в то время как на флангах у него кипели горячие кавалерийские схватки. Замечательно, между прочим, то обстоятельство, что терскими и гребенскими казаками в этом бою предводительствовал отважный подполковник Селим-Гирей, родной племянник последнего крымского хана, а турецкой конницей командовал отец Селима, Батый-Гирей, некогда мечтавший овладеть крымским престолом, и им не раз приходилось сходиться в рукопашных схватках. Сын остался победителем и вынудил своего отца покинуть поле сражения; черкесы были разбиты, и гребенцы с боя взяли неприятельское знамя. Вечером на помощь к Мансурову подошел князь Ратиев, а вслед за ним стали показываться и главные русские силы. Появление их окончательно решило участь боя: неприятель отступил, потеряв, как говорят, более тысячи человек. Потери русского отряда были также значительны: из строя выбыло до двухсот пятидесяти нижних чинов.

После этого сражения Текелли вошел в неприступные горные ущелья и, произведя страшное опустошение в жилищах закубанских народов, повернул к Анапе с целью сделать попытку овладеть этой важной крепостью.

14 октября два батальона егерей, поддерживаемые драгунской бригадой и Волжским казачьим полком под командой полковника Германа произвели усиленную рекогносцировку. Заметив приближение наших войск, турки притаились за крепостными стенами, но, лишь только драгунские

эскадроны, далеко опередившие пехоту, подошли на пушечный выстрел, они открыли огонь изо всех орудий. В ту же минуту турецкая пехота, высыпавшая на вал, выставила множество знамен и бунчуков. То был как бы условный сигнал, по которому горцы, скрывавшиеся дотоле в лесистых ущельях, вдруг выдвинули против русских одиннадцать орудий и под прикрытием жестокого артиллерийского огня бросились в атаку. Янычары, в свою очередь, вышли из крепостных ворот, чтобы отрезать драгунам отступление. Положение русской конницы было отчаянное. К счастью, в эту минуту подоспели два батальона пехоты, которые приняли драгун на себя и дали им возможность отступить в порядке. Пехоте одной пришлось теперь оспаривать сражение у всей черкесской силы. Сражение завязалось упорное, особенно в деревне Кучугуры, откуда никакие силы янычар и горцев не могли выбить русских егерей, засевших между кустами и камнями. Им приходилось умирать на месте, не помышляя об отступлении, и они, конечно, были бы подавлены сильнейшим врагом, если бы не подоспел на выручку отряд под предводительством генерал-майора Ратиева. Неожидавшее появление свежей русской колонны заставило неприятеля очистить дорогу егерям, которые, отстреливаясь, отошли на гору, под прикрытием артиллерийского огня авангарда. Между тем смерклось, и наступившая ночь прекратила сражение, продолжавшееся более семи часов сряду.

Число турок и горцев, защищавших Анапу, оказалось зна-

чительным, и Текелли, понимавший трудность овладения Анапой при господстве турецкого флота на Черном море, отошел за Кубань.

Двухмесячный поход Текелли к Анапе был первым продолжительным серьезным наступательным действием русских в неприятельские земли. Наступление было ведено с большой осмотрительностью, и генерал Текелли, человек очевидно опытный, предусмотрительный, не увлекавшийся желанием громких дел, довольствовался только достижением главной цели – обезопасить русские границы от покушений турок. И цель эта была вполне достигнута. В то же время были исследованы все дороги, ведущие к важной приморской турецкой крепости, собраны сведения о местном населении, о его силе, об отношениях племен друг к другу, и записка Текелли, поданная Потемкину, не лишена интереса даже и поныне.

Окончив экспедицию, Текелли, к общему сожалению, вышел в отставку и в том же 1788 году умер. Прибывший на место его генерал-аншеф граф Иван Петрович Салтыков оставался на линии лишь несколько месяцев и был отозван на пост главнокомандующего финляндской армией.

XV. БЕДСТВЕННЫЙ ПОХОД БИБИКОВА НА АНАПУ

В истории Кавказских войн прошлого столетия совершенно особенное место занимает случайный, стоящий вне общей системы действий, бедственный поход Бибикова на Анапу.

Когда граф Салтыков, назначенный, по случаю начавшейся тогда шведской войны, главнокомандующим армией в Финляндии, уехал с Кавказа и край остался опять под номинальным управлением отсутствующего графа Потемкина, кавказские войска, состоявшие из двух корпусов, Кубанского и Кавказского, некоторое время оставались без общего начальника, какими были Текелли и Салтыков. Этими исключительными обстоятельствами воспользовался один из частных начальников, командир Кавказского корпуса генерал-поручик Юрий Богданович Бибиков; он поспешил стать во главе военных действий на линии, чтобы отважным предприятием успеть выдвинуться до назначения нового начальника, при котором ему пришлось бы довольствоваться скромной второстепенной ролью. Предшествовавшая деятельность Бибикова не обещала, однако же, блестящих результатов от его стремления к славе; он был обязан своим возвышением единственно покровительству графа Панина, при котором находился во время Пугачевского бунта, и

во всяком случае не принадлежал к славной плеяде екатерининских генералов, из которой вышла большая часть тогдашних боевых кавказских деятелей.

Целью своего отважного предприятия Бибииков избрал Анапу, очевидно односторонне понимая важность ее значения и не постигая глубоких соображений, заставивших Текелли на время отказаться от завладения ею.

Анапа действительно играла очень большую роль в русско-турецких делах, служа важнейшим пунктом для сношений турок с магометанскими горцами. Ее твердыни высились верстах в тридцати от устьев Кубани, на мысе, омываемом с двух сторон волнами Черного моря. От валов крепости вплоть до подножия Кавказских гор расстилалась обширная равнина, когда-то вся изрезанная колесными дорогами и тропинками, по которым ездили татарские арбы с сельскими продуктами из горных аулов; по тем путям иной раз двигались и целые обозы с ясырями и молодыми девушками, которых горцы доставляли сюда на продажу туркам. С давних времен, когда еще не было Анапы, плодородие этой равнины привлекало сюда массу выходцев из гор для посевов гоми (род мелкого проса), а к мысу, на котором впоследствии поставлена крепость, приставали в голодные годы черкесские кочермы для сбора добровольных приношений хлебов в пользу бедных приморских жителей горной полосы этого края.

Когда Крым был присоединен к России и ногайские пле-

мена, кочевавшие по Кубани, выселены, турки, прежде легко сносившиеся с горцами из Крыма через Таманский полуостров, теперь могли рассчитывать только на Черное море и старались укрепиться на его побережье вблизи Кавказских гор. Именно с этой целью они и затеяли построить крепость в земле натхокаджей. Местность, выбранная ими, принадлежала, собственно говоря, небольшому черкесскому племени хегайк, но племя это было истреблено чумой, потеряло свою самобытность и слилось с натхокаджами. Старейшины родов натхокаджийского племени не особенно благоприятствовали намерениям турок и долго не решались дать согласие на постройку крепости; однако же, задобренные подарками и обольщенные обещанием выгод от торговли ясырями, они один за другим мало-помалу стали склоняться на сторону турок. И только один старейшина, из сильного рода Супако, впоследствии прозванный Калечатом, не сдавался ни на какие обещания и упорно противился сооружению крепости на земле своего племени. Он возвышал голос в народных совещаниях, предостерегая соотечичей. «Турция, – говорил он, – не то, что мы. Турция – государство. Она может вести войну с другим государством. По жребию войны крепость может перейти во власть государства более победоносного, а тогда и вся земля, на которой будет стоять завоеванная крепость, законно перейдет в обладание того же государства». Но обаяние турецких подарков было так сильно, что голос одного, при согласии всех, был гласом вопиющего в пустыне: кре-

пость была воздвигнута и названа Анапой. Достоинство внимания, что нога Калевата в течение всей его жизни ни разу не была в Анапе. А пока ненавистная ему крепость строилась, он нападал на нее со своими людьми и не раз повреждал и даже совсем прекращал работы, откуда и получил название Калеват, что значит «разоритель крепости».

Самое слово «анапа» происходит от двух татарских слов: «ана» – мать и «пай» – часть, доля. В первое время существования крепости ее иначе и не называли, как Анапай – «материнская часть» или «материнская доля». Происхождение этого названия объясняют обыкновенно тем, что турки, стараясь облегчить участь своих единоверцев, изгнанных из Крыма, отвели им место по Кубани именно под защитой этой крепости; в свое время татары высоко ценили такое покровительство и выразили свою признательность в самом названии Анапы, которая, как заботливая мать, приютила у себя несчастных изгнанников.

С самого начала Анапа (по-черкесски Бугур-Кале – от имени реки, при устье которой она построена) представляла собой редут, окруженный только земляным валом, но в 1781 году французские инженеры построили здесь первую классную крепость, которая фирманом турецкого султана была названа «ключом азиатских берегов Черного моря» и с этих пор становится центром религиозной пропаганды между черкесскими племенами.

Утвердившись в земле натхокаджей, турки владели, од-

нако же, только тем клочком земли, на котором стояла крепость. Окрестные же места были совершенно от них независимы, и потому крепость постоянно должна была принимать все меры военных предосторожностей, чтобы в один прекрасный день не быть захваченной врасплох своими же друзьями.

Вообще отношения горцев и турок между собой в Анапе поддерживались только торговыми интересами и в особенности торгов красавых невольниц, но против России они всегда естественно являлись верными союзниками. Захватить Анапу значило нанести удар как торговым интересам горцев, так и влиянию на них мусульманской Турции.

Бибилов понимал, какая важная заслуга для России была бы в прочном завладении Анапой, и, спеша до назначения нового начальника связать свое имя с этим подвигом, отважился идти за Кубань с одним своим Кавказским корпусом, налегке, без обозов, рассчитывая довольствоваться войска реквизициями.

Решение идти под Анапу и последующие иногда весьма энергичные действия доказывают, что Бибилов был человек предприимчивый и смелый, но что в то же время это был человек несомненно легкомысленный. Он совсем не позаботился ознакомиться даже с характером страны, в которой ему приходилось действовать и которая имела много особенностей, вовсе не принятых им во внимание. В этой стране не было, конечно, заоблачных гор и грозных ущелий с

едва проходимыми среди утесов тропами, не было и крепких аулов с каменными башнями, представляющими собой готовые крепости. Но зато здесь на каждом шагу встречались горные речки, вздымавшиеся при таянии снегов и затоплявшие окрестности на многие версты, превращая их в непролазные топи; здесь были дремучие леса с проложенными в них узкими дорожками, пересекавшимися по всем направлениям глубокими и топкими канавами; здесь обитало густое воинственное население лучших наездников, владевшее огромными табунами отличных лошадей. Это население могло окружить неприятеля тучами всадников, следить за каждым его шагом и расстраивать все его предприятия. «Та местность, – говорит один писатель, – такая, что бой вспыхнет на поляне, а кончится в лесу и овраге; тот неприятель таков, что, если хочет биться, трудно против него стоять, а если не хочет, трудно его настигнуть».

Время для похода выбрано было Бибиковым самое неудобное. Войска стали собираться в январе 1789 года, когда глубокие снега лежали на равнинах и не было нигде подножного корма. Кубань перешли еще по льду, но лед уже был не крепок, и в воздухе ощущалась близость весны, вместе с которой должны были начаться для отряда неминуемые бедствия.

Первые дни похода прошли довольно спокойно. Встречались только слабые аулы кабардинцев, которые не могли оказать сопротивления. Но чем дальше продвигался отряд, тем

сопротивление неприятеля становилось упорнее. На зов известного Шейх-Мансура, скрывавшегося тогда за Кубанью, стали стекаться большие партии горцев, вскоре явилась поддержка от турок, и 15 февраля гром русских пушек впервые огласил пустынные и дикие места, в которых никогда еще не были русские. Черкесы были разбиты, но зато с этих пор начались ежедневные нападения на отряд. А между тем наступила весна, и препятствия, чинимые природой, с каждым днем становились непреодолимее. Войска то целый день брели по колено в студеной воде, которая образовывалась почти моментально от действия весеннего солнца, то вынуждены были останавливаться вследствие горных метелей и выюг, бушевавших по нескольку дней сряду. То сильная оттепель превращала ручьи в бурные реки, и приходилось везде строить мосты, то сильнейший мороз и гололедица препятствовали кавалерии сдвинуться с места. Там раскапывали дорогу среди высоких снеговых сугробов, здесь настилали гать, чтобы перебраться через затопленные водой луга, или взбирались на голые скалы, куда на канатах поднимали за собой повозки и орудия. Дров не было, сухари на исходе, а лошадей давно уже кормили старыми рублеными рогожами.

Черкесы, зная о бедственном положении русского отряда, решились преградить ему путь в одном из тесных горных проходов. К счастью, они опоздали. Первая колонна прошла благополучно, и только уже вторая, генерала Булгакова, наткнулась на завал и очутилась под перекрестным огнем ту-

рецких орудий. Но генерал Булгаков (впоследствии начальник Кавказской линии) был из числа тех людей, которых мужество возрастает по мере опасности. Увидев, что в его положении нет другого выхода, кроме победы, он кинулся вперед и, овладев батареей, проложил дорогу штыками.

После этого случая многие стали советовать Бибикову вернуться. Но ослепленный случайной удачей, он двигался вперед и вперед к восточному берегу Черного моря, где стояла Анапа – предмет его тайных надежд и смелых замыслов. Черкесы между тем продолжали упорные битвы: в каждой долине происходил конный бой, из-за каждого куста, оврага и перелеска русских осыпали пулями, каждую высоту приходилось очищать штыками. Солдаты сражались с беспримерным мужеством. Смело можно сказать, что в этом необычайном походе каждый рядовой заслужил звание героя. Но, побеждая неприятеля, войска не могли победить другого противника – голод: сухарей давно уже не было, и люди питались кореньями и сырой кониной.

Наконец 21 марта, после сорокадвухдневного марша, проведенного среди борьбы и лишений, в самый канун Светлого Христова воскресенья, русские вышли из гор в долину, расстилавшуюся до самых стен Анапы. Несмотря на усталость, ночь проведена была в молитве: в полках служили заутрени, и радостный гимн «Христос воскрес» торжественно звучал под чужим, мрачным и покрытым свинцовыми тучами небом. К утру погода переменилась: снег повалил хлопьями,

закрутила вьюга и ударил такой мороз, что в лагере замерзло до двух сотен лошадей. Между тем с первым проблеском дня войска построились в колонны и в торжественном молчании двинулись к крепости. Сорокатысячный гарнизон высыпал на валы, запестревшие множеством знамен и бунчуков, десятки турецких орудий открыли огонь, и около колонн запрыгали гранаты и ядра.

Солдаты бодро продвигались вперед; в их рядах, по рассказу очевидца, слышались даже остроты насчет того, что-де турки хоть и басурмане, а вот христосуются с нами калеными ядрами. Но вот барабаны вдруг загревели отбой, войска остановились и на расстоянии пушечного выстрела от крепости разбили свой лагерь. В это самое время турки, в виду целого отряда, спустили с крепостной стены какого-то всадника на белой лошади. Ему, как оказалось впоследствии, поручено было проскакать мимо нашего лагеря и уведомить горцев, в какой именно час и с какой стороны они должны напасть на русских одновременно с турками.

Угадывая это намерение, русские употребили все средства, чтобы захватить всадника: за ним гнались по пятам, пересекали ему дорогу, метали в него дротиками, стреляли из ружей и пистолетов.

Но он, словно заколдованный, успел вырваться из круга обступавших его казаков и скрылся в горах. Теперь нужно было ожидать ежеминутного нападения.

И действительно, на следующий день полторы тысячи

турок, выйдя из крепости, бешено атаковали русский лагерь. Гром пушечных выстрелов, далеко отозвавшихся в горах, послужил сигналом, по которому горцы в бесчисленном множестве кинулись с тыла. Поставленные между двумя противниками, русские бились лицом на две стороны. «И, надо сказать правду, – говорит участник этого боя, – непостижимо, как они уцелели, и не только уцелели, а еще остались победителями!» Особенно отличился при этом поручик Мейнц, в глазах всего отряда с одним эскадроном врубавшийся в массы турецкой кавалерии. И турки и черкесы вынуждены были наконец отступить. Казаки преследовали их по пятам, и шесть тысяч вражеских тел устлали поле сражения.

Но радостный день победы грустно окончился для самих победителей. Ослепленный блеском удачи, Бибииков не хотел довольствоваться уже пожатыми лаврами и отдал приказание идти немедленно на приступ Анапы. Солдаты смешались с толпами бегущих и быстро достигли крепости. Но турки, не заботясь о своих беглецах, заперли ворота и встретили русских убийственным ружейным огнем. Будь у русских лестницы, Анапа, вероятно, была бы взята. Но лестниц не оказалось! Ночь между тем опускалась на землю, и русские, жестоко пораженные картечью, стали отступать, оставя на поле до шестисот человек убитыми.

Но этим бедствие еще не кончилось. Черкесы, наблюдавшие издали, что произойдет под Анапой, как только увиде-

ли, что русские отступают, вихрем понеслись на отряд и ударили в шашки. Мрак ночи увеличивал общее смятение, и трудно сказать, что случилось бы с расстроенным русским войском, если бы спасение его не приняли на себя два храбрых майора, Веревкин и Офросимов. Жертвуя собой, первый из них с двумя батальонами пехоты, а второй с батареей бросились навстречу черкесам и, заслонив отряд своей грудью, дали ему время кое-как дотянуться до лагеря.

За днем кровопролитного сражения наступила бурная ночь. С одной стороны русского лагеря бушевало море, с другой – шум, свист и вой ветра в лесах и горных ущельях. Страшная гроза усугубляла ужас ночи. Но турки, со своей стороны, боялись не грозы, а нового приступа, и всю ночь простояли на валах, стреляя время от времени из пушек.

Три дня провели русские под стенами Анапы. Наконец Бибикив собрал военный совет, на котором большинство голосов высказалось за отступление, так как голод и недостаток в боевых припасах не позволяли думать о новом приступе. Лишь только отдан был приказ отступать и войска стали сниматься с позиции, в лагерь явился какой-то турецкий невольник и поднес Бибикиву пшеничный хлеб, сказав, что паша посылает этот хлеб главнокомандующему, чтобы тот не умер с голода в дороге. И эту дерзкую выходку пришлось оставить без внимания.

Отступление сопровождалось еще большими бедствиями. Чтобы достичь Кубани, была избрана кратчайшая дорога, по

которой вел Текелли. Но здесь надо было переходить густой лес, а за ним непроходимую, узкую и глубокую речку, через которую только в одном пункте был перекинут небольшой мост. И счастье, что Бибилов успел захватить этот мост прежде, чем подошли к нему горцы, намеревавшиеся в этом пункте отрезать отступление. Едва последние ряды солдат перешли речку, показались горцы и турки. Уничтожить мост уже не было времени, и Бибилову оставалось только задержать неприятеля артиллерийским огнем. Началась настоящая бойня. Целый час шестнадцать орудий вперекрест били картечью по мосту, и целый час черкесы и турки, как бешеные, ломились на мост, заваливая его своими трупами. Только громадные потери заставили наконец упрямого неприятеля отказаться от нападения. Мост был сожжен, и отряд, положив между собой и горами неодолимую преграду, стал отступать спокойнее. Теперь ему предстояла главным образом борьба с природой, но и эта борьба была такова, что о ней с трепетом помышляли самые бесстрашные воины.

Весна в этом году стояла ранняя и дружная; горные ручьи превратились в бурные реки; овраги и доли наполнились водой. Везде была невылазная грязь, мокроть, и люди не пытались даже сушить свое платье. В одном месте войскам пришлось сделать переход в четырнадцать верст в воде по самое горло; солдаты коченели от холода, некоторые теряли сознание, падали и погибали, прежде чем им успевали подать какую-нибудь помощь. Бибилов тогда напал на мысль пере-

менить направление, перейдя на другую, хотя окружную, но более сухую горную дорогу. Но против этого восстали все офицеры, говоря, что солдаты, изнуренные голодом, не вынесут этого пути и сделаются жертвой черкесов. Более всех противился перемене дороги известный Офросимов – у него не осталось и по пяти зарядов на оружие. Бибиков арестовал Офросимова и даже приковал его к пушке. Тогда взбунтовались солдаты: они легли на землю и кричали: «Пусть будет, что угодно Богу и матушке царице, а дальше мы идти не можем». Собрался новый военный совет, и Бибиков вынужден был наконец подчиниться общему решению. Офросимова освободили, и войска двинулись опять к высокому нагорному берегу Кубани, который уже маячил в синеве далекого туманного горизонта. Но отряду пришлось и тут испытать горькое разочарование: глубокая и быстрая река, разлившись на необозримое пространство, бешено катила пенящиеся волны, ворочая громадные камни и унося, как щепы, вырванные с корнями дубы и чинары, – и переправы не было.

Между тем горцы опять настигли отряд, и опять начались ежедневные схватки, не всегда успешные для русских. Так, в одной из них Уральский полк потерял всех своих лошадей и очутился пешим. Положение отряда, прижатого к Кубани, было безвыходное, но все же отбиваться от горцев легче было стоя на месте, нежели в походе, что неизбежно случилось бы, если бы отряд пошел по пути, выбранному Бибиковым. К

счастью, дух в полках сохранился превосходный. Минутное неудовольствие людей не оставило по себе заметного следа; солдаты опять были теми же бодрыми, храбрыми и терпеливыми солдатами, готовыми сто раз пожертвовать своей жизнью, чтобы спасти честь русского знамени и своего начальника. Днем они сражались, ночью с чисто русской сметкой мастерили летучие паромы из камыша, в котором, к счастью, недостатка не было. Скоро паромы были готовы, и на этих-то утлых плотках отряд совершил свою невероятную переправу. Правда, некоторые из этих плотов опрокинулись, и люди, бывшие на них, потонули, некоторые унесены были быстрой течения в Черное море, но большинство добралось-таки до русского берега. Орудия спасены были все, и отряд не оставил в руках неприятеля ни одного трофея.

Так кончился этот поход, не без основания сравниваемый одним из современников с походом Кортеса в Мексику.

Общую потерю бибиковского отряда показывают различно. По официальным донесениям, она не превышала тысячи ста человек, но по другим известиям, из всего восьмитысячного войска вернулись только три тысячи на ногах и тысяча совершенно больных, причем из последних большая часть умерла.

Слух о бедственном положении Бибикова за Кубанью дошел до светлейшего князя Потемкина, и командиру Кубанского корпуса генерал-лейтенанту барону Розену приказано было поспешно идти за Кубань, чтобы разыскать отряд и по-

мочь ему выйти на линию. Розен, однако, встретил Бибикова уже на правом берегу вне всякой опасности. Из его донесения Потемкину видно, что он нашел Кавказский корпус в совершенном расстройстве. «Офицеры и нижние чины, — писал он, — находятся в таком жалком виде, который выше всякого выражения; все они опухли от голода и истомлены маршами, стужей и непогодой, от которых не имели никакого укрытия. Солдаты и офицеры лишились в этом походе всего своего имущества и остались в рубищах, босые, без рубах и даже без нижнего белья, которое погнило на людях».

Скоро узнала подробно о походе и императрица.

«Экспедиция Бибикова, — писала она князю Потемкину, — для меня весьма странна и ни на что не похожа; я думаю, что он с ума сошел, держа людей сорок дней в воде, почти и без хлеба; удивительно, как единый остался жив. Я почитаю, что не много с ним возвратилось; дай знать, сколько пропало — о чем я весьма тужу. Если войска взбунтовались, то сему дивиться нельзя, а более надо дивиться сорокадневному их терпению. Сие дело несколько схоже с Тотлебеновым и Сухотиным в прошедшую войну».

Назначено было и формальное следствие. Бибиков сен-тенцией военного суда был отставлен от службы, но отряд, отличившийся мужеством в битвах и перенесением тяжких трудов и лишений в походе, награжден был особенной серебряной медалью на голубой ленте с надписью «За верность».

XVI. НАШЕСТВИЕ БАТАЛ-ПАШИ (Генерал Герман)

Вторая турецкая война (1787–1792), во время которой Турция еще живо чувствовала потерю Крыма, естественно, не могла не поставить вопрос об обратном его завоевании. При неудачах на Дунае Турции представлялось единственно возможным действовать для этой цели только с Черного моря да с кавказских его побережий, а таким образом устье Кубани и крепость Анапа силой самих обстоятельств выдвигаются в тот момент Кавказской войны опять на первый план. К несчастью, выполнение мысли турок о нападении на Крым совпало с неудачной экспедицией Бибикова, которая поставила весь Кавказский корпус, расстроенный большими потерями, в решительную невозможность мешать приготовлениям турок в течение всего 1789 года. Между тем Батал-паша, назначенный сераскиром над всеми войсками для покорения Тавриды, деятельно готовился к открытию кампании. Турецкие десанты давно уже высадились на берега Черного моря: пятитысячные гарнизоны занимали Суджук и Анапу, сильный отряд при восьми орудиях расположился на левом берегу Кубани около устья реки Зеленчук, где были развалины старого турецкого окопа Аджи-Кале. И все кавказские народы призывались к единодушному ополчению против России.

В то же самое время сильный турецкий флот с десантными войсками приближался к берегу Тавриды, и Крыму угрожала серьезная опасность быть атакованным с моря и с суши. Но истребление турецких кораблей эскадрой контр-адмирала Ушакова в Еникольском проливе дало иной оборот кампании — экспедиция в Тавриду расстроилась. Не имея возможности проникнуть туда сухим путем без содействия флота, Батал-паша решил обратиться к своему оружию на Кавказскую линию, рассчитывая, что не трудно будет разбить остатки Кавказского корпуса, уцелевшие от экспедиции Бибикова, и затем, ворвавшись через южную границу в Россию, привлечь снова к оттоманским бунчукам счастье, оставившее их на придунайских равнинах.

Замыслы у Батал-паши были обширные. Он полагал, что при первых успехах его на Кавказской линии легко будет поднять всех мусульман, живущих под скипетром Русской империи, и что при этих условиях ему возможно будет отторгнуть от России древние татарские царства или, по крайней мере, распространить мятеж по Волге и Уралу до самой Сибири.

Дела принимали серьезный оборот, а тут случилось, что назначенный на место графа Салтыкова новый командующий войсками на линии генерал-аншеф де Бальмен прибыл в Георгиевск больным, слег в постель и не мог сам предводительствовать войсками. Обстоятельство это могло ослабить в действиях кавказских войск необходимое единство распоря-

жений. И действительно, как мы увидим, вся тяжесть борьбы с Батал-пашой пала не на весь Кавказский корпус, а на один отряд генерала Германа, которому и принадлежит вся слава баталпашинского погрома.

Генерал-майор Герман, собственно Герман фон Ферзен, был родом саксонец, но носил русское имя Иван Иванович и по своему уму, привычкам и образу жизни был чисто русский человек. Как выдающийся по своим способностям офицер, он еще подпоручиком был назначен в Генеральный штаб, и после первой турецкой войны, давшей ему случай отличиться, на него возложены были важные по тому времени поручения – составить карты и военные обозрения русских границ с Польшей, с Финляндией и с Персией, а также по Уралу и Дону. В чине подполковника перейдя в Кабардинский полк, отправлявшийся тогда на Кавказ, он является руководителем постройки Георгиевска и других редутов и крепостей по Моздокско-Азовской линии. Впоследствии он командовал на линии же Владимирским полком, а затем бригадой. Четырнадцать лет, проведенных Германом на Кавказе, представляют собой ряд непрерывных экспедиций, походов и дел с неприятелем; можно поистине сказать, что все это время он не выходил из огня, избираемый всегда для выполнения самых важных боевых операций, и его отвага вошла в поговорку между солдатами. За экспедицию Текелли в Анапу он был произведен в генералы и назначен командиром бригады, расположенной в Георгиевске и состоявшей из

трех полков: Кабардинского, Владимирского и Казанского. В этом-то звании и застало его нашествие Батал-паши.

Весь Кавказский корпус, наскоро укомплектованный чем только было возможно, двинулся к Кубани навстречу врагу тремя отдельными отрядами. Один из них, под начальством генерала Булгакова, стал между Кубанью и рекой Кумой; другой, бригадира Беервица, – у Прочного окопа, а третий, именно генерала Германа, расположился на самой Куме, при Песчаном бросе, верстах в шестидесяти от Георгиевской крепости.

22 сентября, как рассказывает Герман в своих записках, он возвратился из Георгиевска, куда ездил повидаться с умирающим графом де Бальменом. В лагере он застал всех в большой тревоге. Рассказывали, что Батал-паша, сосредоточив под свои знамена до пятидесяти тысяч турок и горцев при тридцати орудиях, перешел Лабу и стоит уже на Урупе. Это известие привез один из абазинских князей, родственник подполковника Мансурова; он сам видел Батал-пашу и разговаривал со многими горскими князьями, съехавшими в турецкий стан, чтобы участвовать в походе на русскую линию. Из собранных им в турецком лагере сведений можно было заключить, что Батал-паша намерен идти в Кабарду и рассчитывает на тайную помощь персидского шаха, который в то время стоял с войсками на Сунже и только ждал благоприятной минуты вмешаться в русско-турецкую распрю.

Чтобы лучше следить за неприятелем, Герман в тот же

день оставил Песчаный брод и в два дневных перехода передвинулся к берегам Кубани. Все татарские аулы, встречавшиеся на пути, были пусты, и это могло служить зловещим признаком: неизвестно было, передались ли жители неприятелю или ушли к русским.

Сильные разъезды, высланные из отряда, ходили вверх и вниз по Кубани, но нигде ничего подозрительного не видели. Ночь прошла спокойно, а 24-го числа Герман, сделав еще рекогносцировку окрестностей, стал на крепкой и возвышенной позиции у Кубанского редута. Здесь в первый раз услышаны были далеко за рекой неприятельские сигнальные выстрелы из больших орудий. Русские разъезды ходили за Кубань до Зеленчука, но далее проникнуть не могли, потому что везде встречали сильные неприятельские партии. Они видели большую пыль в долине между Большим и Малым Зеленчуком и дым сигнальных костров, яркими звездами светившихся по вершинам гор. Очевидно было, что неприятель приближается. Герман приказал трем отборным казакам пробраться ночью к турецкому лагерю и разведать насколько возможно о силах неприятеля. Казаки вернулись на свету и объявили, что главная турецкая армия стоит верстах в двадцати пяти за Малым Зеленчуком, но что передовые отряды ее перекинуты за Каменные горы и стерегут ущелья, обеспечивая открытый путь к Кубани. Как в этот, так и на следующий день в лагере происходили непрерывные тревоги: неприятельские конные отряды неоднократно подходи-

ли к русскому лагерю верст на десять, останавливались, делали рекогносцировки и уходили. Опасаясь, чтобы неприятель не переправился ниже, у Каменного брода, и не отрезал отступления к Георгиевску, Герман отодвинулся верст на пятнадцать назад и стал на реке Подпаклее. На соединение с ним скоро подошла колонна Беервица. Таким образом, боевая сила отряда возросла до трех тысяч шестисот человек пехоты и конницы при шести полевых орудиях, и это было все, что русские могли противопоставить пятидесятитысячному полчищу. Отряд Булгакова находился верстах в восьмидесяти у Прочного окопа, а весь Кубанский корпус сосредоточен был на Лабее и, как оказалось впоследствии, не имел даже сведений о нашествии неприятеля.

28 сентября утром разъезды прискакали с известием, что все неприятельские силы двинулись от Зеленчука к Кубани. В полдень турки переправились на русский берег реки и, остановившись у Каменного брода, стали укреплять позицию. Между тем Тахтамышские горы, через которые лежал их путь в Кабарду, остались почему-то не занятыми ими. Все эти обстоятельства дали повод генералу Герману предположить: 1) что силы Батал-паши не все находятся в сборе – иначе он не преминул бы атаковать наш слабый отряд не останавливаясь; 2) что, укрепляя брод, он готовит себе свободный путь к отступлению – следовательно, трусит, и 3) что Тахтамышские высоты, оставленные им без внимания, свидетельствуют о том, что он или совсем не понимает своего

ремесла, или слишком самонадеянно рассчитывает на свои силы.

Эти соображения дали генералу Герману решимость самому предупредить неприятеля в Тахтамышских горах и удержать их за собой до прибытия Булгакова, которому еще накануне сообщены были подробные сведения о движении неприятеля. Герман выступил в десять часов вечера. Но темная осенняя ночь, ненастье и отсутствие опытных проводников испортили дело: отряд, по-видимому хорошо знакомый с местностью, на которой он только что перед этим стоял лагерем около месяца, сбился с дороги и только под утро выбрался наконец к Подпаклее. Продолжать движение днем было немыслимо, и отряд остановился верстах в десяти от турецкого лагеря.

Неприятель весь день занимался укреплением своей позиции и не трогался с места. Вечером замечено было, однако, некоторое движение по дорогам, ведущим на Белую Мечеть, но разгадать, в чем заключались намерения неприятеля, было трудно. Двигаясь по этой дороге, он мог идти в Кабарду, оставив на Куме сильный пост для наблюдения за русскими, мог атаковать Георгиевскую крепость и мог, наконец, окружить русский отряд, отрезав ему все пути к отступлению. Во всяком случае, генерал Герман видел, что если Батал-паша успеет захватить в свои руки верховья Кумы и утвердиться у Белой Мечети, то соединение его с кабардинцами будет обеспечено – и для Кавказской линии могут возникнуть се-

рьезные опасности.

Наступила ночь. Ожидая нападения, отряд не ложился спать; разъезды ходили по всем направлениям, а кругом лагеря в траве лежали пехотные секреты. Шум неприятельского движения был слышен до самой зари и как бы указывал, что времени терять нельзя. Белая Мечеть, этот узел дорог, расходящихся оттуда в Кабарду и Георгиевск, лежала от турецкого лагеря только на один переход. «Положение, – говорит сам Герман, – в котором я находился, не могло продолжаться долго. Все приготовлено было к какому-нибудь важному приключению на этой границе, и все возвещало мне о его приближении».

Сравнивая свой малочисленный отряд с теми силами, которые, по слухам, составляли войска Батал-паши, Герман видел ясно, что одна быстрота может доставить ему победу, и положил немедленно ударить по туркам. Стало светать. «Я собрал, – рассказывает Герман, – своих сотоварищей и, объяснив им наше критическое положение, сказал, что я не могу ожидать прибытия Булгакова, а должен атаковать неприятеля немедленно, и что если я дам свободу Батал-паше еще на один только день, то потеряю Куму, а может быть, и всю кавказскую границу». Решимость начальника сообщилась всем его подчиненным, и наступление решено было единодушно.

30 сентября около восьми часов утра тронулся авангард, составленный из семисот человек с двумя орудиями под командой опытного в боях и храброго майора князя Орбели-

ани. Он имел приказание занять командные высоты над рекой Тахтамыш и держаться на них до последнего человека. Вслед за ним двинулись из лагеря остальные колонны. В это самое время пришло известие от генерала Булгакова, что он надеется к ночи быть у Кубанского редута. Но жребий был уже брошен: наш авангард стоял в сильнейшем огне, и вырвать его оттуда не было возможности.

«Как только тронулись войска, — замечал в своих записках Герман, — пошел дождь, а у русских это счастливая примета, которая и сбылась в этот день больше, нежели ожидать было можно».

Часов в десять утра вся местность около Танлыцких и Тахтамышских вершин зачернелась массами турок и горцев. Это были главные силы Батал-паши, которые приспели к месту боя почти одновременно с русскими. Боевая линия турок растянулась по-над речкой Тахтамыш и встретила русских сильнейшим огнем из тридцати орудий. Против них выдвинута была батарея майора Офросимова. Два часа продолжалась жестокая канонада; наконец Офросимову удалось подбить неприятельские орудия, и турецкий огонь приметно стал ослабевать по всей линии. В то же самое время черкесская конница, стремившаяся обскákat русских с флангов и с тылу, была разбита и прогнана полковником Буткевичем. Этим решительным моментом Герман воспользовался, чтобы перейти в наступление.

Драгуны полковника Муханова, стоявшие на правом

фланге, первые понеслись в атаку и врезались в неприятельскую пехоту; их поддержали егеря Беервица. В то же время наш левый фланг под начальством полковника Чемоданова потеснил правое крыло неприятеля, а удар бригадира Матцена в центре решил победу. И сорок тысяч турок и черкесов, наголову разбитые тремя тысячами русских, обратились в бегство, бросив лагерь, обозы и артиллерию.

Но самым важным результатом этой победы было пленение Батал-паши. Как только началось преследование, Донской казачий полк под командной восемнадцатилетнего юноши, войскового старшины Луковкина³¹, ворвался в турецкий стан и отбил два знамени и пушку, а сам Луковкин в сопровождении своих ординарцев наскочил на сераскира и взял его в плен вместе со всей свитой. Ожесточенные казаки рубили всех и, вероятно, Батал-пашу постигла бы та же участь, если бы не спасли ему жизнь подоспевшие егеря Беервица³². Потеря неприятеля была громадная и считалась тысячами убитых, так как малочисленность русского отряда не позволяла ему брать пленных. Со стороны русских общий

---

³¹ Впоследствии Луковкин был генерал-майором и в царствование императора Александра I, предводительствуя казаками в турецкой войне и затем в Наполеоновских войнах, прославился как один из бесстрашных наездников. Орден Святого Георгия 4-й степени и золотая сабля за Шумлу, Георгий на шею за Лейпциг и, наконец, золотая же сабля, осыпанная алмазами, за окончание войны – были достойными наградами этому храброму воину.

³² Батал-паша провел в плену девять лет. Он долго жил в Крыму и выехал оттуда только в 1799 году, когда Турция верила ему начальство в Анатолии. Он довольно чисто говорил по-русски и оставил Россию с сожалением.

урон не превышал полутора человека убитыми и ранеными.

Так кончился день, который останется навсегда памятным в истории Кавказского края. Впоследствии близ места этой славной битвы была основана станица Хоперского казачьего полка, которая в честь ее и названа Баталпашинской. Зиссерман в своей «Истории Кабардинского полка» справедливо замечает, что станицу следовало бы назвать не Баталпашинской, а Германской, по имени победителя, а не побежденного.

Остатки турецкого войска, бежавшие от Каменного брода, были добиты окончательно Кубанским корпусом барона Розена, встретившим их на левой стороне Кубани. В этой экспедиции Нижегородский драгунский полк под начальством князя Щербатова разыскал и сжег все магазины и провиантские склады, заготовленные в аулах для турецкой армии. Горцы, не успевшие предупредить набег, отрезали, однако, драгунам отступление и окружили их в тесном горном ущелье. По счастью, нижегородцы, не потеряв присутствия духа, спешились и проложили себе дорогу штыками.

Впоследствии Герман, указывая причины поражения турок, писал в своих записках следующее: «Первая и главная ошибка Батал-паши состояла в том, что он остановился на Кубани и без всякой надобности потерял целых три дня, в продолжение которых мог бы быть у самого Георгиевска. Тогда, хотя бы турецкая армия и была разбита в полевом сраже-

нии, все-таки большая часть Кавказской линии едва ли была бы спасена от погрома. Во время сражения турки также сделали три важные ошибки: они не употребили всех своих сил, чтобы отбить у нас Тахтамышские горы, пока мы не успели еще на них утвердиться, не заняли высот, лежавших у нас на левом фланге, которых мы не могли занять по своей малочисленности, и, наконец, приняли бой на такой невыгодной местности, где артиллерия их не могла нанести нам значительных потерь...

В свою очередь и мы, – замечает Герман, – не были безупречны в своих распоряжениях. Так, например, мы знали, и знали довольно верно, что Батал-паша стоит на Лабе, а между тем не только не позаботились сосредоточить все свои силы, а, напротив, отправили целый корпус за Кубань, где он простоял без всякой пользы... Мне также, – говорит он далее, – не следовало бы бросать свою позицию у Кубанского редута: я этим открыл Кубань и при других условиях мог подвергнуть нашу границу чрезвычайной опасности».

Блистательная победа над сорокатысячной армией, которую турки собирали два года для нанесения русским решительного удара, имела громадные последствия для края. Она не только загладила дурное впечатление, произведенное неудачным походом Бибикова, но и утвердила надолго среди кавказских племен убеждение в непобедимости русских и подготовила падение Анапы. Императрица Екатерина пожаловала Герману за этот подвиг орден Святого Георгия 2-й

степени, даваемый в весьма редких случаях, и пятьсот душ в Полоцкой губернии. Храбрый Луковкин был награжден премьер-майорским чином, а Беервиц, Чемоданов, Буткевич и Муханов получили ордена Святого Георгия 4-й степени.

Умиравший граф де Бальмен имел утешение, получив известие об этой победе за несколько часов до своей кончины. Дрожащей рукой он подписал последнее донесение свое к императрице и в тот же день, 1 октября 1790 года, скончался на сорок девятом году от рождения.

Имя графа теперь почти никому не известно на Кавказе. Но оно заслуживает памяти как имя главнокомандующего в смутное и богатое событиями и результатами время, когда положен был конец горделивым замыслам Порты, стремившейся ниспровергнуть на Кавказе русское владычество. Смерть графа де Бальмена прошла до такой степени незамеченной, что даже могила его, могила главнокомандующего всеми кавказскими войсками, долгое время оставалась неизвестной, и уже нашему поколению принадлежит честь открытия ее.

В Георгиевске, в полуверсте от предместья, называемого Тифлисской слободкой, на юго-запад от крепости есть небольшое, давно покинутое кладбище, состоящее из нескольких могил, почти уже сровнявшихся с землей. Три-четыре надгробных памятника, полуразрушенных временем, уныло смотрят своими остатками, и старое грушевое дерево, тоже иссохшее и покривившееся, одиноко сторожит

приют забвения и смерти. На одной из этих могил долго лежала разбитая пополам чугунная плита, не привлекавшая к себе ничего внимания. Но в 1858 году бывший тогда полицмейстером в Георгиевске М. Ф. Федоров случайно прочитал на этой плите: «Здесь погребено тело командующего Кавказским корпусом графа Антона Богдановича де Бальмена». О своей находке Федоров немедленно сообщил в Тифлис, и князь Барятинский, бывший в то время кавказским наместником, пожелал почтить память своего отдаленного предместника. Он приказал возобновить могилу покойного графа, поставить на ней памятник и устроить вокруг него решетку из старого оружия и чугунных пушек, хранившихся в георгиевском арсенале.

Тогда же возобновлена была и трогательная эпитафия во вкусе XVIII века, которая может служить прекрасной характеристикой личности покойного графа.

«Прохожий! – сказано в ней. – Сей был твой друг, ибо между добродетелями, которые он почитал и которым следовал, благодеяния и человеколюбие занимали в нем первейшую степень; они были столь драгоценны сердцу его, что даже в первом восторге победы он щадил кровь побежденного неприятеля. Почти же и ты сию гробницу, которую супруга, орошенная слезами, воздвигла над ним, и пожелай, чтобы сей друг человечества, сей достойный и добрый гражданин почивал в покое».

Нам остается сказать несколько слов о дальнейшей судь-

бе главного героя описанных событий, генерала Германа, и о печальных обстоятельствах, незаслуженно омрачивших на склоне дней жизнь одного из лучших генералов суворовского времени.

Оставив Кавказ в 1791 году, Герман, после недолговременной службы в войсках, расположенных в Литве и Польше, назначен был генерал-квартирмейстером всей русской армии. В этом звании он произвел осмотр берегов Черного моря для изыскания мер против враждебных покушений французского флота и заслужил особую признательность императора Павла I. Император предназначал его даже для командования русскими войсками в Италии, но за назначением туда Суворова Герман, произведенный в генералы от инфантерии, получил в команду десантный корпус, которому было поручено вместе с англичанами очистить Голландию от французов, в то время как Суворов должен был очистить от них Италию.

Последнее отделение десантных войск, при которых находился сам Герман, высадилось на берег в месте расположения английских войск, в окрестностях Бергена, вечером 7 сентября 1799 года. На вопрос одного из своих генералов, где остановить полки, Герман лаконично ответил: «На плечах французов!» Приходилось действительно там останавливать их, потому что главнокомандующий союзными войсками герцог Йорский назначил общую атаку неприятельской позиции на другой день, 8 сентября, с рассветом; говорят,

однако, что герцог, узнав о поздней высадке русских, предложил отменить диспозицию, чтобы дать время войскам отдохнуть и подготовиться к бою. Герман ответил, что находит это ненужным. И он был прав, как показали последствия; войска дрались с таким увлечением, которое исключало всякую мысль об усталости и отдыхе, и если геройские усилия их не увенчались успехом, то причину этого нужно искать, скорее всего, в характере и действии союзников.

Ночь, предшествовавшая кровавому бою, как нарочно наступила темная, ненастная, тучи заволокли небо, шел дождик, а русские, усталые, еще не оправившиеся от трудного морского плавания, вовсе не ложились спать, ожидая рассвета, с которым должна была начаться атака. Герман между тем взвесил все шансы предстоящего боя. Он понимал, что перед ним была не турецкая орда, которую он разбил на Кубани, а опытные, закаленные в боях французские полки. Но так как численность французов не превышала русские силы, то весь вопрос сводился для него к тому, как бы скорее и с наименьшей потерей добраться до неприятельской позиции; о том же, что неприятель мог дать отпор и устоять против штыкового удара, ему не приходило и в голову. Зная далее, что ему предстояло начать движение по двум плотинам под сильнейшим картечным огнем неприятельских батарей, он прежде всего хотел избежать потерь, сопряженных с открытой атакой теснин среди белого дня, и решил произвести внезапное ночное нападение. С этой целью он вопреки дис-

позиции повел свои войска за два часа до рассвета.

Под покровом ночи войска атаковали неприятеля с таким необычайным мужеством, что выбили его моментально из трех ретраншементов, взяли штыками несколько батарей, завладели тремя укрепленными деревнями и ворвались в самый Берген, ключ неприятельской позиции. Весь бой происходил на протяжении пятнадцати верст. Четырнадцать отбитых пушек, тысяча пленных и более двух тысяч убитых неприятелей служили доказательством предусмотрительного расчета генерала Германа, достигшего столь блистательного успеха с потерей лишь нескольких человек убитыми и ранеными.

В Бергене успехи русских, однако же, остановились. Англичане не приходили на помощь. Так прошло четыре часа. Французы между тем успели стянуть сюда значительные силы и сами перешли в наступление. Тогда в небольшом и тесном городке произошла ожесточенная битва. Французские колонны с разных сторон повели атаку, и им удалось наконец ворваться на площадь. Дело кончилось тем, что из всех трех командовавших генералов Жеребцов был убит картечью, Сутгоф ранен, а сам корпусный командир, отрезанный от войска, внезапно очутился в плену. Потеряв начальников, русские войска смешались и отступили, оставив в руках неприятеля знамя и двенадцать орудий. Только к одиннадцати часам утра подошли наконец англичане, но восстановить проигранную битву для них не представлялось уже

возможности.

«Главное несчастье для нас, – писал герцог Йорский в своем донесении, – заключалось в потере храброго Германа, который пользовался таким уважением и доверием войска. Останься он цел, он дал бы иной оборот сражению».

Французы также оправдывали Германа, приписывая поражение его единственно тому, что англичане, выставив русских вперед, не поддержали их своевременно.

Но, несмотря на все эти отзывы самих иностранцев, не скрывающих изумления стремительной и бурной атакой русского корпуса, император Павел, огорченный первыми дошедшими до него известиями, отдал приказ об исключении Германа со службы.

Пленный генерал содержался в крепости Лилль. На просьбу об освобождении его под честное слово французский военный министр Бертье ответил, что Герман может быть отпущен не иначе как по возвращении во Францию всех генералов, взятых в Италии. Пораженный своей фатальной неудачей, Герман впал в глубокую задумчивость, перешедшую в тяжелую нервную болезнь, едва не стоившую ему жизни. По заключении мира он возвратился из плена, был снова зачислен на службу и вскоре умер в Петербурге.

Обвинение в неудаче Голландского похода и до сих пор тяготеет еще на памяти доблестного генерала. Под обаянием славы итальянских побед Суворова современникам Германа естественно было ставить ему в укор несчастную случай-

ность, созданную медлительностью союзников. Но потомству, ближе знающему дело, можно быть беспристрастнее и отдать должное храброму, энергичному генералу и в самом поражении доставившему славу и блеск русскому оружию.

XVII. ГРАФ ГУДОВИЧ

(Падение Анапы)

Когда граф Павел Сергеевич Потемкин, с 1787 года только носивший звание кавказского наместника и не имевший никакого влияния на дела края, был в 1791 году окончательно отчислен с Кавказа, на место его получил назначение граф Иван Васильевич Гудович. Новый наместник принадлежал к небольшому числу серьезно образованных людей прошлого столетия. Он слушал университетские лекции в Кенигсберге, Галле и Лейпциге и потому, на основании еще регламентов Петра Великого, был принят на службу 1 января 1759 года прямо офицером. Близость к всесильному при Елизавете Петровне графу Шувалову, у которого он был адъютантом, а потом протекция в лице его родного брата, генерал-адъютанта и любимца нового императора Петра III, способствовали настолько возвышению Гудовича, что на четвертом году службы он был уже полковником и командиром Астраханского пехотного полка. С кончиной Петра Гудович лишился своего значения при дворе, но блестящие способности молодого человека не могли остаться незамеченными и в новое царствование.

Поход в Польшу в 1763 году, с корпусом генерала Штофельна, дал Гудовичу случай оказать весьма серьезную услугу правительству и выказать свои способности. Военное на-

чество командировало его в Галицию с секретным поручением склонить некоторых польских магнатов к выбору на польский престол Станислава Понятовского, и благодаря поддержке и влиянию таких людей, как гетман Ржевусский и князь Чарторижский, Гудович блистательно исполнил поручение.

Спустя четыре года мы видим Гудовича вместе с полком уже в Турецкой кампании, где каждый шаг его ознаменовывается блестящей храбростью. Так, 11 июля 1869 года, под Хотинем, он с одним батальоном своего полка отбил сильную вылазку из крепости, а в августе с тем же самым батальоном выручил русский авангард, разбитый в Рачевском лесу, отнял назад четыре орудия, взятых турками, и со своими ничтожными силами нанес решительное поражение девяти тысячному турецкому корпусу.

В следующую кампанию Гудович с неменьшим отличием участвует в сражениях под Ларгой, Кагулом и на Браиловском приступе. Румянцев поручил ему отдельный отряд из пяти батальонов пехоты, эскадрона ахтырских гусар и четырех казачьих полков, с которыми он должен был очистить от турок Валахию. Гудович разбил турецкий корпус, встретивший его под стенами Бухареста, взял два знамени и четыре орудия и на плечах бегущего неприятеля занял столицу Валахии. Особенно отличились в этом сражении кавказский уроженец Горич и донец Проневич, которые во время кавалерийской атаки изрубили байрактаров (знаменщиков)

и овладели знаменами. За это блистательное дело Гудович был произведен в генерал-майоры.

Восстановив в Валахии законное правительство, Гудович получил приказание отправиться в отдельный корпус генерал-аншефа Олица. Здесь, 20 апреля 1771 года, он участвовал в приступе Журжи, командуя средней штурмовой колонной. В самом разгаре приступа, когда Олиц внезапно заболел, а оба колонных начальника генералы де Молле и Гротенгельм выбыли из фронта ранеными, Гудович принял начальство над корпусом и после кровопролитного боя взял крепость, где пятнадцать орудий и восемнадцать знамен достались в руки победителей. По смерти Олица Гудович был утвержден командиром отдельного корпуса и на зиму оставлен в Валахии.

С открытием кампании 1772 года корпус Гудовича поступил под общее начальство князя Репнина, стоявшего тогда под крепостью Турно. Во время этой осады турки внезапно атаковали Журжу, и малодушный комендант ее, не дождавшись помощи, сдал крепость неприятелю. Неожиданное появление отряда Гудовича, посланного на выручку к Журже, всполошило турок, и комендант выслал парламентаря объявить Гудовичу, что если войска его начнут нападение, то русский гарнизон, еще оставшийся в Журже, вопреки капитуляции будет перерезан.

– Поезжайте назад, – ответил Гудович парламентарю, – скажите, что если эти несчастные забыли завет наших пред-

ков: «Лечь костями, ибо мертвые срама не имут», — то они не братья наши, и мы их презираем. Турки могут делать с ними все что угодно.

Однако же атаковать крепость, в которой засели двенадцать тысяч турок, Гудович не решился. Только в июле русские войска под общей командой генерала Эссена вторично подступили к Журже, штурмовали ее вопреки советам Гудовича, но были отбиты с огромной потерей: около двух тысяч русских солдат пало на валах укреплений и семь пушек сделались добычей неприятеля. Сам Гудович был ранен в правую ногу. Он не хотел, однако же, оставить армию и участвовал в кровопролитном сражении 20 октября на реке Дембовеце, последствием которого было поражение армии сераскира и сдача Журжи, стоившей русским в этом году так много крови.

Этим закончились действия Гудовича в первую турецкую войну. Начав поход молодым полковником, он окончил его генерал-майором с Анненской лентой и Георгием на шее. Имя его приобрело популярность в армии; и если его горячий, суровый и недоступный характер не всегда нравился подчиненным, то никто из них не мог отказать ему в уважении. Пятнадцать лет мирного времени Гудович провел в звании начальника дивизии, а потом генерал-губернатора и наместника Рязанской и Тамбовской губерний. В это время он был произведен в генерал-поручики и награжден орденами Святого Александра Невского и Владимира 1-й степени.

Вторая турецкая война снова вызвала Гудовича на ратное поле. Командуя отдельным отрядом, он взял укрепленное место Гаджибей (нынешняя Одесса), затем принудил к сдаче крепость Килию и подступил к Измаилу. Но Измаил был не Килия и не Гаджибей. Грозные стены его защищались сорокатысячным гарнизоном под начальством мужественного сераскира, решившегося умереть, а не сдаться. 20 ноября Гудович донес Потемкину, что овладеть Измаилом в настоящем году невозможно. Потемкин ответил присылкой Суворова – и неприступная крепость была взята штурмом. Гудович уже не участвовал в этом приступе: он был отозван в главную квартиру, где некоторое время состоял без должности. Между тем императрица пожаловала ему за взятие Килии чин генерал-аншефа, а вслед за сим, 12 ноября 1790 года, назначила его кавказским наместником.

Гудович прибыл в резиденцию наместничества, в город Георгиевск, 26 января 1791 года, а спустя несколько месяцев он уже блестяще вписал свое имя в летописи Кавказских войн покорением Анапы – этого крепкого разбойничьего гнезда, выславшего на русские пределы целые орды хищных горцев и уже два раза заставившего русские войска испытать неудачу.

Нашествие Батал-паши было свежо в памяти Кавказских войск и убеждало Гудовича в необходимости скорейшего разрушения этого разбойничьего притона. И скоро он, во главе пятнадцати батальонов и двух казачьих полков с пя-

тыюдесятью орудиями, был под стенами Анапы.

Участь крепости была решена 22 июня 1791 года. Рекогносцировки убедили наместника, что крепость с суши превосходно защищена семью бастионными фронтами, соединенными между собой куртинами; что широкий ров, опоясывая ее полукругом и упираясь своими концами в обрывистый берег Черного моря, достигает нескольких саженей глубины, выложен камнем, а в некоторых местах даже просто высечен в каменистом грунте. Гудовичу известно также, что Анапу защищает пятнадцатитысячный отборный турецкий корпус и что в городе находится известный агитатор Шейх-Мансур, присутствие которого, по его влиянию на умы мусульман, могло заменить собой не одну тысячу войска.

Ночью 16 июня Гудович обложил Анапу, а на следующий день с утра батареи открыли по ней огонь. Гудович торопился с приступом, сознавая, что положение его корпуса может сделаться отчаянным. Перед ним были грозные твердыни, уже выдавшие перед собой русские силы. За ним собирались отчаянные полчища горцев, готовые отрезать отступление или броситься в тыл русским, чтобы поставить их между двумя огнями. К тому же имелись сведения, что турецкий флот спешит на помощь Анапе и что он уже только в двух или трех переходах от нее.

День 21 июня прошел в приготовлениях к штурму. Войска разделились на четыре колонны, из которых одна, под командой генерала Загряжского, расположившись тылом к

Анапе, приготовилась отражать нападение горцев, а остальные, под начальством генералов Булгакова, Депрерадовича и барона фон Шица, назначались на приступ. Гудович ездил по войскам и воодушевлял солдат рассказами о грозном измаильском штурме; и солдаты, вдохновляясь на этой глухой окраине отечества славой своих далеких сослуживцев, кипели желанием боя и обещали друг другу или взять Анапу, или умереть под ее стенами. В их положении, впрочем, другого выхода и не было.

В глухую полночь с 21 на 22 июня со всех русских батарей началась жестокая канонада. Турки отвечали не менее сильным огнем. И русские колонны при громе пушек и шуме морского прибоя двинулись к Анапе.

Первые две колонны, спустившись в ров и приставив лестницы, быстро, «по-измаильски», взобрались на стены и, несмотря на стойкое сопротивление турок, проникли в крепость. Третья колонна, генерала Шица, попала под сильный перекрестный огонь и была отброшена назад с огромным уроном. Но, устроившись, она повторила атаку и после жестокого боя утвердилась на правом бастионе. Воодушевление русских войск было так велико, что многие начальники, например полковники Чемоданов, Муханов, Келлер, Веревкин, Самарин, граф Апраксин и подполковник Нелидов, будучи ранены, и иные по несколько раз, не оставили строя. Гудович обратил особенное внимание на артиллерийского майора Меркеля, старого георгиевского кавалера, которому

ядро раздробило руку и который, несмотря на это, до конца распоряжался действиями своих батарей.

Между тем турки сопротивлялись так упорно, что к шести часам утра почти весь главный русский резерв уже был израсходован, и Гудович ввел в дело остальную конницу, состоявшую из четырех полков под начальством бригадира Поликарпова. То были полки: Тираспольский конно-егерский и драгунские – Владимирский, Астраханский и Нижегородский. Они пронеслись в карьер под смертоносной тучей картечи и, спешившись в воротах крепости, оттеснили турок от окраин города. Поднимавшееся солнце застало еще кровавое побоище в домах и на улицах Анапы.

Между тем восемь тысяч черкесов спустились с гор и всей массой обрушились на горсть линейных казаков, стоявших впереди отряда Загряжского. Но «отменно храбрые гребенские и терские казаки, – как говорит Гудович в своем донесении, – не подались ни шагу назад». К ним скоро подошел на помощь подполковник Львов с Таганрогским драгунским полком и врезался во фланг черкесской коннице. В то же время казаки, предводимые Загряжским и полковником Спешневым, пошли в атаку с фронта, и неприятель, охваченный с обеих сторон, побежал. Оправившись, горцы возобновили нападение, но, несмотря на все усилия, они не могли уже прорваться, чтобы ударить в тыл штурмующим колоннам.

Анапа была взята. Первые минуты, последовавшие за взя-

тием крепости, были ужасны. Победители, раздраженные долгим сопротивлением и понесенными потерями, думали только о мщении. Более восьми тысяч турок были перерезаны в самой Анапе, столько же погибло и потоплено в море, и из всего анапского гарнизона спаслось на лодках едва ли более полутора человека. Пленных взято было не много, но зато в их числе находились комендант Анапской крепости, его помощник – сын знаменитого Батал-паши, в то время жившего пленником в России, и, наконец, Шейх-Мансур.

Разграбленный город доставил солдатам богатую добычу. Восемьдесят три пушки, двенадцать мортир, сто тридцать знамен и несколько бунчуков составили трофеи этой славной победы. Русские потеряли на этом штурме девяносто три офицера и до четырех тысяч нижних чинов, следовательно, половину отряда.

Кровопролитный анапский приступ, совершенный годом позже измаильского, хотя и не получил такой же громкой и всеобщей известности, но, по справедливости, стоил Гудовичу едва ли не больших усилий, чем измаильский Суворову. Достаточно сказать, что Измаил был окружен со всех сторон русскими войсками, тогда как Гудович мог обложить Анапу только с суши, а с моря она имела возможность всегда получить подкрепление; Суворов знал одного неприятеля, бывшего впереди его, в стенах крепости, – Гудович поставлен был между двумя огнями и бился лицом в две разные стороны; при неудаче Суворов мог всегда отступить – Гудович

был окружен, и в случае отступления неминуемо погиб бы со всем своим отрядом.

Едва Анапа пала, как показался сильный неприятельский флот и стал на якорь верстах в пятнадцати от берега. Было уже довольно темно, и турки, еще не зная, что судьба Анапы уже решена, отправили в гавань три кирлангича, которые вместе с экипажами и были захвачены русскими. На флоте об этом ничего не знали, но на следующий день, увидев множество плывущих тел, которые волны прибивали к самым кораблям, турки поняли, в чем дело, и, подняв паруса, поспешно удалились. В то же самое время получено было известие, что турки оставили Суджук-Кале, и Гудович занял его без боя. Обе крепости были скрыты, батареи их взорваны, рвы и колодцы засыпаны, пороховые погреба и палисады уничтожены, и самые дома жителей истреблены огнем до основания. Таким образом, один день промедления – и Гудович ввиду прибытия флота должен бы был отказаться от приступа и отступить без успеха, так как штурмовать Анапу под огнем многочисленной морской артиллерии, конечно, не представлялось бы возможным.

Императрица достойно оценила блистательный подвиг, пожаловав Гудовичу орден Святого Георгия 2-й степени и золотую, украшенную лаврами и бриллиантами шпагу, а несколько позже, в день заключения мира, и орден Святого Андрея Первозванного. Генералы Загряжский, Булгаков, Шиц и бригадир Поликарпов получили ордена Святого Ге-

оргия 3-й степени, а полковники Самарин, Апраксин, Веревкин и капитаны Пищевич и Бачурин – тот же орден 4-й степени. Бачурин, офицер четвертого батальона Кавказского егерского корпуса, обратил на себя внимание тем, что, уже раненный, первым вскочил на батарею и, видя невозможность удержать ее, собственноручно заклепал несколько пушек, а остальные с помощью людей опрокинул вверх лафетами или сбросил с барбетов.

Покончив с Анапой и возвратившись в Георгиевск, Гудович деятельно занялся устройством русской пограничной линии. Он начал с того, что обуздал кабардинцев, введя у них родовые суды и преследование за такие преступления, которые до сих пор подлежали только духовному суду шарията, а в народе считались даже доблестями. К ним принадлежали взаимные набеги, кровомщение и даже куначество, обязывавшее защищать в своем доме каждого, не исключая убийцы.

Новая юрисдикция, не совсем понятная для горцев, вторгавшаяся в область их вековых народных обычаев, вызвала среди кабардинцев общее неудовольствие. Но прежде чем вспыхнуло готовящееся восстание, Гудович ввел в Кабарду войска, арестовал зачинщиков и выслал в Россию двух наиболее влиятельных из них владельцев Атажукиных. Это были братья Адиль и Исмаил Гирей, из которых последний был тогда подполковник и имел Георгиевский крест.

Для лучшего прикрытия русских границ Гудович проек-

тировал устройство новой линии от верховьев Кумы по сухой границе и по Кубани до устья Лабы. На этом пространстве он думал расположить ряд укрепленных казачьих станиц – по примеру того, как это сделано было на Тереке. К сожалению, мысль его обратить в поселенных казаков те донские полки, которые служили на Кавказе, вызвала среди них открытый бунт, и казаки, оставив своих старшин, но забрав знамена, ушли на Дон и там произвели всеобщее смятение.

Один из современников этих событий, новочеркасский священник Рубашкин, оставивший свой дневник, рассказывает в нем, что в Новочеркасск прибыло более тысячи казаков из полков Поздеева, Луковкина и Кашкина. 31 мая 1792 года до трехсот человек ворвались в залу к атаману Иловайскому, требуя, чтобы им показали именной указ, «за что» Гудович принуждал их поселиться на Кавказской линии. Казаки требовали войскового круга, и Иловайский уступил. Но едва окончилось в кругу чтение некоторых бумаг и писем Гудовича о поселении на Кубани двенадцати новых станиц, как казаки кликнули: «Отымай дела!» «И тут, – прибавляет повествователь, – была штурма...»

Правительство вынуждено было послать регулярные войска для водворения спокойствия, но, несмотря на то, только через три года удалось отправить на Кавказ тысячу донских семей, из которых Гудович образовал новый Кубанский линейный казачий полк, поселенный на проектированных им местах по Кубани в шести станицах: Усть-Лабинской,

Кавказской, Григориополисской, Прочноокопской, Темно-лесской и Воровсколесской. При двух из этих станиц, Усть-Лабинской и Кавказской, возведены были сильные крепости, первая – на два батальона и семьдесят шесть орудий, а вторая – на один батальон и двадцать семь орудий.

В области внешних сношений деятельность Гудовича была направлена на то, чтобы заставить Персию исполнять договоры и не стеснять русскую торговлю. Но скоро дела на персидской границе приняли весьма неблагоприятный для нас оборот. Один из братьев гилянского владельца, Муртаза-Кули-хан, спасаясь от его преследований, нашел себе убежище в русском селении, основанном при Энзелинском порту с торговыми целями лет за десять перед этим во времена экспедиции графа Войновича. Напрасно жители Гилянской провинции требовали выдачи принца. Им ответили отказом и даже поспешили отправить его на купеческой шхуне в Баку. Но едва судно вышло на рейд, как значительные силы гилянцев напали на селение. Пятьдесят русских солдат под командой поручика Евдокимова, поддержанные пушечным огнем с купеческих судов и военных ботов, геройски отразили нападение.

Тогда гилянцы приступили к правильной блокаде селения. Семь дней держалась команда в осаде, но на восьмой, когда не стало провианта и пороха, забрала с собой жителей и, сев на суда, отплыла на остров Саре.

Так закончила свое существование последняя русская

торговая колония на берегах Астрабада.

Следовавшие затем вероломные поступки персидского шаха, нашествие его на Грузию, взятие Тифлиса и варварское избиение жителей еще более осложнили дело, и война стала неизбежной. Получив приказание немедленно начать военные действия с теми средствами, которые находились у него под рукой, Гудович поспешил привести Каспийскую флотилию в почтительное, как он выражался, состояние и тотчас же отправил два отряда: один, под командой полковника Сырахиева, – в Тифлис, на помощь грузинскому царю Ираклию, другой, генерал-майора Савельева, – в Дербент для овладения городом, который справедливо считался воротами Персии.

Но в то самое время, когда он рассчитывал пожать новые лавры, императрица назначила главнокомандующим всеми действующими против Персии войсками графа Валериана Александровича Зубова; Гудович же должен был оставаться на линии и содействовать успеху похода только своевременной отправкой к войскам провианта, снарядов и подкреплений. Обиженный Гудович, ссылаясь на крайнее расстройство здоровья, просил увольнения от должности. Императрица изъявила согласие, но в знак особого благоволения пожаловала ему тысячу восемьсот душ крестьян в Подольской губернии и сохранила при нем все содержание, штаб и канцелярию по званию генерал-аншефа. Начальником же Кавказской линии назначен был генерал-лейтенант Исленьев.

Но отставка Гудовича была недолговременна. Не успел он доехать до Воронежской губернии, как встретил курьера, который привез ему манифест о вступлении на престол императора Павла и высочайшее повеление немедленно возвратиться на Кавказскую линию, принять под свое начальство всю армию графа Зубова и, прекратив войну, заключить с Персией мир. Война эта была совершенно противна видам нового государя.

Император Павел, благоволивший ко всем, кто некогда стоял близко к его покойному отцу, в день своей коронации возвел Гудовича в графское достоинство и пожаловал ему три тысячи душ крестьян. В следующем году Гудович назначен был военным генерал-губернатором сперва в Киев, потом в Каменец-Подольский и, наконец, главнокомандующим армией, готовившейся тогда к походу на Рейн. Поход этот, как известно, не состоялся, а вскоре граф Гудович навлек на себя немилость государя, был отставлен от службы и прожил в своем имении безвыездно до 1806 года, когда император Александр снова призвал на службу маститого генерала.

ЗА КАВКАЗОМ

*Теперь один старик седой,
Развалин страж полуживой,
Людьми и смертью забыт,
Сметает пыль с могильных плит,
Которых надпись говорит
О славе прошлой и о том,
Как, удручен своим венцом,
Такой-то царь в такой-то год
Вручал России свой народ.*

*И Божья благодать сошла
На Грузию! Она цвела
С тех пор в тени своих садов,
Не опасаяся врагов,
За гранью дружеских штыков.*

Лермонтов

В то время как северные предгорья Кавказа были свидетелями победы цивилизованного христианского государства над дикими горскими племенами, по ту сторону горного хребта иной христианский мир погибал в неравной борьбе с магометанством. То была старая борьба, имевшая позади себя уже целые тысячелетия. Исторические обстоятельства сложились так, что без помощи России этому миру не было спасения, и взоры его уже два столетия были обращены на север. И вот, во времена Гудовича, когда Персия своим ве-

роломством вызвала большой поход графа Зубова, за Кавказом возникает для России новый центр военных действий, который, естественно, и должен был привести к полному покорению всей той обширной страны.

Русские были желанными гостями не со стороны только христианского закавказского мира, их появление в тех странах было как бы от века предрешено и предвидено. Поэтический Древний Восток смотрел на девственные снеговые вершины Кавказа, никогда не попираемые человеческой стопой, как на священную границу своих народов; за ней жили уже племена, не имевшие ни имени, ни истории для тогдашнего образованного света. Позже самый Коран указал на нее как на последний оплот мусульманского мира. В одном месте его говорится, что за Кавказом живут народы Гог и Магог и что наступит время, они перейдут Кавказские горы и разрушат благословенные мусульманские царства.

I. ГРУЗИЯ В ЕЕ ИСТОРИЧЕСКОМ ПРОШЛОМ

Много есть поэзии в кровавой истории Кавказа; грузин читает ее со слезами. Она описывает веками исчисляемые бедствия, дробление царства на царства, междоусобицу между царями и князьями, восстание племен на племена и родов на роды, замки феодалов как прибежище грабежей, дворцы вельмож как вертепы самовластного тиранства,

перед которым униженно преклоняли колени и народ, и духовенство, и самое дворянство. Но среди этих мрачных событий история Грузии представляет и несколько светлых страниц...
Иоселиани

В северо-западной части Закавказья издавна жили христианские народы картвельского племени, составившие несколько самостоятельных государств: Грузию (Картли и Кахетию), Имеретию, Менгрелию и Гурию, то соединявшихся, то снова распадавшихся. Самую значительную и сильную часть картвельского племени всегда составляли грузины, занимавшие бассейны рек Куры и Алазани; история Грузии есть поэтому вместе с тем и история всех других картвельских народов, в тяжелые исторические моменты всегда соединявших свою судьбу с ее судьбами и своим отделением от нее в годы мира вносящих только династические и междуплеменные смуты.

Предания глубокой старины, записанные в историю грузинским царем Вахтангом VI, объясняют имя и происхождение картвельского племени именем Картлоса, праправнука Ноева (от Иафета), которому достались земли, орошаемые бассейном Куры до слияния ее с Арагвой. Замечательно, что название «Грузия» и поныне несколько чуждо ее народу, оставляющему за собой преимущественное имя «картули». Грузинами же, как полагают, его называли в Средние века арабы и турки, быть может производя это слово от име-

ни святого Георгия, по необычайному уважению, которым окружал его картвельский народ, а быть может, и от испорченного имени реки Джур (Кура), от которой и самая страна названа ими Джуржистан, иначе – Гурджистан, что значит «Страна Куры».

Вековую жизнь Грузии в обширном смысле, в смысле всех картвельских племен, называют мартирологом – повестью страданий. И едва ли можно приискать для нее лучшее имя.

С тех пор как история заметила эту страну, она служит центром притяжения для различных народов, шедших к ней и с севера, и с востока, и с далекого запада и оставлявших за собой разрушительные следы. На обнаженных горах Картли и среди роскошной растительности Кахетии и Имеретии повсюду и доныне видны развалины старинных замков и башен, массивных и своеобразных, служивших народу убежищем во времена вражеских нашествий. И едва ли найдется в мире еще страна, где было бы столько же этих немых свидетелей народных страданий. В то время как в забытых и самой природой замкнутых ущельях Кавказа дичала и крепла жизнь неведомых миру племен, на южной покатости горного хребта Древняя Иверия в продолжение четырнадцати веков отстаивала свет христианства и первые основания цивилизации от кровавых вторжений магометанства и даже язычества.

История Грузии восходит к древнейшим временам Востока и застаёт в ней разрушение патриархального быта с вла-

стью старшего в роде, мамасахлиса. Во времена великих народных передвижений в Азии Грузия утрачивает свою самостоятельность, последовательно завоевываемая ассириянами, вавилонянами, персами. Под предводительством персидских царей народ грузинский с плетеными щитами и в деревянных шлемах бывал в походах против греков и скифов и знакомился с чужими знаниями и обычаями. В то же время горные твердыни близлежащего Кавказа привлекают в Грузию толпы иноплеменников, бегущих от полчищ завоевателей, греки приезжают к ней за золотым руном, и эти международные сношения вносили в страну зачатки цивилизации.

Александр Македонский, как говорят, делает попытку уничтожить даже внешние признаки некоторой самостоятельности Грузии, поставив в ней вместо мамасахлисов своего наместника с отрядом телохранителей. Но эти-то крайние обстоятельства и вызывают в Грузии восстание во имя своей независимости. Под предводительством Фарнаоза, потомка последнего мамасахлиса, грузины изгоняют наместника, и страна вступает в эпоху царей. Первым царем и был Фарнаоз за триста с лишком лет до Рождества Христова.

Фарнаозу летописи приписывают устройство гражданского быта Грузии, введение письменности и, наконец, установление в стране религии Зороастра. Предание говорит, что на могиле родоначальника картвелов Фарнаоз поставил громадную статую идола Армаза, одетого в великолепные латы с золотым панцирем, в венце, осыпанном драгоценными кам-

нями.

Во мраке следовавших затем веков, наполненных борьбой с Арменией и другими соседями, мелькает лишь несколько славных имен, из которых одно, царя Адерка, замечательно тем, что в третий год его царствования родился Спаситель мира. К его времени относится и трогательная легенда о хитоне Господнем. Она рассказывает, что евреи, потомки поселенцев со времен пленения Вавилонского, жившие в столице Иверии Мцхете, ежегодно посылали на Пасху в Иерусалим своих представителей, через которых молва о чудесах Спасителя скоро распространилась по всей Иверии. В год крестной смерти Христа в числе посланных был и некто Елизар, сын благочестивого семейства. Он присутствовал при событиях на Голгофе, был поражен всем виденным и приобрел от римского воина хитон Господень, доставшийся тому по жребию. Когда он возвратился на родину, по одним сведениям, дочь, а по другим – сестра его, пораженная вестью о распятии Спасителя, схватила хитон в свои руки и тут же упала мертвой. Никакие человеческие силы не могли вырвать священную одежду из ее объятий, и она погребена была вместе с ней. Высокий кедр вырос над ее могилой и на долгое время укрыл святое место от изысканий человеческих.

Немного спустя проповедь о Христе Спасителе пронес по Кавказу апостол Андрей вместе со своим спутником Симон Кананитом, и в Анакопии предание поныне указывает могилу последнего, бывшую всегда предметом благоговения

для самых диких обитателей Кавказа. Но полной своей победой христианство обязано равноапостольной Нине.

Святая Нина была дочерью римского полководца и сестры иерусалимского патриарха. Она приходилась близкой родственницей великомученику Георгию, которого, так сказать, и сроднила с Грузией, поручив его покровительству новое свое отечество. И святой Георгий как бы сообщил и воинские доблести, и мученические свойства целому народу, который по имени своего покровителя и стал, быть может, называться грузинами.

Нина еще в раннем возрасте любила внимать рассказам о дальней Иверии, куда унесен был хитон Господень, и мысль сделаться просветительницей этой страны и отыскать святую одежду всецело овладела ею. День и ночь молилась Нина Пресвятой Деве, прося ее помощи. Богоматерь явилась ей в сонном видении, вручила крест, сложенный из виноградных лоз, и сказала: «Иди в Иверскую страну и благовествуй Евангелие, я буду тебе покровительницей». Проснувшись и увидев в своих руках чудный крест, Нина со слезами облобызала его и перевязала своими волосами.

И вот, в начале IV века, при основателе династии Сасанидов царе Мириане, современнике Константина Великого, святая Нина является на истоках неведомой ей реки (Куры) и, следуя по ее течению, достигает Мцхета в день празднования народом Армаза. На высокой горе стоял исполинский кумир, горевший золотом; по сторонам его – два другие, по-

ражавшие огнем, как говорит предание, всякого державшего подступать к ним без воли жрецов. Гремели трубы, курился фимиам, текла кровь жертв; царь Мириан со всем народом распростирался ниц перед идолами, и только одна чуждая, никому не ведомая дева не преклонила колени. Внезапно среди ясного дня разразилась страшная буря с молниями и громом; капище разрушилось, и среди развалин его лежали остатки разбитых, поверженных кумиров. В ужасе бежал народ, и на развалинах осталась одна Нина, спокойно смотревшая на возникшую и утихшую около нее бурю стихий. Это было 6 августа, и день Преображения Господня стал для Иверии днем, сменившим тьму язычества на свет христианской истины.

С этого дня начинается ряд подвигов и чудес Нины, память о которых сохранилась в местных преданиях, записанных и царем-летописцем.

В царском саду, у таинственного кедра, укрывавшего хитон Господень, часто молилась Нина, и там посещали ее дивные пророческие видения. Однажды стоя черных птиц, омывшихся в водах Арагвы и ставших белыми как снег, села на ветвях кедра и огласила весь сад райскими песнями – это был символ крещения народа иверийского. В другой раз видела она страшное падение окрестных гор Армаза и Задена с их идолами, слышала звуки битв и вопли бесовских полчищ в образе персидских воинов, как бы вторгавшихся в столицу Грузии, и страшный голос царя их, повелевавшего все истре-

бить. Пораженная видением, Нина подняла знамение креста и тихо сказала: «Кончилось владычество ваше, ибо вот победитель», – и все исчезло. Святая Нина исцелила жену царя Мириана, лежавшую уже на смертном одре, и одного из родственников персидского царя, заболевшего в доме Мириана; оба они из первых просветились крещением. Сам царь еще колебался. Но раз, когда он был на охоте в соседних горах, его настигла страшная буря, и царь вдруг ослеп. Пораженный, он пал на колени, восклицая: «Ты Бог над богами, Господь над властителями, Бог Нины!» – и в то же мгновение прозрел. Вся царская семья и народ, узнав о чудесном событии, вышли царю навстречу. «Славьте Бога Нины, Бога вечного», – говорил он народу и, не заезжая во дворец, посетил хижину Нины, пал на колени перед животворящим ее крестом и исповедовал Христа. Нина осенила крестным знамением воды Куры и Арагвы, и в них крестился и царь, и грузинский народ. Один из потомков Елизара, среди которых еще жило предание о хитоне Господнем, указал место его хранения. Таинственный кедр был срублен, и на его месте воздвигнут соборный храм, в котором и была положена святая одежда.

Утвердив веру в Картли, святая Нина поселилась в Кахетии, и там, после тридцатипятилетнего апостольского подвига, скончалась близ нынешнего города Сигнаха.

Царь и епископ желали перенести останки ее в соборную церковь Мцхета, где она так часто любила молиться над хи-

тоном Господним. Тогда совершилось новое чудо: никак не могли сдвинуть иссохшего тела подвижницы с избранного ею места для своего успокоения. Для Картли ею сделано было много, и она как бы хотела своим присутствием утвердить в вере вновь обращенную Кахетию. Царь Мириан соорудил здесь первую церковь во имя святого Георгия, в приделе которой и положил мощи святой проповедницы. Впоследствии при этой погребальной церкви учредилась митрополия Бодбийская, старшая во всей Кахетии, и оттуда распространилась евангельская проповедь в горы Кавказа.

Первое житие святой Нины описано было почти современным ее историком Руфином, который повесть о ней слышал от сына Мириана, грузинского царевича Бакура, живо помнившего еще рассказы о ней от отца и его приближенных.

Христианство, конечно, утвердилось в Грузии не сразу. Были цари-отступники; персы упорно стремились изгнать его и заменить огнепоклонством. Так, когда при царе Мирдате IV (408) они овладели Грузией, жители ее принуждены были спрятать кресты, и обожаемый персами огонь запылал во всех церквях, спасшихся от разорения. Дань персам лежала тяжелой ношей на грузинском народе, и при внуке Мирдата, Арчиле I, он восстал и нанес врагам на берегах Лиахвы страшное поражение.

Но времена могущества и славы настали для Грузии при царе Вахтанге I, царствовавшем пятьдесят три года – с

446-го по 499-й. Персы прозвали его Гург-Асланом (Волком-Львом), потому что он отличался доблестной храбростью и недаром носил на шлеме изображение спереди волка, а сзади льва. Всегда идущий впереди своих воинов, Вахтанг был лично известен врагам, и, увидев знакомый шлем, персы обыкновенно кричали: «Берегись! Гург-Аслан!» Название это так и осталось за ним в грузинской истории.

Соединяя мудрость правителя с доблестями полководца, Вахтанг оставил стране многочисленные памятники своей деятельности. Заботясь о просвещении народа, он основал школы, повелел исправить и вновь перевести церковные книги и издал кодекс. Защищая независимость страны, он окончательно сверг персидское иго, завоевал Менгрелию, Абхазию, победил печенегов, овладел Арзерумом и простер славу своего имени до самой Индии. На стенах одной из древних церквей, развалины которой и поныне видны в горах Алагирского общества, есть надпись, передающая следующие подробности о борьбе Гург-Аслана с Осетией. Осетинский владетель Ос-Богатар похитил у царя Вахтанга сестру его и этим вызвал страшную войну, в которой победа долго не склонялась ни на ту, ни на другую сторону, несмотря на помощь, поданную Ос-Богатару Тарханом с печенегами. В одной из битв Гург-Аслан убил Тархана собственной рукой, но Богатар продолжал борьбу, геройски отражая грузин и даже сам производя на них набеги. Гург-Аслан увидел, что ему не одолеть осетин, пока во главе их стоит Богатар, и при-

бег к хитрости. Он предложил мир на условии, что Ос-Богатар женится на его сестре, а для переговоров пригласил его в свой лагерь, отделенный от осетинского рекой Арагвой.

Не подозревая коварства, осетинский вождь отправился на свидание. Но во время переправы через реку, изменнически осыпанный тучей стрел, Ос-Богатар упал в воду и погиб. Тогда Гург-Аслан напал на врагов, и осетины были покорены. Надпись заканчивается словами от имени Ос-Богатара и его девяти братьев: «Кто прочитает эти строки, пусть скажет нам вечную память».

Но не одни безмолвные развалины – печальные остатки прошлого величия – хранят для Грузии память о ее Гург-Аслане. Великолепные соборы двенадцати апостолов в Мцхете, Сионский и Метехский в Тифлисе – суть памятники славного царствования Вахтанга. Он основал и самый Тифлис, куда впоследствии сын его перенес столицу, затмившую древнюю славу Мцхета. Недалеко от Тифлиса, в развалинах древнейшего из монастырей Иверии, Марткопского, на двух столбах главного храма, поддерживавших все здание и купол, нарисованы во весь рост два грузинских царя: один из них – Вахтанг Гург-Аслан, основатель этого храма, другой – славный Давид Возобновитель.

После Гург-Аслана, умершего от ран уже в преклонных годах, слава Грузии снова померкла, и притязания Персии возобновились; а скоро, в конце VI века, и сама династия Сасанидов уступила свое место Багратидам в лице Гурама I.

Династия Багратидов, царствовавшая целое тысячелетие и закончившая собой ряд грузинских царей, ведет свой род от иудейского царя и пророка Давида. На фамильном гербе Багратидов, поныне сохраняемом в доме их потомков, князей Грузинских, изображается праща, убившая Голиафа, гусли Давида, весы – символ царственной правды и мудрости, и хитон Господень; герб окружен надписью из псалма сто тридцать первого: «Клялся Господь Давиду в истине и не отречется ее: от плода чрева твоего посажу на престоле твоём».

При этой династии однообразие исторической борьбы с персиянами было нарушено нашествием новых завоевателей – аравитян, которые с огнем и мечом проповедовали Коран там, где еще не успели потухнуть жертвенники огнепоклонства.

В середине VII века полководец Омара Халид, называемый Мечом Божиим, послан был для завоевания севера, покорил Грузию, и Тифлис на четыреста лет сделался местопребыванием наместников арабских. Владычество арабов не мешало, однако, развиваться в стране бедственным племенным и династическим раздорам, прерываемым набегами хищных соседей, пока турки-сельджуки не появились на сцене истории. Сделавшись в середине XI века властителями всей Западной Азии, они превратили могущество багдадских халифов в одну призрачную тень и снова внесли дух завоеваний в мусульманский мир. Сельджукский султан

Алып-Арслан со сотысячным войском двинулся в Армению и, разослав оттуда отряды во все стороны, подверг и Грузию всем бедствиям вражеского нашествия. Три года спустя нашествие повторилось; никакое войско не могло устоять против сокрушительного натиска турок. Подобно опустошительному горному потоку, неудержимо разливались они по трепещущим странам; пылавшие города и селения обозначали путь их. Кахетия и Картли были опустошены, Тифлис взят и разрушен. Подобные нашествия повторялись периодически, и десять лет спустя, в 1078 году, Тифлис снова должен был испытать все ужасы турецкого варварства, а по берегам Куры и Алазани тогда же поселились хищные орды татар, беспрерывно грабивших города и села.

К бедствиям от турок присоединились страшные явления природы, которые народ принимал за явный знак кары Божьей за то, что люди в это время оставляли истинный закон, принимали магометанство и предавались порокам. Однажды, в самый день Воскресения Христова, по словам летописца, было такое землетрясение, что высокие горы и крепкие скалы разметались в прах, города и селения рушились, дома делались могилой обитателей, и погибло множество людей. Громадные бедствия страны прекратил великий Давид II Возобновитель, сумевший вернуть Грузии могущество и славу.

Когда Давид Возобновитель (1089–1125) вступил на престол шестнадцати лет от роду, вся Картли лежала в развали-

нах, Тифлис и многие области были заняты турками, в Имеретии самоуправно властвовали греческие императоры под тем предлогом, что они единственные покровители единоверного царства, и лишь горы и ущелья Абхазии были безопасным убежищем для царя и народа, а царской резиденцией был Теагулистав у горы Лихи. В то же время буйные орды мусульман, завладевшие плодоносными урочищами вокруг Тифлиса, неистовствовали в Картли и Кахетии. Персы терзали окраины царства, и даже армяне делали беспрестанные набеги в пределы единоверной страны. Цветущие местности превратились в пепелища, плодоносные поля – в пустыни. И царю предстояла великая задача залечить тяжелые раны царства. На помощь к нему пришли начавшиеся тогда Крестовые походы, отвлекшие полчища турок и давшие возможность развернуться собственным силам отдохнувшей Иверии.

На опустошенные врагами равнины Давид пригласил горных осетин, и те охотно согласились променять свои бесплодные скалы на плодоносные земли Грузии. С помощью их он и совершил великое дело освобождения родины. Как только узнал он, что франки овладели Иерусалимом, он тотчас сбросил позорное иго турок, перестав платить им дань. И это был истинный подвиг, совершенный Давидом в самом начале царствования.

Но не вдруг и не так легко отказались турки от своих притязаний на Грузию, и освобождение ее стоило много крови

и им, и Давиду. С малым числом своих войск он поражал сильных врагов и, начав с Абхазии, окончил свои подвиги в Дербенте, сломив железные ворота, устроенные там со времен халифата.

Нашествия врагов во все время его царствования следовали одно за другим непрерывной чередой, но в ужасе сдавались вожди сельджуков и персов, не знавшие дотоле поражений, и оставляли в руках его пленных и сокровища, которыми он обогатил свое царство. Так, когда осенью 1121 года несметные арабские полчища вторглись в Триолетскую область, одной битвы достаточно было, чтобы их рассеять, и весь стан Давида наполнился золотом, серебром, великолепными чашами пиршества, драгоценными коврами и оружием; арабские кони сделались обыкновенными – так их было много в грузинском лагере; сирские вожди доставались пленниками простым поселянам.

Тифлис, столица Грузии, однако, долго еще оставался в руках сарацинов, крепко сидевших в его цитадели. Но Давид и не заботился об этом, зная, что, прочно утвердившись в стране, нетрудно овладеть столицей, и уже только в конце своего царствования, в 1122 году, внезапным нападением захватил Тифлис в свои руки. И тогда от моря Черного до моря Каспийского все покорилось его владычеству. И силы страны настолько возросли, что она могла отрядить уже своих сынов в далекую Палестину на борьбу с врагами креста. Бурное море поглотило первых доблестных ратников Грузии, но

бедствие не охладило ревности новых избранников, которые благополучно достигли Святой земли и заодно с крестоносцами подвизались там за освобождение Гроба Господня из рук неверных.

Лично Давид, отличаясь мужеством, никогда не оставался позади дружин и первый устремлялся в битвы. Он был исполин и силач. В Гелатском храме (близ Кутаиса) поныне хранится перстень царя, в который свободно входят два пальца обыкновенного человека. На стенах этого монастыря – так же, как Марткопского, – сохранился портрет Давида; длинная борода отличает его от ликов последующих царей, и по сравнению с ними заметен исполинский рост царя Возрождения.

Гелатский храм и монастырь во имя Божьей Матери Давид соорудил в благодарность Богу, помогшему ему соединить под своей властью все древнее царство Багратидов. Обширностью, красотой, обилием мрамора здание это превосходило все, что до того времени было сооружено в Иверии. В нем Давид впоследствии поставил древние престолы побежденных им персидских царей Хозраидов, их золотые светильники, венцы, ожерелья, а также чаши царей арабских, взятых им в плен.

В Дарьяльском ущелье, на высокой скале, угрюмо нависшей над самой Военно-Грузинской дорогой, видны развалины древних ворот, запиравших некогда вход в грузинские земли. Эти ворота, основанные задолго до Рождества Хри-

стова царем Мирваном и потом разрушенные, были возобновлены Давидом и составляют один из памятников, оставленных им в Грузии.

Проводя всю свою жизнь в тревогах ратных, одной рукой сокрушая врагов и другой поднимая опрокинутое ими, Давид умел владеть не одним мечом: он был величайшим богословом своего времени. Ничего так не любил победоносный царь, как чтение Священного Писания. При нем было два собора для исправления церковных книг, а на добытые от врагов сокровища строились церкви и при них учреждались школы для образования юношества.

Давид умер во цвете сил, пятидесяти трех лет, оставив свое царство могущественным и спокойным. Народ грузинский прозвал его Возобновителем, а церковь причислила к лику святых. Умирая, Давид избрал местом своего успокоения порог созданной им Гелатской церкви, для того чтобы всякий, переступающий через могилу царя, помолился за душу его. Над могилой своей он повелел поставить некогда плененные им железные Дербентские ворота, которые, замыкая храм, служили царю надгробным мавзолеем. На церковном пороге и поныне лежит большая гранитная плита, а на ней большими грузинскими буквами начертано: «Се покой мой во век века, zde веселюся, яко изволих и». Одной половины железных ворот уже нет; как говорят, она употреблена для гвоздей на церковную крышу. Но другая половина существует и поныне. Арабская куфическая надпись на ней

гласит, что ворота были скованы во имя Бога благого и все-милосердного славным эмиром Шавиром, сыном эль-Фазла, в 455 году геджры, в 1077 году христианской эры.

Но кости святого царя недолго оставались в назначенной им могиле: Соломон Великий впоследствии перенес их в тайное место под своды соборного жертвенника, чтобы спасти от хищных лезгинов.

Период могущества Грузии продолжался сто двадцать лет, от Давида до кончины правнучки его Тамары. Грузинские летописи не находят никого равным этой великой царице, кроме Вахтанга Гург-Аслана и Давида Возобновителя, и называют ее не иначе как царем, а не царицей.

Народ в течение семи веков горделиво хранит память великой жены, подарившей его некогда могуществом и славой, и окружает ее имя ореолом поэтических легенд, приписывая царице Тамаре все славные дела и величавые памятники Грузии. В каждой местности страны полумифический образ великой царицы принимает свой особенный оттенок, выражающий представление народа о чем-то высшем, недостижимом. Так, в Сванетии, где имя Тамары осталось единственным памятным для народа историческим именем, из воинственной жены она сделалась предметом суеверного религиозного почитания и вместе с тем идеалом чарующей волшебной красоты. Песни сванов увенчивают смертную, подверженную страстям своего пола, обожаемую царицу золотой диадемой, одевают ее в светоносные одежды и украша-

ют драгоценными камнями — и это высший образ, до которого могла дойти наивная народная фантазия. Предания рисуют Тамару великодушной и щедрой, и одна из легенд рассказывает следующее. В торжественный день, когда царица собиралась в Гелатский собор и прикрепляла драгоценные лалы к царской повязке, ей пришли сказать, что нищая просит милостыни у дверей ее монастырского терема. Царица велела ей подождать, а когда вышла, то нищей уже не было. Смущенная Тамара, упрекая себя, что отказала убогой в милостыни, сняла с себя бывшую виной ее замедления повязку и надела на венец Богоматери.

Достоверная история, переплетенная легендарными преданиями, в следующих чертах рисует судьбу и деятельность царицы Тамары (1184—1212). По свидетельству русского историографа, она вышла замуж за сына Андрея Боголюбского, Георгия, который в первое время озаменовал себя славными победами. Однако по причинам, о которых нет достоверных сведений, брак этот скоро был расторгнут, и Георгий удалился в Константинополь. Когда по настоянию народа Тамара должна была выбрать себе второго мужа, то из многочисленных искателей ее руки, в числе которых предание называет сыновей греческого императора и испанского султана, она остановилась на осетинском князе Давиде Сослане (то есть Прекрасном), происходившем также из рода Багратидов. Но Георгий не смирился с потерей трона и скоро появился в Грузии с греческим войском. Он нашел в стране

немного приверженцев и скоро, разбитый, был выдан в руки царице. Великодушная Тамара дала ему свободу с условием оставить навсегда Грузию.

Между тем Грузии предстояла борьба с персами, сарацинами и турками, никогда не оставлявшими своих притязаний и набегов даже во времена ее наибольшего могущества.

Сослан ходил в Персию, одержал много побед и, взяв Ганжу, овладел огромной добычей; множество пленных, лошадей, верблюдов, золотых и серебряных сосудов были наградой победителей, а вслед за тем Тамара послала войска выгнать турок из Карса, и при появлении грузин неприятель бежал, оставив крепость без боя. Тогда знаменитый султан Алеппо, удивленный победами иверийцев, послал против них восьмисоттысячную армию, в которой было сто тысяч одной кавалерии. Рыцарственный Нурредин известил Тамару о нашествии, обещая милость ей, в случае согласия быть его женой, и каждому, кто примет ислам. Но когда посланник объявил эту волю султану, то, как говорят, воевода Захария Мхарзели (Долгорукий) ответил ему пощечиной, повергшей его замертво на землю. Вызов был принят, и война началась. Грузины, встретив необъятный лагерь султана в Бассионе, первые начали кровопролитнейшую из битв и нанесли туркам решительное поражение. Пленных, по преданию, было взято так много, что на каждого грузинского воина их приходилось по двадцать; сокровища переполнили лагерь победителей, и при царском столе с тех пор не упо-

требляли других сосудов, кроме серебряных и золотых; драгоценные же камни и жемчуг мерили мерами.

Несметные богатства, приобретенные Тамарой в войнах, послужили поводом к столкновению Грузии с Византией. Корыстолюбивый император Алексей Ангел, узнав о богатых дарах царицы монастырям, однажды приказал ограбить монахов, проходивших из Грузии через Константинополь. Разгневанная Тамара начала с императором войну и овладела Трапезундом и другими областями по северному побережью Черного моря. Из них Тамара впоследствии и образовала Трапезундскую империю с целью затруднить распространение магометанства на малоазиатских и кавказских берегах.

На двадцать четвертом году царствования Тамара овдовела, но личное горе не мешало царице вести Грузию по пути развития и славы, и военные дела ее не прекращались до самой смерти.

Ее политическая выдержка и воинская отвага ярко выражаются в следующем эпизоде. В 1208 году султан Ардебильский, в Великую субботу, когда все были в церкви, внезапно подступил к Ани, ворвался в город и произвел страшное кровопролитие. Двенадцать тысяч жителей были убиты, и город разграблен. Тамара решилась отплатить султану подобным же поступком. Она дождалась мусульманского поста, и в самую ночь полнолуния, лишь только крик муллы с минарета пробудил правоверных, войска Тамары ворвались в Арде-

биль и мгновенно овладели им. Двенадцать тысяч жителей, как в Ани, были убиты, город разграблен и разрушен, а султан с женами и детьми отведен в плен. В последовавшем затем походе на Иран грузинское войско, овладев Тавризом и разграбив в Хорасане Гургану, взяло столько добычи, что не могло уже продолжать поход и возвратилось домой. Города и селения по дороге выносили победителям дары, и грузины с торжеством вступили в Тифлис.

Влияние царицы распространилось далеко в Осетию, за хребет Кавказский: непокорные горцы смирились перед ее оружием и принимали крещение. Следом за грузинским воином шли грузинский священник и армянский купец – и по течению Куры, Алазани, Лиахвы и Терека развивалась деятельная жизнь и христианская гражданственность.

Эпоха Тамары не была только эпохой военного могущества, а почитается и золотым веком литературы и просвещения. В ее время жил знаменитый Шота Руставели – Гомер Грузии, оставивший после себя бессмертную поэму «Витязь в тигровой шкуре», стоящую во главе грузинской поэзии.

Легендарная история, приписывающая Тамаре все замечательные памятники Грузии, не далека от истины, потому что множество памятников оставлено именно ею. Тамара повсюду оставила после себя неизгладимые черты своей деятельности и, как выражается один из историков, «написала свое имя каменными твердынями на горах и долинах Грузии». Церкви и кресты на неприступных скалах, внутри са-

мых диких ущелий на Черном и Каспийском поморье и даже по ту сторону гор – немые свидетели ее величавой эпохи.

В Картлийском ущелье поныне видны развалины одного из храмов, созданных Тамарой, особенно памятного тем, что в нем хранилась чудотворная икона Иверской Божьей Матери, драгоценный дар Тамары осетинскому народу, родственному ей по мужу. Храм этот два раза был разрушен пожаром, и два раза икону Богоматери находили под грудой развалин и пепла невредимой. Шестьсот лет пребывала икона в Картлийском ущелье. Но когда магометанство ворвалось в Кавказские горы, а русское правительство пригласило горцев-христиан за Терек, к Моздоку, святая икона Иверии становится русской святыней.

Сохранилось предание, что когда в 1793 году партия горцев прибыла к Моздоку с иконой и тогдашний епископ Моздокский, встретив ее с крестами и хоругвями, внес в собор, то Богоматерь особенным чудом известила, что икона должна остаться вне города, в том месте, где она остановилась и провела ночь на смиренной арбе. Там соорудили часовню, а впоследствии воздвигли деревянный храм во имя Успения Божьей Матери. И ныне русские паломники стекаются сюда на поклонение иконе со всего Кавказа и из самых отдаленнейших мест русской земли.

Самый поэтический памятник Тамары – Вардзия, замок Роз. Верхнюю Картли Тамара почитала лучшим перлом своего венца, и там, в окрестностях Ахалцихе, в крутой обры-

вистой скале она вырубил этот роскошный дворец, вмещавший в себе до трехсот шестидесяти покоев. Путешественник и поныне может видеть остатки этого величественного царского жилища, в котором среди келий и коридоров в недрах земли сохранился храм огромных размеров, украшенный фресками, и посреди этих фресок какое-то странное и волнующее впечатление производит изображение самой древней полумифической царицы, во весь рост стоящей перед зрителем. Тут же, в боковом приделе церкви, виден каменный балдахин, под которым, вероятно, была похоронена Тамара, скончавшаяся в своем любимом замке Роз в 1212 году. Но настоящая могила ее остается неизвестной. Есть мнение, что царица похоронена в Гелатском монастыре; другие указывают ее могилу в Сванетии. Грузинские племена неохотно расстались со своей умершей царицей, и каждое хотело бы найти у себя место ее вечного успокоения. Грузинская церковь празднует память Тамары в Неделю мирносиц.

Невольно останавливает на себе внимание тот факт, что в Грузии, стране полувосточной, где женщине в общественном строе отведено такое незначительное место, высший идеал человека нашел себе олицетворение в образе женщины. Святая Нина – идеал высоты нравственной, царица Тамара – идеал героя и мудрого правителя. Нина и Тамара – самые любимые имена грузин.

С кончиной Тамары все изменилось, как будто она унес-

ла в могилу счастливые дни своей родины. Два последующих царствования – сына и дочери ее, полные внутренних смут и неурядиц, служили как бы предвестием страшному бедствию, скоро охватившему всю страну. Уже во время бесславного царствования Георгия IV, сына Тамары, показались передовые отряды монголов. Одно из полчищ Чингисхана заходило в Грузию, и на реке Берджудже грузинское войско, во время Тамары не знавшее ничего, кроме побед, понесло страшное поражение. Но татары, не имея повеления завоевывать Грузию, прошли грозой по стране и скрылись на время в глубину азиатских степей. Но не прошло и десяти лет, как преемник Чингисхана, Гаюкхан, наводнил полчищами всю Азию, и татары снова появляются в несчастной Грузии, только что перед тем опять опустошенной нашествием арабов под предводительством Джелал-ад-Дина. Как Божий бич прошли монголы через страну, налагая «слой монгольского варварства» на все народы и царства Кавказа. За Гаюкханом следовал страшный Батый, уже подчинивший Грузию правильному игу; он сделал перепись и обложил народ тяжелой данью.

К бедствиям монгольского нашествия присоединилось в 1259 году чреватое бедой, вызванное хитрой татарской политикой первое разделение Грузии на два независимых царства: собственно Грузию и Имеретию.

Рабство скоро принесло свои обычные плоды: как некогда на Руси, худшие из царей, из личных своих видов в ди-

настических раздорах, жертвовали благом страны; лучшие, ратовавшие за дело отчизны, становились жертвами произвола ханов. Подобно русским князьям, замученным в Орде, погиб грузинский царь Димитрий, названный Самопожертвователем. Вследствие интриг заподозрив его в неверности, хан Агрун, стоявший уже на границе Грузии с целью мстить народу за мнимую измену царя его, потребовал Димитрия к себе. Димитрий, зная причину ханского гнева и несправедливость клеветы, решился лучше пожертвовать собой, чем вызвать страшное нашествие на родину. Чтобы обезоружить подозрения хана, он взял с собой и малолетнего сына своего Давида. Но ничто не могло смягчить подозрительного деспота – Димитрий был заключен в тюрьму и обезглавлен (1289). Бывшие с ним грузины ценой золота купили тело царственного мученика у стражей и тайно перевезли в Мцхет.

Это была та же судьба, которую пришлось испытать и русскому народу. И потому-то «из всех национальностей, вошедших в круг русского отечества, – говорит один писатель³³, – не найти нигде русскому человеку столь искренней и братской дружбы, как в сердце грузина. И Русь и Грузия подружились еще в те дни общей скорби, когда с поникшим челом носили яссак в Золотую Орду и там встречались. А дружба, завязанная в общем несчастье, глубока и несокрушима, как братство».

Бедствия монгольского ига продолжались вплоть до Ге-

---

³³ И. Д. Попка.

оргия V (1318–1346), прозванного Блистательным, напоминавшего собой эпохи лучших венценосцев Грузии. Первым делом Георгия было наказать осетин, пользовавшихся несчастьем страны и беспокоивших ее своими набегами; он сделал их своими данниками. Вслед за тем, прекрасно понимая ослабление Монгольского царства, раздробившегося на части, он смело поднял оружие и выгнал татар из пределов Грузии. Между тем междоусобные раздоры слабых претендентов на престол Имеретии дали ему возможность совершить другое великое дело. Помня, что сила страны заключается в единстве, он воспользовался благоприятными обстоятельствами и, присоединив к своим владениям Имеретию, стал снова единым царем всей иверской земли.

При Георгии V и его наследниках залечивались язвы страны, возникали из развалин города, строились церкви, возобновлялись крепости. Казалось, многострадальной Грузии дано было отдохнуть от ее зол, но только для того, чтобы собраться с силами для перенесения новых испытаний. Готовилось нашествие страшнее монгольского. Тамерлан явился на горизонте испуганной Азии. При внуке Георгия Блистательного, Баграте Великом, необыкновенно счастливо царствовавшем уже двадцать пять лет, гроза, сокрушившая и дальние и близкие царства, надвинулась на Грузию. Но грозный завоеватель встретил здесь столь сильное сопротивление, какого он, по свидетельству самих монгольских сказаний, не встречал при разорении могущественных государств Китая,

Кабула, Бухары и Персии. Тамерлан вступил в Картли в 1387 году со стороны Карса со всеми ужасами варварства, разрушая все крепости, не оставляя целой ни одной башни; путь его побед обозначался дымом пожаров, развалинами, грудями мертвых тел и пирамидами из многих тысяч голов. Царь Баграт, видя себя не в силах бороться со страшным завоевателем в открытом поле, заперся в Тифлисской крепости. Кровавопролитна была полугодовая осада, но сила одолела мужество: царь очутился пленником перед Тимуром. Оставив в Тифлисе гарнизон, Тимур отправился в Карабах, ведя за собой пленных и караваны добычи. Из Карабаха он снова отправил войско в Картли, приказав «не щадить никого и ничего и разрушить все до основания». Пока татары в точности исполняли приказание своего повелителя, Тимур с огнем и мечом прошел весь Дагестан и поселил у подножия Кавказа магометанские племена, чтобы их влиянием удержать в зависимости обширный край. С тех пор стало там угасать христианство, насажденное с таким успехом Давидом и Тамарой.

Чтобы освободиться из плена, Баграт притворно принял магометанство и даже предложил Тамерлану обратить к исламу всех своих подданных, для чего и просил у него войска. Обрадованный Тамерлан осыпал царя дарами и отпустил с ним двенадцатитысячный отряд. Но по тайному уговору Баграта с сыном этот отряд был поголовно истреблен на берегах Берджуджи. Тогда раздраженный Тимур с огромным

войском сам двинулся на Грузию. В окрестностях Тифлиса произошла кровавая сеча, в которой погибла пятая часть Тамерланова войска, но грузины все же не могли продолжать открытую борьбу и скрылись в горы. Баграт вскоре умер, но сын и наследник его, Георгий VII, энергично продолжал борьбу. Еще несколько раз Тамерлан вторглся в Грузию и ни разу не встретил покорности – грузины уходили в горы, вели партизанскую войну и при каждом отступлении неприятеля отнимали у него обозы и награбленные сокровища. Наконец, при посредстве одного из любимцев Тимура Георгию удалось примириться с завоевателем ценой незначительной дани.

Разорение страны после нашествия Тамерлана было громадно. Тогда разрушен был до основания Мцхетский собор, и многие церкви с тех пор так и не восставали из развалин. Чем был Тимур для покоренных им жителей, могут служить оставшиеся на Кавказе следы его нашествий и предания. Не доезжая двух верст до Закатал с Мугамлынской переправы, недалеко от дороги, с левой стороны, набросана огромная конусообразная куча камней, печально осеняемая несколькими тузовыми деревьями. Это след страшного истребления всего, что не успело спастись тогда в горы. Тимур-Ленг имел обычай, после поголовного избиения жителей какой-нибудь страны, собирать в одно место головы убитых – их количеством он измерял свое могущество и царское величие. И в тот раз головы убитых были собраны и сложены пирамидаль-

но на то именно место, где находится теперь куча камней, и место это поныне называется Баш-Кала, то есть Башня из человеческих голов.

Уничтожая взрослых, Тимур не оказывал никакой пощады и молодой жизни. Однажды он приказал перевязать и уложить малых детей так, как татары обыкновенно укладывают хлеб для молотьбы. Орудием для этой работы служит особого устройства доска, нижняя сторона которой усажена мелкими острыми камнями; везя эту доску по снопам, и выбивают зерна из колосьев. Этим-то варварским способом были истреблены дети. Зверский поступок Тамерлана создал у лезгин даже поговорку: «С тобой надо сделать так, как Тимур делал сахирман (ток)».

В другой раз, как рассказывает один из очевидцев той эпохи, жители какого-то города, навлекшие на себя гнев Тамерлана, выслали для умиловливания его своих детей. При виде малюток, шедших с песнями из Корана, в Тимуре возгорелся дух истребления. Он помчался на них на коне и приказал скакать за собой своей коннице. Несчастные родители, стоявшие на городских стенах, были свидетелями ужасной гибели своих детей, растоптанных татарскими конями.

Недаром Тимур пользовался на Востоке страшной славой, и недаром с самым рождением его связана страшная же легенда. Она говорит, что младенец Тимур появился на свет с куском запекшейся крови на руках и с белыми, как у старца, волосами.

После Тамерлана Георгий, а потом брат его Константин тщетно старались восстановить силы страны, а последний, вмешавшись в дела турок, попал даже в плен и был замучен с варварской жестокостью. Нелишне сказать, что тело его покойся в пещерном храме Вардзии, построенном Тамарой, и некоторые принимают могилу его за гроб великой царицы.

Но в сыне Константина Александре I (1414–1442) снова возрождается доблестный дух древних грузинских царей. Победоносный над врагами, он сделал много и для залечивания ран страны, и для народного просвещения; ему же принадлежит и заслуга восстановления из развалин великолепного Мцхетского собора. Но в конце своих дней, утомленный царственными заботами, Александр удалился в обитель и принял иноческий сан, передав престол сыну своему, Вахтангу IV.

Какая обитель приняла под мирную сень свою царственного труженика – неизвестно. В пустыне Гареджийской показывают могилу царя-инока Александра, но и в грамотах Мцхетского собора записано также, что «смиранный царь Александр устроил для себя особый погребальныи придел, не смея возлечь в обновленном им соборе».

Три года спустя Александр умер, а вслед за ним сошел в могилу сын его Вахтанг – и Грузия осиротела. Начинается эпоха не тех бедствий, которые воспитывают дух единства и любви к родине, не нашествий иноплеменных и борьба против них, настает время разделения, воспитавшего дух раздо-

ров, соперничества царей и кровавых междоусобий. Не прошло и десяти лет, как против второго сына Александра, Георгия VIII, начались восстания, и царство распадается на четыре царства, готовя почву для внутреннего истощения сил страны и народа. Среди возникших междоусобий и сам Георгий едва не погибает жертвой кровавого изменнического заговора. Он спасся исключительно благодаря доблестному самопожертвованию Иофама Зедгинидзе, который, угадывая намерение заговорщиков, лег на царскую постель и был ими изрублен.

И вот возникают четыре независимые государства: Баграт основывает Имеретию, Давид – Кахетию, эристави Кварква-ре – атабекство Самхетское, и Георгий остается царем только Картли. Рядом с этим стремятся к независимости и еще четыре княжества, из которых Сванетия и Абхазия управляются князьями из рода Шервашидзе, а Менгрелия и Гурия получают правителей с наследственными титулами Дадианов и Гуриелей, обратившихся впоследствии им в фамилии. И с этих пор некогда единая грузинская земля становится не поприщем защиты самобытности народной, а ареной борьбы турок и персов, из которых каждый претендует на влияние и обладание Грузией. Ряд незначительных царей отдельных земель следует за новым рядом, междоусобия сменяются междоусобиями, периодически прерываемыми нашествиями то персов, то турок, уже не встречающих прежнего доблестного сопротивления в энергии и чувстве независимости народ-

ной; и все чаще и чаще народы Грузии обращают взоры на север, ища покровительства и защиты России. Из повести доблестей история Грузии становится историей только нашествий.

Впоследствии Грузия сделалась постоянным яблоком раздора между персами и турками. Турки стремились в нее со стороны Имеретии и черноморского побережья, персы – со стороны Кахетии и Картли; эта борьба между ними отражалась на стране так, что освобождение от одних обозначало нашествие других. Так, в 1518 году Тифлис берут, разоряют храмы и ставят в нем мечети персы; в 1578 году то же делают турки, воюя с персами и изгоняя их из Грузии. И так далее. К довершению бедствий старые враги, лезгины, пользуются слабостью страны, и набеги их становятся беспрестанными. Десятки тысяч суровых питомцев гор ежегодно спускаются в долины и грабят Грузию с двух сторон: или переправляясь через Алазань у Сигнаха и опустошая Кахетию, или же пробираясь горами Ганжийской и Эриванской областей в Ахалцихе и вторгаясь в Сванетию и Картли.

В целом ряде царей если и являются светлые личности, как, например, Леван I Кахетинский (1520–1574), доставивший своему царству несколько лет благоденствия, то и они не изменяют общего хода дел и бессильны освободить страну от вражеских нашествий и внутренних раздоров.

Из событий этой мрачной эпохи выдвигается разве странный и по поводам и по исполнению крестовый поход с це-

лю защиты святого гроба от одной магометанской секты в пользу другой. Поход этот был совершен в 1524 году по просьбе турецкого султана Солимана, призывавшего грузинских царей в Иерусалим для освобождения Гроба Господня «из рук неверных»; он, вероятно, разумел под именем неверных мусульман-шиитов. Грузинская летопись говорит, что главным военачальником похода явился Леон, царь Кахетинский, и что ему содействовали своими силами цари Имеретии и Картли. Крестовый поход этот несомненен, потому что имя великого Леона записано на мраморе Голгофы. Летопись же поясняет коротко, что святой гроб был освобожден, и «цари, осыпав своими благостынями святыя места, со славою возвратились в отечество».

Дни несчастий, последовавших за разделением царства Грузинского, очень скоро сделали необходимым обращение грузинских царей к России, и уже третий кахетинский царь, Александр II (1492–1511), искал защиты в русском царе Иоанне III, называя его «надеждой христиан и подпорой бедных». Столетие спустя Александр III Кахетинский (1574–1605), опасавшийся мщения Персии за склонность к туркам, тайно посылал в Москву духовных и светских лиц со слезной просьбой к царю Федору Иоанновичу, прося принять Кахетию под свою высокую руку и тем исхитить ее из рук неверных. «Настали, – писал он, – времена, ужасные для христианства; мы, единокровные братья христиан, стенаем от злочестивых; один ты, венценосец православия, можешь спасти

нашу жизнь и душу; бью тебе челом до лица земли, да будем твои во веки веков».

С Александром III мы вступаем в эпоху персидского шаха Аббаса Великого, напомнимшего Грузии времена Батыя и Тамерлана.

II. ЭПОХА ПЕРСИДСКОГО ВЛАДЫЧЕСТВА В ГРУЗИИ (Шах-Аббас)

Величайший из шахов Персии, Лев Ирана, как его называют история и народ, Шах-Аббас занимал персидский престол на самом переломе XVI и XVII веков. Это была одна из тех исторических личностей, отмеченных судьбой, которым суждено изменять лицо земли, разрушать и основывать царства. Его значение собственно для Грузии было так громадно, что народ грузинский связал его имя с целым рядом грандиозных легенд. По представлениям народным уже самое рождение его было знамение грядущих бед, отмеченных пророческой катастрофой.

В тот самый вечер и в ту самую минуту, когда Шах-Аббас родился, великое землетрясение, как знамение Божьего гнева, разрушило древнейшую святыню Грузии – обитель Святого Георгия, находившуюся в окрестностях города Телави.

Это землетрясение, о котором свидетельствуют и летописи конца XVI века, было до такой степени местное, что его не

слышали даже в Телави, стоящем от монастыря не далее как в двадцати верстах. Царь был в это время на охоте. В тихий и ясный вечер, окруженный придворными, охотниками и телохранителями, он проезжал мимо обители; зурна оглашала леса и горы, азарпеша переходила из рук в руки, и никто не хотел смотреть на старцев, вышедших за монастырскую ограду с поклоном. Вдруг прокатился подземный гул, земля встрепенулась, и вековые здания покровителя Иверии покачнулись, наклонились долу и рухнули с ужасающим треском. Что произошло тогда в царском поезде, трудно изобразить. Большинство всадников вылетело из седел, многие упали вместе с конями; царь был в числе последних и при падении тяжело расшибся. Между тем наступили сумерки, налетела с гор страшная буря, туча нависла над Телави, и смущенный народ, собравшийся на встречу царя, пустился по домам. Тогда из толпы возвысился грозный обличительный голос какого-то юродивого.

– Тавады, нацвалы и народ! – вскричал он. – В ваших глазах поник к земле величайший из храмов православной земли. Его высокое чело отразило бури веков, а теперь поникло – в тихий час вечера, в кротком сиянии умирающего дня. Поистине это великое знамение грядущих на нас бед, ибо неправды наши превзошли высоту наших храмов. В эту самую минуту родился в Иране жрец, который придет заклать нашу свободу, и путь его обогрится нашей кровью. Плачьте, грузины! Родился Шах-Аббас!

Прошли десятки лет, и Шах-Аббас является властителем Ирана (1585–1628). Гениальный политик и великий полководец, он верно оценивает важное значение Грузии для своего государства в борьбе его с Турцией и направляет все силы на то, чтобы не только не упустить своего влияния на страну, но совершенно слить ее с Персией, последовательно распространяя в ней религию, язык и нравы персидского магометанства. Встречая сопротивление в духе народном и выведенный раз на путь кровавого нашествия, он не поселяет магометан у подножия Кавказских гор, как делал это Тамерлан, а, напротив, разоряя города, силой уводит христиан в Персию. До сих пор около Испагани есть много деревень грузинских и армянских, жители которых, утратив веру, сохранили язык своих предков. Царей грузинских земель шах старался приближать к своему двору, царицы нередко воспитывались в столице шаха, усваивая там нравы, понятия, а иногда и веру персов.

Царь Кахетинский Александр III со своей склонностью к туркам и сношениями с русским царем Борисом Годуновым является прямым и непосредственным противником политики Шах-Аббаса, и первые удары ее обрушиваются именно на него. Мирные средства Шах-Аббаса, как всегда, состояли прежде всего в последовательном проведении принципа *divide et impera* – разделяй и властвуй. И после того как шах в войне с Турцией имел возможность убедиться в ненадежности Александра, он устроил так, что вооружил против него

собственных его детей.

На этом примере можно видеть, какой разврат власти вносил Шах-Аббас в Грузию, каким полным нравственным разложением грозил он ей, как несомненно добился бы всех своих политических целей, если бы своим крайним направлением не вызвал другой крайности – крайности отчаяния. И мы увидим в дальнейшей истории Шах-Аббаса ряд великодушных граждан, в которых не вымерли еще остатки древней доблести и способности самопожертвования, спасшие Грузию от последствий всеразлагающего влияния персидского политика.

Вызванный шахом дух измены и раздоров в семье Александра получил свое первое выражение в том, что старший сын его, царевич Давид, с позволения персидского двора заключил брата Георгия в крепость, отца – в темницу и сам завладел престолом (1605). Когда в том же году умер другой сын Александра, Константин, принявший при Шах-Аббасе магометанство, с персидским войском явился в Кахетию и завладел престолом, убив отца и брата. Но ценой не одних преступлений он купил престол, а и обязательством, данным шаху, прекратить всякие сношения с Россией и поставить Кахетию в вассальную зависимость от Персии. Грузию спасла на этот раз царица Кетевань, вдова Давида II. Она разбила приверженцев Константина, убила его самого и стала править именем сына своего, Теймураза. Хитрый шах внешне примирился со смертью преданного ему царя и, как говорят,

сказав: «Отцеубийца достоин смерти», утвердил на престоле Теймураза, бывшего в то время при персидском дворе. «Ступай в Кахетию и постарайся не допускать волнений в этой стране», – сказал он Теймуразу.

В то же самое время картлийский царь Георгий X, не согласившийся принять магометанство, был отравлен, и престол его отдан Шах-Аббасом сыну его, Лаурсабу II (1605). Но в первые же годы царствования Лаурсаба случилось обстоятельство, получившее фатальный смысл. Еще в царствование отца Георгия X, Симона I, когда над Картли гремели военные бури и страна была раздираема междоусобиями, из небогатой дворянской семьи выдвигается некто Георгий Саакадзе, которому суждена была замечательная роль в истории грузинского народа. Отличаясь наружной красотой, даром слова и силой убеждения, отвагой и решимостью, он при первом же появлении на военном поприще обратил на себя внимание. Симон возвел его в достоинство тархана; преемник Симона, Георгий X, пожаловал его званием владетельного князя с титулом моурава, и молодому Саакадзе не было еще и двадцати семи, как он уже сделался самым приближенным лицом к царю Лаурсабу. Гордая грузинская аристократия не могла снести быстрого возвышения человека незнатного дворянского рода, начались интриги, и от царя Лаурсаба потребовали даже смерти моурава. Саакадзе, вероятно, пал бы жертвой аристократии, но в это самое время случилось, что возвращавшиеся из Персии грозные турецкие силы

надвигались на Грузию со стороны Триолетских гор. Передовой грузинский отряд, посланный под предводительством двух лучших грузинских полководцев, Захария и Ярали, был истреблен вместе с предводителями в горных теснинах, и неприятель занял Манглис и Квельту. В Квельте турки схватили священника Федора, известного в то время своими учеными трудами, и под угрозой смерти потребовали от него, чтобы он провел в местопребывание царя летучий отряд, намеревавшийся захватить Лаурсаба. «Не пожертвую вечной жизнью временной, не буду предателем царя», – сказал себе этот грузинский Сусанин. Он завел врагов в непроходимые горные дебри и, спасая царя, сам погиб мучительной смертью. Но опасность от того для страны не миновала, и царь из Цхиретского замка с отчаянием в сердце смотрел на несметные вражеские войска, покрывавшие живописные долины. И вот в этих-то трудных обстоятельствах, когда гордая аристократия потеряла голову, Саакадзе берет на себя спасение родины, требуя себе лишь права полного распоряжения битвой.

На следующий день в Схеретской долине, на берегах Куры, началось сражение. Слабые числом, но подвижные ненавистью к пришельцам и воодушевленные своим предводителем, грузины бросились в рукопашную битву, и сам Саакадзе рубился в передних рядах. Турки не уступали. Но тут случилось, что храбрый князь Заза Цицианов, пробившись до самого паши Дели-Мамад-хана, сбил его с лошади и, соскочив

с седла, успел отсечь ему голову, прежде чем турецкие всадники подоспели на выручку. Держа голову паши в зубах за длинную бороду, Цицианов отчаянно пробился сквозь ряды окруживших его врагов и, покрытый кровью, бросил к ногам царя свой страшный победный трофей. И это обстоятельство решило победу. Крики восторга встретили героя в рядах грузинских войск. Турки, пораженные увиденным, побежали, и грозные полчища были истреблены горстью грузин.

Царь и двор на третий день посетили Саакадзе. Там Лаурсаб увидел сестру его, отличавшуюся замечательной красотой, увлекся ею страстно и порешил на ней жениться. Напрасны были советы моурава, предчувствовавшего печальные последствия неравного брака, напрасны были убеждения царицы-матери и настояния двора – царь не отказался от своего намерения, и брак состоялся. Сильные князья и вассалы, оскорбленные поступком царя, восстали на него поголовно и во имя поддержания трона, потерявшего будто бы уважение в глазах народа с тех пор, как сестра простого дворянина вошла на него царицей, потребовали не только расторжения брака, но и истребления всего ненавистного им рода Саакадзе. Составился тайный заговор.

Однажды моурав получил приглашение на царскую охоту, но едва он прибыл в загородный дворец, как один из преданных людей предупредил его о кровавом замысле. Не теряя времени, Саакадзе вскочил на неоседланного коня и поскакал в свой замок, чтобы спасти себя и свое семейство.

За ним немедленно отрядили погоню, но она уже не нашла Саакадзе в замке. Проскакав в поспешном бегстве огромное расстояние в одну короткую ночь, он успел укрыться с женой и детьми у тестя своего, арагвского эристава. Замок его был разграблен и обращен в груды развалин и пепла.

Грузия надолго потеряла одного из своих лучших сынов, который мог бы быть ей бесконечно полезен. Оскорбленный герой, не зная убежища в своей собственной родине, изменил ей: он удалился в Персию к шаху и предложил ему завоевать Картли. И что же мог он предложить ему, кроме измены? Рассказывают, что раз, в минуту гнева, он воскликнул: «Горе Картли! Нет ей покоя, пока жив царь Лаурсаб!» Шах хорошо понял выгоду лишения Картли ее единственной опоры и надежды и с почестями принял Саакадзе. Но он не считал нужным пока употребить моурава против Картли, совершенно понимая возможность обращения его к родине: он посылает его в Индию и на войну с турками – и скоро слава индийских и турецких побед Саакадзе разнесла его имя по всему Ирану; его подвиги воспевали поэты, и песни эти, достигая Тифлиса, гор и долин Картли, распевались персиянами к страху двора и жителей страны.

Таким образом, и Картли и Кахетия, наиболее влиятельные из грузинских государств, лежали распростертыми у ног Персии, во власти слабых царей и без опоры сильных, изменой и междоусобием удаляемых из страны. Шах-Аббас понимал, что он уже не встретит особого сопротивления в

ослабленных царствах, а с другой стороны, зная всю устойчивость религиозных верований в народе, он довольствуется обращением в магометанство только царей и князей, а народ решает покарать мечом и выселением в Персию и только ищет приличного повода к войне. В 1615 году он является в Ганже, посылает оттуда кахетинскому царю извещение о намерении начать войну с турками и, руководимый советами Саакадзе, требует выдачи сына в заложники в ручательство того, что Теймураз не склонится на сторону турок. Царь, понимавший вероломную политику шаха и знавший, что никакой войны совсем не предполагается, сначала было отказался, но потом, по настоянию боявшихся мщения кахетинцев, отправил к шаху младшего сына под надзором своей матери Кетевани.

– Я не кормилица, чтобы воспитывать малолетних, – ответил ему шах и потребовал старшего сына.

Теймураз уступил. Тогда шах вызвал к себе и его самого. Рассчитывая между прочим на содействие Лаурсаба Картлинского, Теймураз отказался отправиться к шаху, но тот принял свои меры. Чтобы возбудить против Теймураза подданных, он приказал персам обходиться с населением ласково и не жалел подарков и почестей. И скоро Теймураз и Лаурсаб, оставленные подданными, перешедшими на сторону Шах-Аббаса, должны были бежать в Имеретию. Отправив мать и детей Теймураза в Шираз, шах прошел Кахетию и Картли и из Гори, лежащего верстах в сорока от Тифлиса

по дороге в Имеретию, начал переговоры с царями. Он воспользовался случаем сообщить стороной Лаурсабу, что любит его и щедро наградит, если тот явится к нему, а что Теймураз ему вечный враг. Шах не упустил случая приласкать и имеретинцев, через которых он вел переговоры с царями, и при этом случае вручил имеретинским вельможам богатую, окованную золотую саблю свою, прося повесить ее как дар на стене любимого ими храма Святого Георгия в местечке Мравалзале. Конечно, Шах-Аббас делал это не из любви к христианской религии. Сабля эта, как свидетельствует один путешественник, находилась на стене храма еще в 1745 году, но куда она девалась впоследствии – неизвестно.

Лаурсаб поддался на обман и тайком от Теймураза ушел из Имеретии. Шах принял его ласково и оставил его в Тифлисе, а сам удалился. Рассказывают, что, покидая столицу Картли, шах остановился у моста, с которого видны были минеральные бани, и, указывая царю на красоту местности, говорил: «Я бы взял отсюда эти виды, если бы то было возможно: самое лучшее богатство твоего царства и города – бани минеральных вод». Лаурсаб ответил: «Великий шах, и я, и царство мое, и виды эти – все принадлежит тебе». Но недолго царь оставался свободным. Вскоре мы видим его с шахом на охоте в лесах Карабаха; из Карабаха, под видом охоты же, его перевозят в Мазендеран, и когда здесь ни угрозы, ни обещания не склоняют его к исламу, шах отправляет его в Шираз, где, после долговременного заключения в тем-

нице, его задушили тетивой (1622).

С Лаурсабом прекратилась прямая линия царей Картли, и владельцы ее перестали быть даже христианами. Царем же Картли шах назначает магометанина Баграта V (1616–1619).

В то время как Лаурсаб сделался жертвой политики шаха, Теймураз фактически низложен был с престола, а в Кахетии оставлен персидский гарнизон под начальством вероотступника царевича Иессея, в магометанстве Исахана, двоюродного брата Теймураза. Но три месяца спустя после удаления шаха Исахан воротился на царство. Шах решил жестоко наказать ослушников своей воли – и наступает время кровавого нашествия персов на Грузию.

Шах послал вперед часть войск, чтобы преградить Теймуразу отступление в Имеретию, но Теймураз первым напал на персидский отряд и обратил его в бегство. Приближение главных сил Шах-Аббаса, однако же, изменило все дело; передовым отрядом персидского войска командовал Саакадзе, и появление народного героя во главе вражеских полков сразу подорвало дух народа: все бросили бесполезное оружие и бежали в горы. Теймураз снова ушел в Имеретию.

В 1617 году войска Шах-Аббаса вступили в Кахетию, все попирая на пути, все заливая кровью, обращая в пепел города, грабя монастыри, разбивая иконы и кресты и обращая священные украшения на туалеты своего гарема. Христиане вместо защиты собирались в церкви, каялись и молились, готовясь к смерти, и вместе с церквями были сожжены тысяча-

ми. Лезгины, со своей стороны, по требованию шаха убивали и пленяли тех, кто бежал к ним в горы. Предание сохранило рассказ о кровавой расправе шаха, совершенной в одном из монастырей Гареджийской пустыни, каменистой, безводной, прорытой ущельями. Под развалинами монастырского храма, внутри алтаря, поныне стоит престол, а на нем вместо священной утвари – человеческие кости, связанные крестообразно. Вот эти-то кости и дали название целой лавре, именуемойся Моцамети – лавра Мучеников. Здесь шесть тысяч иноков были убиты в святую пасхальную ночь по повелению Шах-Аббаса. Существовал обычай, по которому братья всех двенадцати обителей Гареджийской пустыни собирались в пасхальную заутреню именно в эту лавру, как большую из всех; к тому же великий день был и храмовым праздником этой обители. И вот шесть тысяч иноков со свечами в руках обходили церковь, построенную на вершине горы, и воспевали радостно «Христос Воскрес», не воображая, как сами они были уже близки к переходу в вечность. Далеко за Курой, на краю обширной степи Карайской, увидел Шах-Аббас ночью необычайное освещение – какие-то огни двигались и мерцали на вершине горы, там, где он предполагал совершенную пустыню. «Что за огни?» – спросил изумленный шах. «Это гареджийские пустыnnики празднуют свою Пасху», – ответили ему. «Истребить их». Напрасно приближенные шаха представляли ему, что пустыnnики не носят оружия, никому не делают зла, а, напротив, за всех молят Бо-

га, и что сам пророк повелевает щадить таких молитвенников. Шах ничего не слушал. К рассвету отряд конницы приискал в лавру. Шла литургия, и только что иноки приобщились Святых Тайн, как вломились персы – и через несколько мгновений шесть тысяч трупов лежало на церковном помосте, залитом кровью. С тех пор опустела большая часть обителей пустыни. Церковь причислила погибших к лику мучеников и установила праздновать избиение шести тысяч на второй день Пасхи, а благочестивый царь Арчил собрал святые кости и соорудил над ними небольшую церковь.

В это же время, овладев Мцхетом, шах захватил в свои руки и величайшую святыню христианского мира – хитон Господень. Позже, как увидим, он отослал его к московскому царю. И ныне риза Господня, разделенная на части, составляет достояние Успенского собора в Москве, большой придворной церкви и Александро-Невской лавры в Петербурге.

Приведя страхом смерти всю страну в невольное повиновение, Шах-Аббас назначил Кахетии своего правителя с персидским войском и увел массы народа в неволю для поселения их в персидских провинциях. С царями Грузии Лев Ирана заключил мирный договор, обязуясь не обременять Грузию данью, не изменять ее религии, оставить церкви неприкосновенными и не строить мечетей, однако же, выговорив условие, чтобы цари грузинские были непременно магометанами, хотя и грузинского происхождения. Этим договором, сохранившим только наружность независимости и сво-

боды грузинских царств, потерявших во время нашествия множество представителей своей религии, но сохранивших склонную к магометанству аристократию и магометан царей, Шах-Аббас окончательно упрочил персидское влияние на Грузию. И только народу, преданности, вере и самобытному духу его Грузия обязана сохранением своей духовной независимости и возможностью возрождения в будущем. Из недр народа вновь выдвинулось сильное духовенство, имевшее неотразимое влияние на царей и на магометанскую аристократию, и глава духовенства, католикос, является не раз в дальнейшей истории Грузии источником освободительных движений. И благодарный народ отразил эту роль духовенства в своих легендах.

Этот вечно деятельный дух народа сказался во времена шаха не одним сопротивлением народных масс, уходивших в горы, но и подвигами, в которых светится непреодолимая и безграничная преданность вере предков и отечеству. Есть легендарная история (ее рассказывает И. Д. Попка), созданная самим народом и показывающая, что он не хотел признавать за шахом победу, как бы сознавая, что тому не одолеть народную силу. В ней рисуется шах не победителем, а побежденным, и побежденным именно любовью к отечеству.

Вот эта легенда.

Завладев всей Кахетией и большей частью Картли, однажды Шах-Аббас сидел у дверей своего шатра; главный мирза доложил, что от грузинского царя прислан посол с по-

дарками. Явился картлийский тавад, высокий и стройный, «как тополь на берегу Куры». Он поверг к ногам шаха корзину со свежими плодами, и шах похвалил плоды. «Чох-Гюзель!» («Очень прекрасно!») – повторял он; выбрал самое большое яблоко, съел его, выплюнул семена на ладонь и приказал подать копье. Боднул он гибким копьем землю, бросил в нее семена и, обратившись к картлийцу, сказал: «Кланяйся царю и скажи, что, пока из этих семян не вырастет сад и я не вкушу плодов от него, до тех пор не выйду из вашей земли, где мне спится лучше, чем дома». – «Бэли!» («Хорошо!») – ответил тавад. И, выбравшись из двора шаха, пораженный унижением своего царя и родины, он с решимостью подумал: «Пожертвую моей милой, моей ненаглядной Хорошаной – отчизна дороже жены!»

Его звали Шио; дом его стоял на самой границе Кахетии и Картли. Он сам был картлиец, а жена его кахетинка, и тогда не кончился еще их медовый месяц.

Надо сказать, что Шах-Аббас отдал чудовищный приказ с каждой новой луной набирать в городах и селах пятьдесят красавиц и приводить их в персидский лагерь. Шах сам раздавал их своим воеводам. Но был один хан, по имени Алла-Верды, который не довольствовался дарами «брата Луны» и сам грабил такую же дань. Это был самый сильный хан, предводитель татарской конницы, которая составляла лучшее войско кизильбашей. Хан Алла-Верды стоял отдельным станом около Телави, и так как уже некого было бить,

то каждый день он выезжал на охоту с соколами, а вечером ему представлялась дань в образе красивой грузинки.

Между тем грузинский царь с тавадами и остатками разбитого войска стоял около Мцхета на крепкой позиции, образуемой слиянием Куры и Арагвы. Когда была смята военная сила, поднялась сила другая, не падающая под ударами оружия. Духовенство вышло из своих келий и взяло в свои руки спасение отечества. Как в старой удельной Руси, оно мирило сильных, соединяло слабых, ободряло малодушную толпу и создавало силу там, где уже ее не было. Князья, не думавшие никогда сойтись, сходились под царской хоругвью, обнимались и клялись над хитоном Господним умирать друг за друга. Между тем просили помощи от единокровной Имеретии и просили ее от единой верной Москвы. Войско царя усиливалось с каждым днем. Все желали перейти в наступление. Ожидали только русской помощи с Терека и с Днепра.

В таком положении были дела, когда тавад Шио прискакал к своей Хорошане и сказал ей: «Спаси отечество!»

– Ра-ари! (Какие речи!) Слабой ли женщине спасти отечество, когда и храбрейшие тавады бездействуют, забившись в безопасный угол между Курой и Арагвой!

– Где сестры обнялись, где Кура и Арагва слились на вечный союз, как мы с тобой, там соединились разрозненные силы Иверии. Это уже последние силы – больше нет! И всего этого горсть, а кизильбашей несметное число. Что же мы

можем сделать? Честно умереть – и только! Но это не спасет отчизны, которая погибнет вместе со смертью последнего тавада. Но где уже храбрейшие люди не могут ничего, там женщина может все... Не силой руки, нет, но безмерным величием любящего сердца... Пожертвуй собой!.. Отдай свою любовь, отдай ее на короткий срок – от вечерней звезды до утренней – хану Алла-Верды.

Хорошана помертвела.

– Не главный стан хана с несметной силой кизильбашей страшен грузинам, – продолжал восторженно Шио. – Их геройская уверенность колеблется только перед Львом Азербайджана, перед ханом Алла-Верды. Отложись он от шаха – и Грузия спасена! А ее надо спасти, спасти во что бы то ни стало, и ты одна это можешь – не силой, а жертвой! Пришел час жертв безмерных, неслыханных, на которые дает право только любовь к отечеству.

И долго говорил благородный картлиец, и дивны были его речи, каких не слыхал еще мир. Хорошана постигла наконец величие жертвы, нашла в неизмеримой глубине своего любящего сердца неведомую силу – и решилась.

Скоро Хорошана появляется в персидском стане, трепещущая и смущенная. Смущение только увеличило ее красоту, и хан Алла-Верды клялся бородой пророка, что никогда еще не видывал подобной красавицы. Наступила мрачная ночь. Гроза разразилась в горах, дождь заливал долины, буря срывала шатры в татарском стане. Под шелковым наме-

том хана шел ожесточенный спор. Алла-Верды не соглашались на цену, которой требовала грузинка. Он предлагал ей все свои сокровища, все, кроме измены шаху. Хорошана отвергала все и требовала только измены. Не раз могучий хан приходил в порывы неистового бешенства, не раз заносил над ней канджар. Хорошана все выдержала – и не сбавила цены.

Следующий день хан просидел в шатре задумчив и свиреп, не прикасаясь к пилаву. Весь лагерь примолк, и никто не смел разговаривать громко. В полночь хан согласился на цену, требуемую Хорошаной, и поклялся бородой пророка.

Утром весь лагерь шумел и пировал, приближенные хана получили большие подарки. Но вот скачет гонец от шаха с известием, что к грузинам пришли стрельцы с Терека и казаки с Днепра и что гяуры выступают из Мцхета. Шах требовал, чтобы Алла-Верды присоединился к нему через три дня. «Бэли», – сказал Алла-Верды гонцу и отдал приказ ковать лошадей и готовиться к походу в большой аджамский стан. Клятва была забыта, а в душе Хорошаны зрела месть и решимость в ту же ночь отсечь голову клятвопреступнику. Но когда ей оставалось только исполнить свое намерение, она заснула сама, и ее посетило дивное видение: явился старец, убеленный сединами, в ветхом рубище отшельника, но с лицом светлым и кротким. Старец поднял руку и стал благословлять Хорошану.

– Недостойна, отче! – вскричала она. – Недостойна благословения та, которая осквернила себя на ложе неверного и

приготовила руки свои на вероломное убийство!

Старец вещал:

– Отложи намерение твое, о лучшая из дочерей Иверии! Не поднимай руки на хана Алла-Верды, ибо он призван на великое дело: его жизнь довершит спасение отчизны, его кончина воздвигнет обитель из развалин, над которыми плачут долгие годы. Твою же тяжкую жертву осветят благословение церкви и долгий иноческий подвиг. Утром поведай хану желание вкусить снедь от его собственной молитвы...

Старец еще раз благословил коленопреклоненную Хорошану и стал невидим.

Путру Хорошана говорила хану, что она хотела бы кебаб из джайрана (жаркое из дикой козы), убитого собственной его рукой. Тотчас отдан был приказ, и шумный поезд с зурной и бубнами двинулся в лес по дороге к развалинам обители Святого Георгия. Охота на зверя была чрезвычайно удачна. Наконец спущены были соколы. «Опустошили землю – опустошим и воздух!» – кричал хан в восторге. И вот первый и любимый сокол его напустился на куропаток, но, к общему изумлению, летел тупо и вяло, и куропатки от него уходили. Алла-Верды пришел в ярость. Он мчался на коне, поощряя сокола бешеными криками. А вдалеке, на утесистом берегу Алазани, стоял на коленях отшельник и под палящим солнцем молился об избавлении родины от тяжкого нашествия иноплеменников.

Сокол между тем оправился и уже настигал свою добычу.

Уже расправил он когти, и клюв его скользнул по крылу куropатки, как вдруг она переломила полет, ринулась на землю и скрылась под полой молящегося пустытника. Сокол медленно закружил над головой старца. Хан видел, где укрылась добыча его сокола, и, наскочив на отшельника, громко крикнул:

– Спугни из-под полы птицу!

Отшельник молился.

– Тебе говорю: спугни птицу!

Отшельник глубоко и пламенно молился о спасении бедствующей родины; сердце его унеслось в небо, и весь земной мир со своими красотами и ужасами не существовал для него.

– Так ты не слушаешь меня, дерзкий гяур! – вскричал хан.

Канджар блеснул над головой отшельника, но, прикоснувшись к сединам старца, разлетелся вдребезги. Хан упал с коня, и рука его, сжимавшая рукоять, усохла.

А отшельник молился «о невидящих и обидающих нас».

Пораженный чудом и всепрощающим словом христианской молитвы, гордый хан смирился.

– Отпусти мой грех, – говорил он старцу, – возврати мне руку, отдам ее на служение народу христианскому.

Благословение старца оживило руку Алла-Верды, и первый луч веры проник в это мрачное, чувственное сердце.

Легенда повествует далее, что шах и царь сошлись на битву, каждый ожидая себе на помощь Алла-Верды. И вот, ко-

гда победа еще колебалась, на ближних высотах вдруг зачернелась, как туча, татарская конница. Алла-Верды шел в бок обеим сторонам и вдруг повернул налево – на кизильбашей. Тогда все персидское воинство, охваченное паникой, бросилось бежать.

Шио был найден в числе убитых в этом сражении. Над ним стоял и плакал молодой тавад в татарских доспехах – то была Хорошана. С копьем в руке, с кольчугой на нежных плечах, она вела хана и поддерживала его в минуты колебания – а такие минуты были. Сам хан Алла-Верды получил смертельную рану, но он жил еще несколько дней, просветился святым крещением и умер не только христианином, но и вторым мужем Хорошаны. Умирая, он завещал свои несметные сокровища на возобновление обители Святого Георгия, покровителя Иверии, и скоро она восстала из развалин в прежнем своем величии. Хорошана удалилась от мира и искупила свой высокий, но греховный подвиг долгим подвигом иноческим.

Грузинский летописец, передавая эту легенду, говорит: «Не было и не будет такого любящего сына отчизны, как картлиец Шио; не было и не будет такой любящей жены, как кахетинка Хорошана».

Такова легенда, в которой фантазия народа создала грузинам победу, а персам поражение. Но действительность далеко не соответствовала этому направлению. В разоренную страну сошли с гор лезгины и почти беспрепятственно за-

няли богатейшую и плодороднейшую часть Кахетии между Кавказским хребтом и Алазанью, где впоследствии возникли крепости их Джары и Белоканы, стоившие русским столько крови; в Картли были магометанские цари; Кахетия вовсе была без царя – и Теймураз жил изгнанником в Имеретии. Но ни народ, ни Теймураз не мирились с иноземным владычеством. Сверженный царь Кахетии искал помощи султана и защиты России. В 1619 году он отправил к русскому царю Михаилу Федоровичу послов, так изображая свое бедственное положение:

«И вам, великому государю, свои слезы и бедность объявляем, что светлость наша обратилась во тьму, и солнце уже нас не греет, и месяц нас не освещает, и день наш светлый учинился ночью, и я в таком теперь положении, что лучше бы не родился, нежели видеть, что православная христианская вера и земля Иверская при моих очах разорилась, в церквах имя Божие не славится, и стоят все пусты...»

Теймураз просил Михаила Федоровича, чтобы исходатайствовано было у шаха возвращение его матери и сыновей. Михаил Федорович действительно просил шаха не угнетать грузинской земли. Шах успокоил царя дружественной грамотой и посылкой хитона Господня, но уже в то время, когда он успел распорядиться с семьей Теймураза (1625). Тем защита России и кончилась.

Между тем в Картли возникли также смуты. Когда умер Баграт V (1619), вдова его провозгласила царем Симон-ха-

на II, но князья и народ отказались повиноваться сыну магометанина. Раздраженный Аббас дал ему в помощь полководца Карчихана с сильным отрядом, а вместе с ним послал и Георгия Саакадзе с тайным поручением истреблять кахетинцев и переселять в Персию картлийцев. Саакадзе возвел на царство Симона и отправился в Кахетию. Но здесь в нем восторжествовал нравственный переворот, оставивший глубокие следы в истории Грузии.

Еще давно, живя в Персии, Саакадзе тайно мучился совестью при виде насилий, совершаемых шахом над его родиной. И вот теперь, в Кахетии, ему пришлось узнать об изменническом убийстве давно плененного царя Лаурсаба (1622). Это было последней каплей, переполнившей его возмущенную совесть. Быть может, припомнилось ему все зло, которое он сделал Лаурсабу, и, забывая обиды, нанесенные ему родиной, Саакадзе составляет план совершенного освобождения всей Грузии от персидского ига. Случилось, что вызванные им несколько кахетинских князей под предлогом раздачи шахских подарков были изменнически и тайно умерщвлены в палатке Карчи-хана. Этим обстоятельством воспользовался Саакадзе, чтобы возбудить в народе негодование и открытый мятеж, и сам он первый воскликнул: «К оружию, кахетинцы!» Персидское войско было немедленно перерезано, и моурав своей рукой отрубил голову Карчихану. Вслед за тем он с помощью эристава Арагвского выгнал из Кахетии персидского наместника и взял Тифлис, кроме

цитадели, в которой заперся и сидел, как в тюрьме, царь Симон-хан. Кахетия и Картли были свободны, и Картли правил поставленный героем молодой Койхосро из фамилии владетельных князей Мухранских. Но о правителях заботился Саакадзе, в его энергичной голове возникает и смелый, и целесообразный обширный план объединения грузинских царств, и с этой целью он прежде всего вызывает жившего изгнанником на берегах Черного моря законного царя кахетинского Теймураза (1623).

Подвиги Георгия Саакадзе еще только начались, но они были так необыкновенно блестящи, его родина так давно уже не торжествовала столь очевидных и постоянных побед, что Саакадзе, этот еще недавно изменник и бич ее, становится народным героем и неограниченным повелителем всей страны. Его называют спасителем народа, отцом отечества и сыном церкви; в церквях молятся за его долгоденствие; аристократия, смирившаяся перед величавыми и быстрыми успехами моурава, ищет его дружбы и становится под его знамена, повсюду гордо и победоносно развевавшиеся; поэты и певцы прославляют его имя, грозное врагам. Отечество все простило ему, все забыло. По словам почти современника его, царя Арчила, власть Саакадзе была так велика в стране, что без позволения в присутствии его не смел сидеть ни один из вельмож и владетельных князей. Но моурав, по свидетельству истории, не увлекался страстями, не величался первенством в народе, душой ему преданном. В его великом серд-

це, не знаящем середины и приведшем его некогда к безграничной ненависти, теперь жила великая любовь и страстное желание навсегда и совершенно освободить родину от зол и бедствий чужеземного владычества.

Да и некогда было Саакадзе величаться своими победами – нужно было ждать мести грозного шаха, и уже было предостережение из Персии. Узнав об измене ему Саакадзе и новом воцарении Теймураза в Кахетии, шах казнил сына Саакадзе и жену эристава Зураба, оставшихся в Персии, а мать Теймураза, великодушную Кетевань, подверг страшным мучениям. Царице предложено было выбирать между магометанством и лютой казнью, и она выбрала муки и смерть от руки палача (1624). Среди обширной площади, при огромном стечении народа, царица Кетевань была обнажена, и тело ее рвали раскаленными щипцами, но она, как исполин, выносила пытки, и напрасны были увещания отказаться от Христа. Тогда на страшные ожоги и раны ее клали горячие угля – она осталась непоколебимой. Наконец, на ее голову надели докрасна раскаленный чугунный котел, и она скончалась, венчанная этим страшным мученическим венцом. С ужасом узнал царь о страшной смерти матери, об этом последнем бедствии в его семье; два сына его, бывшие в Персии, уже давно пали жертвой жестокости шаха: еще в 1620 году он повелел превратить их в евнухов, и один из них умер от жестокой операции, а другой помешался в уме, чтобы влачить еще три года жалкой жизни. И что же удивительного,

если в сердце Теймураза пробудилась старая ненависть к виновнику гибели его семьи, Саакадзе, ненависть, отозвавшаяся впоследствии новыми бедственными междоусобиями в стране. Страшное впечатление произвела смерть Кетевани и на народ; в нем тоже встало воспоминание, что Саакадзе – виновник этой смерти и всех смут, вызвавших грозного Шах-Аббаса на Грузию, и это напоминание о прошлом моурава было первым подводным камнем на победоносном пути его, поселив к нему недоверие. Церковь причла Кетевань к лику мучеников, и ныне мощи ее покоятся частью на родине в Аллавердском соборе, частью в далекой Бельгии, в соборе города Немура; католические миссионеры, бывшие свидетелями казни Кетевани и пораженные ее святым мужеством, взяли часть тела ее и перевезли в Европу.

А между тем гнев шаха не был потушен кровью Кетевани и молодого Саакадзе, и персидское войско шло на Грузию, предводимое Исаханом. Саакадзе, соединив под своим предводительством войска царя Теймураза, эристава Арагвского Зураба и других князей, 12 июня 1624 года на реке Алгете рассеял Исахановы войска, а вслед за тем с небольшим отрядом разбил и шедшего на помощь Исахану эриванского бека. Но победа неожиданно была вырвана из рук моурава царствовавшим в стране духом смуты и недоверия – наследием недавнего прошлого. В числе погибших на поле сражения был некто Теймураз, князь Мухранский; на этом факте возник темный слух о смерти царя Теймураза, будто бы

убитого изменнически, и войска взбунтовались и беспорядочными толпами пошли к Тифлису. Персы как нельзя лучше воспользовались этим случаем: они устремились за толпами грузин, беспощадно истребляя их, и по трупам дошли до самого Тифлиса, где все еще продолжал сидеть в цитадели царь Симон-хан.

Войска грузинского более не существовало, и страна была беззащитна. Но моурав Саакадзе оставался бодр и крепок духом и начал блистательную, наиболее выказавшую его дарования, партизанскую войну. Раз с шестьюдесятью всадниками он бросился на большой отряд персидского войска, спускавшегося с гор, и семьсот персидских трупов осталось на месте. Целый ряд таких подвигов сделал уже самое имя его, как выражается историк, настолько же страшным для персов, насколько силы персов были страшны для Грузии. Исахан боялся рассыпать малые партии, всегда истребляемые моуравом, и замыслил поход с сильным войском в Картли. Узнав об этом, Саакадзе начал обширные приготовления к встрече, устраивая крепкие завалы в теснинах Гартискарских, и, вероятно, успел бы остановить врага, но измена эристава Арагвского, пропустившего через свои владения персидский отряд под предводительством Хосро-Мирзы, сделала бесполезными воздвигнутые моуравом укрепления и изменила шансы войны и победы.

Прошлое, видимо, тяготело над Саакадзе, уничтожая все плоды его личной доблести и военного дарования. Память

о зле, сделанном им некогда царям грузинской земли, подрывала при неудачах доверие к нему; и вот в лице пришедшего теперь Хосро-Мирзы он сам же некогда приготовил себе счастливого врага. Было время, когда побочный сын грузинского царя-магометанина, этот Хосро, никем не знаемый и нищий, искал покровительства могущественного при персидском дворе моурава Саакадзе. Последнему пришла в голову мысль приготовить в нем соперника и наследника ненавистному Лаурсабу, уже бывшему в руках шаха, в заключении. И тогда произошло следующее. Однажды у моурава был пир, и он сидел, окруженный персами. Видя входящего Хосро-Мирзу, он поспешно встает, почтительно идет к нему навстречу, просит его занять первое место, а сам садится в почтительной от него дали. Изумленные персы узнают, что то грузинский царевич и наследник престола. Шах-Аббас потребовал к себе еще не известного ему принца крови и почтил его достоинством губернатора города Испагани. Этого Хосро-Мирза и является теперь соперником и врагом самого моурава.

Хосро-Мирза с сильным отрядом двинулся на Саакадзе и одолел его огромным преимуществом в числе воинов. Моураву пришлось уступить силе, и снова с небольшим преданным ему войском он начинает свою партизанскую войну. Ряд побед сопровождал его повсюду, но они не могли уже изменить главного хода войны. В сражении в теснинах Ксанских моурав внес в ряды персов такое страшное истребление, что

река Ксан покрылась трупами убитых, и кровь окрасила воду, но массы врагов все-таки прошли теснины, и скоро Хосро-Мирза вступил в Тифлис. Картли смирилась.

Но Саакадзе не считал еще своего дела проигранным. Уже не полководец, а «рыцарь, странствующий по развалинам любезного отечества», он с горстью гверельясов продолжает упорную, отчаянную борьбу с ненавистными персами. Сегодня он разбивает отряд их, завтра берет крепость и вырезает гарнизон. В то же время он сноится с турками, прося у них помощи, мирится с эриставом Арагвским и, замышляя обширный план освобождения отечества, пытается привлечь к войне Имеретию, Менгрелию и другие княжества.

Еще раз звезда Саакадзе ярко заблестела в походе его против осетин, воспользовавшихся смутным и бедственным состоянием Грузии, чтобы от нее отложиться. Быстро перешел Саакадзе через высокие горы, овладел несколькими замками и разнес ужас по всей стране, совершенно ему покорившейся. Историк этого похода передает между прочим следующий факт, рисующий великодушный характер моурава. В одной из стычек, когда осетины смертельно ранили друга и товарища Саакадзе, князя Мочабели, и хотели отсечь ему голову, моурав самоотверженно бросился на врагов и на плечах вынес из свалки истекавшего кровью героя.

Но ни власть Саакадзе, ни спокойствие царства не упрочивались личными доблестями моурава. Страна колебалась между освободительным делом своего вождя и персидским

игом и, к сожалению, чем дальше, тем больше убеждалась, что моураву не одолеть Персии. Настало для Саакадзе трудное время. Многие из аристократов уже отказались от союза с ним, и с каждым днем его силы ослабевали. Народ, утомленный беспрерывной войной, склонялся к миру. Эристав арагвский Зураб вторично изменил моураву, а когда возмущенный Саакадзе пошел на него войной, Зураб соединился с Теймуразом, и в сражении на полях Бозалетских войска моурава были разбиты наголову. Тогда бессильный, лишенный всех надежд, он в другой раз теряет отечество и удаляется в Константинополь. Там имя Саакадзе еще раз пронеслось по всему Востоку. Но эта же самая слава послужила и причиной его гибели. Жена турецкого главнокомандующего (визиря Азама, а по другим источникам – визиря Хосрева-паши), сообщая мужу константинопольские слухи, написала между прочим: «Что значит эта знаменитость моурава, закрывшая твое имя? Что за жизнь, не оглашаемая славой?» Огорченный визирь потребовал к себе Саакадзе и велел отрубить ему голову (1629).

Так погиб полководец и герой, справедливо названный в самом отечестве своем грузинским Алкивиадом³⁴.

А за год перед тем сошел в могилу Шах-Аббас...

Со смертью Шах-Аббаса (1628) для Грузии не кончилась, однако же, его эпоха – эпоха безусловного персидского вла-

---

³⁴ Георгий Саакадзе сделался родоначальником нынешней фамилии князей Торхан-Моуравовых.

дычества. Это владычество провело по грузинской земле такие глубокие кровавые следы, которых не смыло и не стерло целое столетие. Наступает время, называемое в истории временем магометанских царей, то есть царей, преданных Персии, в ней воспитавшихся и туда же уходивших на вечное успокоение, – умершие магометанские цари обыкновенно увозились в Персию.

Это мелкое и незначительное время начинается полным упадком сил страны, утомлением физическим и уступчивостью нравственной. Кахетия и Картли лежали опустошенными; другие царства и княжества, склонявшиеся во время борьбы почти всегда на сторону торжествующей силы, также не избегли разорения. А на другом конце Грузии между тем утвердились турки: они захватили в свои руки Самхетское атабекство, и в нем скоро стал утверждаться ислам, вместе с турецкими крепостями (Ахалцихе и другие). Внутри поднимаются старые династические счеты и раздоры, но только центр их тяжести переносится уже в Тегеран, где процветают грузинские интриги. И так как власть зависела от шахов, которым не безвыгодно было расчленять и обессиливать Грузию, то скоро в ней поселяются смуты иного рода – это стремление каждого мелкого князя и феодала к независимости. Произвол и беззаконие являются естественными следствиями бессилия власти.

До какой степени власть царей была подорвана и обезличена, свидетельствует сам царь Вахтанг VI, который в своем

«Уложении», изданном в начале XVIII века, говорит между прочим следующее: «Если царь может царствовать, да царствует; если не может, то да предпочтет доброе имя и вечную жизнь, ибо лучше отказаться от престола, нежели быть слабым, исключая тот случай, когда нельзя сего сделать без соизволения великого государя шаха!» В действительности, конечно, было гораздо больше стремлений получить престол, чем отказаться от него; и получить, и потерять царство по интригам при дворе персидском стало делом обыкновенным. Так, царь Теймураз Кахетинский, успевший после смерти Шах-Аббаса соединить (1629) под своим скипетром Кахетию и Картли, скоро теряет и ту и другую, опять возвращает наследственный престол и опять изгоняется магометанскими претендентами, успевающими выпросить себе у шаха утверждение на царствование в Кахетии. Нелишне прибавить, что в тяжелые времена изгнания Теймураз неоднократно обращался за помощью к России, даже ездил в Москву, но Россия сама вела войны со Швецией и Польшей и не могла помочь далекой Иверии.

Между тем и самые обращения к московскому царю получают в этот период уже особый характер. Прежде цари просили помощи против неверных, теперь – друг против друга. История сохранила память о следующем кровавом эпизоде, в котором были замешаны надежды на Москву. Имеретинский царь Александр III, не имея сил отбиться от владетеля еще недавно подчиненной ему Менгрелии, Левана Дадиана,

просил защиты у московского царя Алексея Михайловича, и покровительство было обещано. Тогда младший брат Александра, Мамука, надеясь на русскую помощь, сам предпринял поход на Менгрелию, но в конце концов попался к Левану в плен, был ослеплен и умер от этой страшной операции. Насколько Леван был жесток и необуздан, можно судить по следующему факту: заподозрив свою жену в страсти к одному визирю, он выстрелил в этих несчастных из пушки, изувечил жену и отравил двух ее сыновей.

Мрачна была эта эпоха бессилия перед внешними врагами и вместе жестоких внутренних междоусобий, прерываемых только войнами персов с турками, происходившими на грузинской территории, да кровавыми набегами лезгин. Умственное и нравственное направление изменилось. Литература приняла персидский характер, господствующим языком стал персидский; в мирное время грузины занимались персидской литературой; у богатых и любознательных были персидские библиотеки; остатки же древней грузинской письменности укрывались в стенах монастырских, и только там обучались чтению церковных книг и письму, чем ограничивалось все тогдашнее образование грузин. Из страха мусульман о заведении публичных школ и о распространении наук не смели и думать. Видя гибель самобытности отечества, умственной и религиозной, многие грузинские фамилии ищут нового отечества и выселяются в Россию.

Из царей этой эпохи заслуживает внимания Вахтанг VI,

знаменитый как летописец и как законодатель, издавший «Уложение». Сначала христианин, Вахтанг, уступая крайним обстоятельствам, принял наружно ислам, но в течение всего царствования (1711–1724) заботился о доставлении победы христианству и в этом направлении сделал очень много. С его именем связано между прочим начало событий, изменивших историю Грузии и создавших благоприятные условия для ее возрождения. То было нашествие и завоевание всей Грузии турками. Разбитый ими, Вахтанг должен был покинуть отечество и в 1724 году удалился в Петербург, а турки между тем овладели Грузией и объявили ее турецкой провинцией.

Как ни тяжело было для Грузии нашествие турок, но оно имело для нее и свои неопределимые последствия. Персы, утратив на время власть в стране, утратили уже навсегда нравственное влияние, и 1729 год – год объявления Грузии владением турок – кладет конец царям-магометанам. Проходит после того несколько десятилетий, и наступает для нее время возрождения наук и литературы. Персия должна была понять наконец, что для сохранения своего влияния в Грузии ей приходилось уменьшить свои притязания, и когда Надир-шах рядом блистательных побед отнял у турок все их завоевания, он в 1744 году назначил в Грузию уже христианских царей: Теймураза II – в Картли, а сына его, Ираклия II, – в Кахетию. Теймураз, имевший резиденцию в Тифлисе, первый восстановил древний обряд миропомазания и коро-

новался в первопрестольном городе Мцхете.

Со смертью Надир-шаха в середине прошлого века в Персии наступает ряд междоусобных войн за наследство, ослабивших ее могущество и давших Грузии вздохнуть свободно. Благодаря счастливому соединению в руках отца с сыном двух сильнейших грузинских царств страна могла победоносно отражать постоянных врагов – лезгин, и в то же время внутренние раздоры стали менее возможными.

Однако и между Теймуразом и Ираклием возникли скоро несогласия, заставившие первого из них удалиться в Петербург. Там он в 1762 году и скончался семидесяти лет от роду. Тело его перевезено было в Астрахань и похоронено там в городском соборе. До сих пор сохранившаяся надгробная надпись на грузинском языке гласит: «Теймураз Николаевич, наследный царь Грузии, Картли и Кахетии, прибывший в Санкт-Петербург в 1761 году на поклонение Ее Императорскому Величеству, монархине Всероссийской». Замечательно, что спустя девяносто лет, в 1853 году, между медными досками, хранившимися в книжном магазине Императорской академии наук, нашли портрет грузинского царя Теймураза, превосходно исполненный с натуры художником Антроповым. На портрете та же надпись, что и на надгробном камне.

По смерти отца Ираклий соединил под своим скипетром Кахетию и Картли (1762). Тогда явился ему новый соперник из России – Бакар, сын Вахтанга VI, нашедший себе привер-

женцев в Тифлисе, где была еще свежа память старшей династии Картлийской, но он скоро был вынужден бежать обратно в Россию. Жестокая казнь ожидала его единомышленников, и до сих пор в предместье Авлабарском показывают песчаный берег, где пылали их костры.

III. ЗАНЯТИЕ ТИФЛИСА РУССКИМИ В 1783 ГОДУ

С Ираклием II, царем соединенных царств Кахетии и Картли, наступает для Грузии новая эпоха, приведшая ее в конце концов к желаемому миру. И теперь приходят персы и турки и, как прежде, вторгаются лезгины, но Грузия все больше и больше находит защиту со стороны России, пока наконец северный колосс не взял всего дела в свои мощные руки и не вырвал древнюю христианскую страну из-под тяжкого магометанского ига. То была эпоха подъема народного духа, религиозного и нравственного возрождения, воскресших надежд, и Ираклий своим личным доблестным характером был истинным выражением этой эпохи.

Еще в те времена, когда он царевичем жил при персидском дворе и был с Надир-шахом в походе на Индию, он поражал восточного повелителя равнодушием, с которым смотрел на богатства сказочной страны и на почести, которыми его окружали. Это был человек идеи; и шах, умевший выбирать и ценить людей, дорожил советами Ираклия даже

по важным военным делам и охотно следовал им. Говорят, что мнения Ираклия пользовались большим уважением даже у индийских жрецов, браминов и факиров и что некоторые изречения его обратились в пословицы.

Как воин, Ираклий был поистине царственным рыцарем, народным идеалом царя и полководца. Вот каким рисуют его предания. Когда он был еще только царем Кахетинским, в 1752 году, значительная персидская армия появилась в Грузии с целью отомстить ей за поражение персов, случившееся в том же году под Эриванью. Грузин было всего три тысячи человек, и многие советовали отступить, но Ираклий не согласился. «Теперь уже поздно отступать, – сказал он своим приближенным, – при первом шаге назад неприятель не оставит в живых ни одного человека». К войску он обратился с простой и трогательной речью. «Не думайте, – сказал он, – что я иду проливать кровь вашу для распространения моих владений, для усиления моего могущества; иду защищать отечество и своих подданных». Он приказал войскам идти за собой, но не начинать битвы, пока он не сделает условного выстрела; после же выстрела грузины должны были дать общий залп и броситься в сабли. Ираклий сел на лошадь и двинулся вперед, держа в одной руке повод, а в другой ружье. В это время татары, составлявшие часть его войска, стали отделяться, рассчитывая принять ту сторону, которая победит. Царь, удрученный этим новым горем, сошел с коня и с горячей мольбой упал на землю перед изображением кре-

ста. Тогда один из татарских вождей, подойдя к нему, сказал: «Крест! Если есть в тебе сила, ты сделаешь сегодня передо мной чудо».

Персияне между тем со всех сторон обложили грузин, и один из персидских ханов, выехав вперед, громко крикнул: «Где царь Ираклий?» – «Если ты ищешь царя, – ответил ему Ираклий, – то взгляни, он перед тобой». Хан бросился на него с копьем в руке, но царь выстрелил, и перс упал мертвый. Выстрел был принят за сигнал к нападению; грянул залп, и грузины бросились на неприятеля так неожиданно, что обратили его в бегство. Победителям досталось двенадцать пушек, все знамена, тысяча верблюдов и весь лагерь. Татарский вождь, ожидавший чуда и пораженный бегством персидской армии, обратился в христианство. Таков был царственный рыцарь Ираклий, и имя его скоро сделалось настолько славным и грозным, что к его покровительству стали прибегать соседние властители.

Оставшись в 1762 году единым царем Кахетии и Картли, Ираклий в первое время был поставлен в чрезвычайно благоприятные условия. На престоле Персии был Керим-хан, дружественный Ираклию, и царь, пользуясь этим обстоятельством, усмирил лезгин, обложил данью мятежного ганжинского хана, покрыл страну укреплениями и много заботился о ее внутреннем процветании. Так прошло восемь лет. Войны с турками имеретинского царя Соломона I, вызвавшие известный поход за Кавказ генерала Тотлебена, навлек-

ли было на Грузию новое нашествие турок, но скоро, в 1774 году, по условиям русско-турецкого мира Кахетия и Картли признаны были независимыми, и султану пришлось отказаться от своих притязаний. Тогда он прибег к известному средству – вооружить против Грузии лезгин, и Картли периодически стала наводняться хищниками, доходившими до самого Тифлиса. В то же время в Персии умер расположенный к Ираклию шах Керим-хан, и новый властитель Ирана, Али-Мурат, потребовал от царя покорности. Тогда Ираклий, утомленный войнами, решил отдать свое царство в подданство России, о чем благодаря проницательной деятельности светлейшего князя Потемкина уже велись переговоры.

Решаясь на присоединение Грузии, Екатерина, конечно, не искала увеличения своего и без того обширного государства; она руководствовалась великодушным желанием спасти несчастную единоверную страну, столько страдавшую от иноземного магометанского владычества и внутренних смут. Но, впрочем, есть и такое мнение, что, создавая по ту сторону Кавказских гор сильное христианское государство и угрожая этим Турции, она имела в виду осуществление приписываемой ей грандиозной политической программы – выгнать турок из Европы и на развалинах Оттоманской Порты восстановить Византийскую империю.

Прелиминарный акт присоединения Грузии подписан был представителями обоих государств 24 июля 1783 года в Гори, древней столице Картлийского царства, а вслед за тем

командовавший кавказскими войсками граф Павел Сергеевич Потемкин отправил в Грузию два батальона кавказских егерей³⁵ и четыре орудия, под общей командой полковника Бурнашева. Войска вступили в Тифлис 3 ноября и были восторженно встречены огромными толпами народа. День был ненастный, с холодным ветром и снежной выюгой, и жители грузинской столицы говорили: «Это русские принесли нам свою зиму...»

Появление русских войск в Грузии переполошило всю Анатолию и Малую Азию; это было событие, в котором суеверные мусульмане видели зловещий призрак близкого падения своего могущества. До какой степени паника охватывала население всякий раз, когда оно узнавало о приближении русских, можно судить по тому, что в это же самое лето все поморские жители Трапезунда бежали в глубь страны от одного известия, что русский флот появился у берегов Черного моря. Хотя впоследствии и оказалось, что это было стадо плавающих птиц, но туземцы с трудом и неохотно возвращались в покинутые селения.

Блистательные успехи русских в Крыму, на Дунае, у подножия Балкан и Кавказа, и вот теперь движение русских войск в Грузию – все это напоминало пылким сынам ислама о Гоге и Магоге, предполагающим разрушить благо-

---

³⁵ Кавказский егерский корпус состоял из четырех батальонов: два оставлены были на линии, а два – Горский, подполковника Мерлина, и Белорусский, подполковника Квашнина-Самарина, – отправлены в Грузию.

словенные мусульманские царства, и заставляло обращать взоры туда, за эту белую стену Кавказа, за которой начинался для южного человека уже мир призраков... «Малаллах! — восклицали мусульмане. — Должно быть, и в самом деле удивительная сторона, этот загадочный Север!» А между тем как весь азиатский мир тревожно волновался в предвидении важных событий, в Тифлисе ожидали только прибытия полковника Тамары, назначенного полномочным министром при дворе Ираклия, чтобы обнародовать государственный акт, по которому Грузия становилась на вечные времена под защиту и покровительство России. Знаменательное событие это совершилось 24 января 1784 года.

Накануне все царские регалии, присланные Екатериной и украшенные соединенными гербами России и Грузии, были перенесены с церемонией во дворец, где Ираклий встретил их с подобающими почестями. Стоя у ступеней своего трона, окруженный царевичами, придворными чинами и знатным духовенством, царь выслушал короткую приветственную речь русского посла и собственноручно принял от него знаки царской инвеституры. Вручив государственное знамя и меч двум представителям старейших княжеских фамилий, за которыми с древнейших времен сохранялось право носить их за царями, Ираклий возложил корону, скипетр и царскую мантию на особо приготовленные подушки, после чего Тамара и передал царю императорскую грамоту. Принятие ее приветствовалось сто одним выстрелом.

На следующий день царь и весь грузинский народ должны были принести присягу на вечное подданство русской государыне. С восходом солнца три залпа русской батареи, поставленной на площади, возвестили начало церемонии, и улицы Тифлиса покрылись массами народа. В десять часов утра Ираклий, предшествуемый регалиями, торжественно вступил в Сионский собор и, войдя на приготовленный трон, возложил на себя царскую мантию. Придворные чины, державшие остальные регалии, разместились по сторонам трона, а на ступенях и у подножия его стали царские сыновья и внуки. Далее, по направлению к царским дверям, поставлены были два небольших столика, художественно отделанные слоновой костью и золотой инкрустацией; на одном из них, покрытом золотым глазетом, лежала ратифицированная грамота императрицы, а на другом, покрытом бархатом, – ратификация Ираклия. Сам католикос Грузии совершал богослужение. При первом возглашении имени русской императрицы загудели колокола во всех церквях Тифлиса, а с батарей Метехского замка грянул пушечный залп, потрясший массивные стены древнего собора. По окончании молебствия совершился обмен ратификациями, а затем Ираклий, осененный государственным знаменем и имея по сторонам себя русских полковников Тамару и Бурнашева, перед крестом и святым Евангелием произнес присягу. Торжественный день завершился парадным обедом во дворце, на который были приглашены все находящиеся в Тифлисе рус-

ские офицеры. Музыка и пушечные выстрелы сопровождали пиршество³⁶. Народ ликовал на площадях и улицах, и в течение целого дня неумолкаемо гудел колокольный звон, стреляли пушки, лилось рекой кахетинское, а вечером весь город и окрестные горы были озарены роскошной иллюминацией.

И Турция, и Персия, конечно, не могли оставаться равнодушными зрителями совершившихся событий. Не имея повода к открытому вмешательству, они старались возжечь в Грузии внутренние смуты и обратить ее в кровавую арену лезгинских нашествий. Последнего достигнуть было нетрудно. Воинственные, не связанные никакими трактатами, лезгины охотно взялись за оружие, и первой жертвой их нападения сделалось казахское селение Черань.

Черань была расположена на высоком берегу Алазани, с которого окрестность видна как на ладони; несмотря на то, беспечные грузины допустили захватить себя в совершенном расплохе. Стоявшее грузинское войско не подало помощи, и хищники в течение двух часов безнаказанно грабили деревню, вырезали жителей, а оставшихся в живых около семидесяти человек увели в плен.

Два русских батальона при общей панике, конечно, были не в состоянии одни защищать всю страну, и необходимость улучшить собственные боевые средства царства была

---

³⁶ Тост за императрицу сопровождался сто одним пушечным выстрелом, за царя Ираклия и за членов русского императорского дома – пятьдесят одним, а за всех остальных членов грузинского царствующего дома и за светлейшего князя Потемкина, как покровителя Грузии, – тридцать одним.

очевидна. Потемкин, лично посетивший Тифлис, даже угрожал Ираклию вывести русские войска обратно на линию, если не будет принято соответствующих мер, и Ираклий решился сформировать милицию, чтобы наказать по крайней мере ближайшие к его границам лезгинские селения. Потемкин вполне одобрил это намерение и, выезжая из Тифлиса в Георгиевск, оставил в Грузии генерала Самойлова, поручив ему начальство над всей экспедицией. В состав отряда, кроме грузинских войск, вошли оба егерских батальона с четырьмя орудиями, эскадрон астраханских драгун и сто человек донских и уральских казаков. Драгуны и казаки были назначены из конвоя Потемкина и по окончании экспедиции должны были возвратиться на линию.

Не ожидая сбора грузин, Самойлов выступил в поход только с одними русскими войсками и 4 октября был уже в Казахах, куда только через три дня прибыл наконец Ираклий. Крайний беспорядок, особенно в снабжении продовольствием, препятствовал тотчас открыть наступательные действия, а между тем лезгины на глазах отряда продолжали опустошать и грабить пограничные села, и жители тщетно зывали о помощи. Честь русской армии не позволяла терпеть долее подобного положения дел, и Самойлов энергично потребовал перехода в наступление. Но Ираклий медлил, выводя этим из терпения русского генерала. «Большое несчастье, – писал по этому поводу Самойлов, – что Ираклий сам принял начальство над своими войсками, а не прислал

сюда своих военачальников. Тех я бы принудил к действию, а к царю могу лишь входить с представлениями. Он слушает советы, а поспешности не прибавляет нисколько...»

Самойлов был прав, конечно, в своих упреках Ираклию, но медлительность и осторожность царя объясняются горьким опытом долголетних войн: Ираклий знал силу врагов и еще мало знал силу русскую. Впрочем, и глубокая старость царя, понятно, должна была сказаться упадком бывалой энергии.

Время уходило, и Самойлов стал опасаться, что экспедиция совсем не состоится, так как благоприятное время было пропущено. Наступала глубокая осень, прекрасная погода сменилась ненастьем, и в течение четырех суток не переставая шел проливной дождь, размывший дороги до невозможности везти по ним артиллерию. Вода в Алазани быстро прибывала, и можно было ожидать, что переправы вброд скоро прекратятся.

В то самое время получено было известие, что сильная партия лезгин возвращается из-под Ганжи по эту сторону речки. Опасаясь упустить и этот случай для наказания хищников, Самойлов не стал уже ожидать Ираклия, а выступил из лагеря с одними русскими войсками, и 11 октября 1784 года близ селения Муганды (на Алазани) настиг лезгинскую партию. Чтобы отрезать неприятеля от переправы, русский отряд направился наперерез усиленным маршем, но лезгины, вовремя заметя русских, пошли на рысях и заняли при-

брежный лес ранее Самойлова.

Решено было взять лес штурмом. Две колонны, каждая по двести егерей, под общей командой подполковника принца Гессен-Рейнсфельдского, быстро охватили лес с двух сторон и, поддерживаемые своими батальонами, начали атаку. Артиллерия, занявшая позицию на левом фланге, жестоко обстреливала лес и своим огнем в значительной степени содействовала успеху. Одна кавалерия по роду местности не могла принять участия в бою и потому ограничилась только наблюдением за связью между колоннами и прикрытием флангов. Между тем еще при первых пушечных выстрелах подошло грузинское войско, но Ираклий поставил его в общем резерве.

Лезгины, взобравшись на деревья, встретили атакующие колонны сильным огнем, но после пятичасового упорного боя должны были очистить опушку леса. Выбитые отсюда, они бросились в Куру, чтобы спастись вплавь, но попали здесь под картечь четырех русских орудий, страшно поражавшую их в самой реке. Волны Алазани окрасились свежей кровью, и река буквально запрудилась людскими и конскими трупами. Поражение было так сильно, что неприятель оставил только в одном лесу двести тел, не успев, как того требовал священный обычай, унести их с собой. Потеря со стороны русских была сравнительно незначительна, но, к сожалению, один из главных виновников успеха, принц Рейнсфельдский, получил смертельную рану и вскоре умер. Тело

его погребено в одной из тифлисских церквей. Это были первые жертвы и первая русская кровь, пролитая за освобождение Грузии. Переночевав на поле сражения, Самойлов 20-го числа возвратился в Тифлис.

Победа, одержанная так успешно над лезгинами, имела то важное следствие, что подорваны были вера в неукротимость дикого племени и обаяние, которое производила их бешеная отвага. Обрадованный победой, царь устроил в Тифлисе парадную встречу русским войскам и пригласил Самойлова прямо в собор, где патриарх ожидал его для служения благодарственного молебствия.

Глубокие снега, завалившие горные ущелья, приостановили на время военные действия. Но с наступлением весны, в апреле 1785 года, новая значительная шайка лезгин и турок ворвалась в Картли. Она прошла через Боржомское ущелье и, разорив несколько деревень, увела в плен более шестисот человек грузин. В Сураме стоял в то время майор Сенненберг с частью Белорусского батальона. Он взял с собой двести егерей при одном орудии и, кинувшись в погоню, настиг лезгин верстах в семи от Сурама, на берегу Куры, у деревни Хошур. Прижатые здесь к обрывистому берегу речки, лезгины и турки напрасно старались проложить себе дорогу оружием. Егеря отбрасывали их, поражали картечью, расстреливали залпами. Более четырех часов длился этот бой и кончился неслыханным дотоле поражением хищников. Тысяча триста тел оставлено было ими на поле сра-

жения; остальные, бросаясь в Куру, тонули, и сотни трупов неслись по быстрой речке до самого Тифлиса. Наибольшие потери пали на долю турок, из которых двести человек были взяты только в плен. Победу торжествовало все христианское Закавказье.

Военная репутация лезгин была подорвана. Однако же они решились еще на одну попытку, чтобы восстановить свою померкшую славу, и с этой целью снова ворвались в Картли. Тот же майор Сенненберг встретил их опять на берегу Куры и 28 мая выдержал жаркую схватку. Грузинская конница, первой начавшая бой, была моментально сбита с поля сражения, и лезгины, одушевленные успехом, стремительно ударили по русской пехоте. Безумная отвага их превосходила все, что можно себе представить, но это были уже последние вспышки дикой энергии, последние отблески грозной и кровавой славы, некогда озарявшей лезгинские знамена. Встречая везде несокрушимую стену русских штыков, неприятель дрогнул, смешался и обратился в бегство, оставив триста тел на поле сражения.

«Опыты храбрости наших войск, – писал по этому поводу Потемкин к Бурнашеву, – должны послужить в доказательство царю и всем грузинам, сколь велико для них благополучие быть под щитом российского воинства».

Успехи русского оружия в Кахетии и Картли не сразу упрочили в Закавказье мир и безопасность, и грозные тучи уже снова собирались над Грузией. В августе стали доходить

со всех сторон тревожные слухи о сборах на границах многочисленных врагов. В Ахалцихе собирались лезгины и турки; из Дагестана надвигался Омар-хан Аварский; внутри волновались татарские дистанции, угрожая отложиться от Грузии. Лазутчики то и дело приносили тревожные известия, советуя грузинам спасать свои семейства и имущество. Опасаясь более всего вторжения аварского хана, располагавшего, как говорили, пятнадцатитысячной армией, Ираклий считал свое положение безвыходным. Он уже не думал об обороне границ, а приказал всем жителям собраться в четыре главных пункта, которые только и намеревался отстаивать. Этими пунктами были: Тифлис, Гори, Телави и Сигнах. Бурнашев сосредоточил в Тифлисе оба батальона и держал их в готовности двинуть туда, куда обратится главный удар неприятеля.

Малочисленность войск, расположенных на Кавказской линии, препятствовала подать оттуда какую-нибудь помощь Грузии, а между тем положение ее крайне беспокоило Потемкина. С восстанием Чечни и Кабарды сообщения с ней были прерваны, и находившиеся в Тифлисе русские батальоны казались обреченными на жертву.

Наконец, после долгого ожидания, 16 сентября 1784 года в Тифлисе получено было известие о появлении аварского хана на Алазани. Бурнашев тотчас передвинулся с войсками в Сигнах и предложил Ираклию немедленно атаковать лезгин на переправе их через реку. Но Ираклий не решил-

ся покинуть крепкую сигнахскую позицию. Тогда Омар-хан спокойно перешел Алазань и, не обращая внимания на грузинское войско, запершееся в крепости, стремительно пошел к Тифлису. Этот смелый маневр опрокинул все расчеты Ираклия, и ему пришлось форсированным маршем спешить на защиту столицы. Но едва Бурнашев подошел к Авлабарскому мосту, как Омар переменял направление и кинулся в глубь Картли, неся с собой смерть и опустошение. Паника, вызванная им, была так велика, что грузинская конница не отважилась идти на разведку, а потому пришлось нанимать охотников за большую плату, чтобы добыть необходимые сведения. Эти охотники пробирались на горы, высматривали неприятеля издали, а потом, дождавшись ночи, возвращались к царю окольными путями. Понятно, что подобные люди могли доставлять только самые неверные сведения, и притом запоздалые, так как неприятель, пока они пробирались от вражеского лагеря к грузинскому, мог вдоль и поперек искрестить всю Грузию.

Наконец след неприятеля был найден. Аварский хан подошел к границам Имеретин и обложил Вахань, замок князей Абашидзе, нашедших средство известить об этом Ираклия. Русские батальоны немедленно были двинуты по тому направлению, а вслед за ними с разных сторон потянулось и царское войско. Когда Бурнашев дошел до Сурама, Омар все еще стоял перед Ваханью. Не будучи в силах взять замок приступом, он дважды пытался взорвать его, но без успеха.

Тогда он предложил князю Абашидзе вступить в переговоры, но едва последний прибыл в ханскую ставку, как был задержан и объявлен пленным. Вероломный поступок Омара не ослабил, однако же, энергии осажденных, которые продолжали защиту с прежним упорством. Русские войска были уже в одном переходе, когда Ираклий вдруг получил известие, что замок сдался. Оказалось, что храбрые защитники его принуждены были к тому видом жестоких мук, которым лезгины ежедневно на глазах гарнизона подвергали старого князя. Не желая видеть его мучений, ваханьцы отворили ворота и были наказаны за это самым жестоким образом: лезгины вырезали все население, а замок превратили в развалины. Падение Вахани так сильно поколебало решимость Ираклия, что план экспедиции расстроился, и он отдал приказ отступить. А лезгины между тем тоже оставили Картли и ушли, никем не преследуемые, оставив после себя страшные следы опустошения.

Вся Грузия лежала в развалинах и находилась в таком положении, в каком не была со времени разорения ее Шах-Аббасом. Горесть царя усиливалась еще постоянными упреками царицы Дарьи, считавшей причиной новых бедствий Грузии вступление ее под покровительство России, которая, по ее мнению, никогда не могла оказать стране действительную помощь. Мнение царицы разделяли многие князья, и на Ираклия одного ложилась вся подавляющая тяжесть неблагоприятных обстоятельств.

Между тем события второй Турецкой войны сосредоточили все внимание России на берегах Дуная. Два батальона, оставленные в Грузии, не могли принести существенной пользы в случае нового вторжения неприятеля, а только сами легко могли пасть жертвой его. И так как усилить их решительно было нечем, то полковнику Бурнашеву приказано было оставить Тифлис и возвратиться на линию. В то же время и все устроенные Потемкиным укрепления по дороге в Грузию были уничтожены.

Первая попытка России прочно утвердиться в Грузии окончилась, таким образом, неудачей. Но она не могла быть не чем иным, как предвестием близкого подчинения России всего Закавказья, которое скоро и совершилось при императоре Павле. «Остается только сказать: слава Богу, – говорит Фадеев в своих «Письмах с Кавказа», – что занятие совершилось именно в царствование Павла. Если бы промедлили три или четыре года, – справедливо замечает он, – то в первой половине царствования Александра, в период непрерывных европейских войн, решавших участь более близких государственных интересов, нам было бы, конечно, уже не до Кавказа, а с 1815 года всякое посягательство с нашей стороны на этот край вызвало бы на свет кавказский вопрос в размерах вопроса уже европейского».

IV. ПОСЛЕДНИЕ БЕДСТВИЯ ГРУЗИИ (Ага Мохаммед-хан)

В длинном ряду несчастий, испытанных Грузией в ее тысячелетней истории, последним было нашествие персидского шаха аги Мохаммеда в 1795 году; за десять лет перед тем Грузия вступила под покровительство России, Персия, до того времени заправлявшая судьбами ее, была сама обуреваема междоусобными раздорами, начавшимися с самого момента смерти Надир-шаха и возобновившимися с новой силой после дружелюбного Грузии Керим-хана. Сильнейший из претендентов, ага Мохаммед-хан, уже известный России своим вероломным поступком с Войновичем, становится в девяностых годах единым повелителем Ирана, и первым его делом было вспомнить Грузию и ее отторжение из сферы влияния шахов.

Ага Мохаммед-хан был, несомненно, одним из замечательнейших восточных государей, но несомненно также, что он был страшный человек, уже самой своей судьбой приготовленный к человеконенавистничеству. Некогда дед его, хан Гилянский, был убит Надир-шахом, а сам он превращен в евнуха и обречен вести жалкую жизнь при дворе персидских шахов. И уже там развивались в его сердце ненависть и мстительность. Не имея возможности открыто заявить вражду, он, будучи еще ребенком, носил при себе нож и пользо-

вался всяким случаем резать во дворе богатые ковры и портить все, желая пока хоть этим вредить ненавистному шаху. И когда впоследствии драгоценности эти перешли в его руки, он, глядя на них, часто говаривал: «Жаль, что я тогда делал это, глуп был, не умел предвидеть будущего».

Наружность его, как ее описывают грузинские сказания, отражала его злой и мрачный характер. Маленький ростом, сухощавый, со сморщенным и безбородым лицом евнуха, ага Мохаммед-хан казался извергом. Ненависть и кровавая злоба, сверкающие в глубоко впавших глазах, свидетельствовали о противоестественных страстях, кипевших в его поблекшей душе. Он превосходил жестокостью всех бывших властителей Персии, и слово пощады, милости или человеколюбия никогда не срывалось с уст этого властителя-евнуха. В то же время это был человек необыкновенного ума, железной энергии и всепоглощающей гордости.

Одолев всех своих соперников, ага Мохаммед-хан заботился не о том, чтобы самому утвердиться на престоле, а чтобы возвратить Персии все потери, понесенные ею во времена междоусобий; он дал обет до тех пор не принимать титула шаха, пока власть его не будет признана на всем пространстве обширного Ирана. И Грузии, которую шах, конечно, считал отложившейся своей провинцией, приходилось испытывать месть за сношения с русской державой. Личное неудовольствие шаха против Ираклия, осмелившегося разбить войска аги Мохаммеда, посланные взять Эривань, гро-

зило еще увеличить бедствие. А Грузия между тем менее чем когда-либо была готова к защите. После торжественного вступления ее под покровительство России в 1783 году русские войска вскоре, по случаю турецкой войны, были отозваны, а в стране возникли раздоры. Ираклий был женат три раза, и дети от двух последних браков царя под влиянием интриг царицы Дарьи внесли смуту в страну, споря о наследстве и подготавливая шаху шансы на более легкий успех. Шах вступил в сопредельные Грузии магометанские ханства, требуя покорности, и большинство их не смело противиться грозному властителю Ирана. Только один владелец Карабага, хан Ибрагим, наотрез отказался принять послов шаха и, укрепившись в Шуше, приготовился к отчаянной обороне.

Высоко, до самых облаков, поднималась гранитная Шушинская крепость, построенная среди утесистых гор и скал, образующих между собой только узкий проход, который брать открытой силой было почти невыносимо. С вершины отвесной скалы, где стоял ханский дворец, открывались великолепные виды: к югу взор обнимал далекое пространство, через лесистые горы и знойные долины, вплоть до Аракса, извивавшегося серебристой лентой у темной цепи Карабага; к северу сверкали громады снежных гор, обозначая пределы благословенной Грузии. И хан, и карабагцы, справедливо гордясь неприступностью этого места, смеялись над хвастовством аги Мохаммед-хана, сказавшего раз, что он нагайками своей кавалерии забросает Шушинское

ущелье.

Эпизод с карабагским ханом, однако, не надолго отсрочил кровавое нашествие. Ага Мохаммед-хан, видя невозможность овладеть неприступными твердынями Шуши, обошел ее стороной и двинулся прямо на Грузию. Ганжа и Эривань, составлявшие прямое достояние грузинского царя, стали под шахские знамена, и все, что встречалось на пути победоносных его войск, покорялось, а непокорное предавалось огню и мечу. Несмотря на то, Ираклий отверг все требования шаха и готовился к обороне.

10 сентября 1795 года ага Мохаммед-хан расположился лагерем в семи верстах от Тифлиса.

Авангард шаха, встреченный грузинами на Картсанисской равнине, был разбит наголову. Из Тифлиса полетели во все стороны гонцы с известием о победе. Народ ликовал, но радость была преждевременна, так как эта неудача передового отряда не помешала неприятелю на следующий же день идти на приступ к городу.

Будучи укреплен и имея на своих стенах до тридцати пяти орудий, Тифлис мог бы оказать персиянам серьезное сопротивление и, по крайней мере, отсрочить свое падение на некоторое время. Но внутренние смуты мешали необходимому в таких случаях единодушию: царевичи, враждовавшие с отцом, не слушали призыва царя и не спешили из своих уделов на помощь столице. А в городе между тем была вызвана паника неосторожностью царицы. При страшной вести

о нашествии врагов народ сначала собрался перед дворцом и умолял царя не оставлять город на истребление персам, обещая биться до последней капли крови, царь дал также обет умереть со своим народом, и поставлена была стража у всех ворот, чтобы никого не выпускать из города. Но царица по совету приближенных испросила позволение себе и десяти почетным семействам выехать из Тифлиса. Как только узнал о том народ, он подумал, что царь, спасая семейство, не надеется защитить столицу, и толпами бежал во все стороны, как можно дальше от театра военных действий. У Ираклия к началу обороны города не осталось и нескольких тысяч князей и тавадов.

Шах между тем думал, что Тифлис достанется ему дешево, и, чтобы заставить своих солдат непременно одержать победу, прибег к весьма оригинальному средству. Он постоянно водил за собой шесть тысяч конных туркмен, ненавидящих персиян и, в свою очередь, ненавидимых ими. Связанные религией, но разделенные обычаями, эти два народа всегда чистосердечно и открыто презирали друг друга. Ага Мохаммед-хан воспользовался этим обстоятельством и, поставив туркмен в тыл своего войска, приказал им бить и умерщвлять каждого персиянина, которому пришла бы охота бежать. Этот приказ, приятный для туркмен, исполняем был ими с величайшей точностью. И персияне, имея позади себя верную смерть, конечно, не думали об отступлении.

Авангард грузин под начальством царевича Иоанна, дер-

жавшийся в течение нескольких часов на позиции, потерял много убитыми и стал уже отступать, когда на подкрепление к нему явился царевич Вахтанг, вытребованный Ираклием с отборными войсками из Птавов и Хевсу. Тогда авангард возобновил сражение и, получив новую помощь, посланную царем, под начальством Мочабелова, сам перешел в наступление. Этот Мочабелов был в свое время известный поэт-импровизатор. Взяв свой чунгур, он пропел перед войсками несколько вдохновенных строф своей песни и кинулся вперед с такой стремительностью, что его отряд проник до самых персидских знамен, из которых многие и были взяты грузинами на глазах самого аги Мохаммед-хана. «Я не помню, – проговорил тогда властитель Ирана, – чтобы когда-нибудь враги мои сражались с таким мужеством». Он выдвинул вперед мазендеранскую пехоту, стоявшую до тех пор в резерве, и приказал ей идти на приступ. Ираклий, со своей стороны, ввел в дело последние немногочисленные резервы, и большая часть из них погибла в этой отчаянной борьбе с несоразмерно многочисленным неприятелем.

Сражение продолжалось с утра до позднего вечера. Три раза персияне были отбрасываемы от стен Тифлиса и три раза возобновляли приступ, пока наконец не заставили грузин начать отступление.

– Каждый из твоих подданных, – говорили царю его окружающие, – знает твою храбрость и знает, что ты готов умереть за отечество, но если суровая судьба уже изменила нам,

то не увеличивай своей гибелью торжества неприятеля.

Царь никого не слушал, а между тем персияне заходили в тыл и, занимая все дороги, ведущие в город, грозили отрезать отступление. Тогда Ираклий с немим отчаянием бросился в битву и, наверное, погиб бы, если бы внук не спас своего знаменитого деда. С тремясками конных грузин царевич Иоанн кинулся в толпу персиян и вырвал царя почти из рук неприятеля.

С удалением Ираклия битва не прекратилась. Царевич Давид долго еще удерживал персиян в кривых и тесных улицах предместья. Но когда он увидел, что неприятельские толпы занимают город, уже покинутый царем, тогда и последний грузинский отряд удалился к северу с намерением пробраться в горы, куда отступил Ираклий.

Ага Мохаммед-хан овладел Тифлисом, и войска его преследовали бежавших грузин до самого Мцхета, в котором персияне не оставили камня на камне; и только знаменитый собор, этот памятник древнего величия Грузии, пощажен был благодаря заступничеству нахичеванского хана. «Не следует осквернять святыни и гробы царей», – сказал он своему отряду; храм остался нетронутым.

Тифлис между тем, с его дворцами и великолепными христианскими храмами, был обращен в груды развалин. Рассказывают, что ага Мохаммед-хан сначала пощадил так восторговшие Шах-Аббаса знаменитые тифлисские минеральные бани и даже купался в них, надеясь получить исцеление

от своего недуга, но, когда они оказались бессильными, он в гневе приказал разрушить и их до основания.

Жители Тифлиса подверглись неистовым жестокостям. Митрополит Тифлисский заперся с духовенством в Сионском соборе, но персы выломали двери, сожгли иконостас, раскидали святыню, перебили священников и самого старца митрополита сбросили в Куру с виноградной террасы его собственного дома. Целых шесть дней, с 11 по 17 сентября, персияне предавались в городе всевозможным неистовствам: насиловали женщин, резали пленных и убивали грудных младенцев, перерубая их пополам с одного размаха только для того, чтобы испытать остроту своих сабель. В общем разрушении не была пощажена и самая святыня. Персияне поставили на Авлабарском мосту икону Иверской Богоматери и заставили грузин издеваться над ней, бросая ослушников в Куру, так что река скоро запрудилась трупами. Около двадцати трех тысяч грузин было уведено в рабство.

Историограф аги Мохаммед-хана говорит, что при разорении Тифлиса храброе персидское войско показало неверным грузинам образец того, чего они должны ожидать для себя в день Судный.

Есть предание, что во время разорения Тифлиса пятьдесят жителей, не успевших бежать из города, отделились под защиту святого Давида и на святой горе – быть может, даже в той самой пещере, где теперь стоит гробница Грибоедова, – спаслись от смерти или плена. Персияне, разоравшие и гра-

бывшие город, по какому-то необъяснимому обстоятельству ни разу не всходили на гору, увенчанную старинным монастырем, долженствовавшим, как бы кажется, привлечь собой алчных грабителей. Очень может быть, что они опасались найти там скрытую засаду; но как бы то ни было святая обитель укрыла и спасла всех тех, которые в ней искали спасения.

Рассказывают также, что при взятии Тифлиса агой Мохаммед-ханом погиб знаменитый сазандарь (певец) Грузии Саят-Нова. Сто лет тому назад в стенах старого Тифлиса имя Саят-Новы было славно повсюду, от царского дворца до сакали ремесленника. Это был бедный армянин, ткач по ремеслу и сазандарь по призванию; в юности – разгульный певец, в старости – отшельник и, наконец, в минуту смерти – христианин, с крестом в руках убитый врагами на пороге церкви. Спустившись на майдан (базарную площадь в Тифлисе), вы увидите из-за плоских кровель синий конический купол армянской церкви, называемой Крепостной, потому что она помещалась когда-то внутри Тифлисской крепости. На дворе этой церкви, где теперь так часто собираются амкары для торговых сделок, в 1795 году зарыт окровавленный труп восьмидесятилетнего старца Саят-Новы. «Не ищите надгробного камня на его темной могиле, – говорит рассказчик этой легенды, – но знайте, что черты лица его и, быть может, звуки его голоса и до сих пор носят, как смутный призрак давно протекшего, в памяти тех немногих тифлис-

ских старожил, для которых нашествие аги Мохаммед-хана еще не составляет предания». Когда Тифлис был взят, Саят-Нова молился в храме, и, слыша приближение врагов, взял в руки крест, и пошел к ним навстречу, желая остановить их на пороге. Два стиха, две звучные рифмы на татарском языке вылились из уст его:

Не отступлю от Иисуса,
Не выйду из церкви.

И это были последние слова его.

Между тем два русских батальона, высланные с Кавказской линии Гудовичем, поспешно двигались под командой полковника Сырахнева на помощь к Ираклию, и весть о том, что они перешли уже горы, заставила шаха отступить от Грузии на Муганскую степь. Но русский отряд не пошел дальше Душета и после окончания похода графа Зубова возвратился в Георгиевск.

Разгромив Грузинское царство, ага Мохаммед-хан возвратился в Персию. Придворные убеждали его возложить на себя корону Ирана. Шах приказал собрать всех военачальников армии, вышел к ним, держа корону в руках, и спросил, желают ли они, чтобы она украсила его голову. «Вспомните, — сказал он, — что вместе с этим ваши труды только начнутся. Я никогда не соглашусь носить эту корону, если с

ней не будет сопряжено владычество, какое еще не имел ни один из персидских монархов». Все обещали посвятить свою жизнь распространению могущества шаха. Тогда ага Мохаммед короновался. Но он все-таки отказался надеть драгоценную корону Надир-шаха, на которой четыре алмазных пера (челенги) знаменовали собой четыре покоренных этим завоевателем царства: афганское, индийское, татарское и персидское. Он возложил на себя только маленькую диадему, украшенную перлами, и опоясался царским мечом, хранившимся на гробе мусульманского святого, родоначальника дома Софиев, в Ардебиле. Туда персидские государи обязаны отправляться за священным оружием; меч кладут в гробницу и целую ночь молят святого, чтобы он благоволил к монарху, который будет носить его меч. Наутро шах опоясывается им, ополчаясь на защиту шиитской веры.

Ага Мохаммед-хан немедленно после того предпринял поход на Хорасан, где ханствовал в то время Надыр-Мирза, правнук ненавистного для аги Мохаммеда Надир-шаха. Нужно сказать, что по смерти последнего многие драгоценности перешли в руки его родственников, и между прочим – к слепому отцу хороссанского хана. Ага Мохаммед потребовал возвращения этих драгоценностей, объявив государственным преступником всякого, кто будет держать у себя вещи, составлявшие, по его мнению, государственную собственность, и теперь, идя на Хорасан, он собирался наказать одного из ослушников, а шахской казне возвратить часть

принадлежавших ей драгоценностей. Надыр-Мирза бежал, оставив престарелому и слепому отцу, Шах-Року, сдать город повелителю Персии. Шах-Рок вышел навстречу с изъяснением покорности. Но здесь его ожидали страшные истязания – ага Мохаммед хотел узнать, где спрятаны сокровища. Шах-Рок умер под пыткой, указывая по мере усиления мучений все драгоценности, скрытые им в колодцах и в стенах. Когда же ему положили на голову венец из теста и в середину налили растопленный свинец, он указал и тот необыкновенной величины и красоты рубин, некогда бывший в короне, найти который особенно домогался шах. Затем ага Мохаммед приказал разрушить гробницу ненавистного ему Надир-шаха, окованную изнутри чистым золотом. Все найденные в ней богатства он взял в казну, а кости самого Надир-шаха приказал зарыть под крыльцом своего дворца в Тегеране. «Когда я попираю этот прах моими ногами, – говорил он, – раны моего сердца заметно облегчаются».

В Хорасане ага Мохаммед узнал о вторжении русских войск в пределы Персии. Императрица Екатерина, возмущенная и бедствиями Грузии, и самой личностью шаха, отправила войска под предводительством графа Зубова, который успел завоевать Дербент, Шемаху, Баку, Сальяны и Ганжу. К сожалению, смерть императрицы оставила неоконченным так блистательно начатое дело.

Шах прекрасно понимал, каким грозным врагом является для него Русская империя, и ввиду предстоявшей борьбы

принял план, который обещал ему наибольший успех. Собрав, как рассказывают, своих военачальников и объявив им, что русские осмелились вторгнуться в пределы его государства, он говорил: «Храбрые воины мои пойдут против них; мы нападём на стены, сгроможденные из пушек, на строи славной пехоты – и разрубим их на части нашими победоносными мечами».

Начальники одобрили геройскую решимость шаха и обещали не жалеть своей крови. Но когда они разъехались, шах призвал первого министра и спросил, слышал ли он слова, сказанные им войсковым начальникам. Министр ответил, что слышал.

– И ты думаешь, что я поступлю, как говорил?

– Без сомнения, если это угодно будет повелителю.

– Хаджи, – сказал тогда гневно ага Мохаммед, – неужели я ошибся? Неужели и ты так же глуп, как и прочие? Такой умный человек, как ты, мог ли подумать, что я подставляю свою голову под их железные стены и допущу истребить мою неправильную армию их артиллерией и благоустроенными войсками? Я знаю лучше мое дело. Никогда русские пули меня не достигнут, и русские могут владеть только тем, что будет находиться под огнем их артиллерии. Им некогда будет дремать, и они могут идти куда пожелают, но я везде оставлю им одну пустыню.

Шаху не пришлось, однако, применить свой план: русские войска ушли. Внезапное отступление их несказанно обрадо-

вало агу Мохаммеда, и он тотчас же отправил в Грузию фирман, «которому должна повиноваться вселенная».

«Россияне, — писал он, — всегда промышляли торгом и купечеством, продавали сукна и кармазин, но никто и никогда не видал, чтобы они могли употреблять копье или саблю. Так как они отважились ныне войти в пределы областей, состоящих под нашей державой, то мы высочайшие мысли наши устремили в ту сторону и обратили счастливейшие знамена наши на то, чтобы их, наказав, истребить. Они же, узнав о таком нашем намерении, бежали в свою гнусную землю».

Мстительный шах не думал оставить безнаказанным вторжение русских, и в 1797 году вся Грузия была снова встревожена известием о движении к ее пределам аги Мохаммеда. К счастью, гроза разразилась только над одним Карабагом. Грозный властитель Персии не мог забыть оскорбления, нанесенного его достоинству ничтожным ханом Шушинским, который осмелился не признать его власти, и многочисленное персидское войско прежде всего появилось на Араксе и начало разорять карабагскую землю. Ибрагим, хан Шушинский, оставив свои владения, со всем семейством и несколькими беками бежал. Две тысячи всадников, под начальством лучших военачальников, были посланы в погоню за Ибрагимом; они настигли его на переправе через реку Тертер, но хан, после упорного дела, разбил персиян и успел скрыться в горах.

Тогда ага Мохаммед занял без боя столицу Карабага,

Шушу, и поселился в прекрасном ханском дворце в одной небольшой комнатке, недоступной для постороннего взора. Угрюма была эта комната шаха, без всякого убранства и мебели. Лишь на полу разостлан был богатый ковер, чтобы предохранять ногу властелина от жесткого прикосновения к каменным плитам, да у стены стояла знаменитая в то время походная кровать, служившая шаху и постелью, и трон. Густо усеянная жемчугом и драгоценными камнями, ткань покрывала кровать вплоть до пола, а посередине дорогого одеяла было оставлено незащищенное поле из пурпурного бархата, обозначавшее место шахского сиденья. Тут обыкновенно восседал шах с поджатыми под себя ногами, одетый в широкую шубу, крытую богатой шалью красного цвета.

Перед дворцом толпились персияне, а на площади стояла бивуаком шахская гвардия. Все было тихо, все боялось нарушить спокойствие повелителя и потревожить его чуткое ухо. Между тем Шуше суждено было сделаться местом гибели жестокого шаха. Вот как передают об этом местные предания.

Был уже восьмой день со времени занятия Шушинской крепости. Вечером, когда ага Мохаммед молился, в комнату его вошел Садых-хан, начальник всей персидской кавалерии, и молча встал у порога. Шах прервал молитву, лицо его было зловеще.

– Как ты осмелился, раб, явиться передо мной незванный? – спросил он Садыха.

– Недостойный раб твой исполняет волю своего повелителя, переданную мне устами Сафар-Али, – ответил тот и низко поклонился.

Шах позвал Сафара.

– Когда я тебе приказывал звать Садых-хана?

– С полчасика тому назад.

– Лжешь, собака! – вскричал ага Мохаммед и направил дуло пистолета прямо в грудь своего нукера, но тотчас же опустил его...

– Не дерзнет червь ничтожный лгать перед Богом небесным и перед солнцем его земным! Может быть, злой дух обманул мое ухо, и я не понял приказания моего повелителя.

– Если уши твои не умеют слушать, так они мне не нужны... Ступай! Пусть их отрежут!

Над Сафар-Али немедленно исполнили приговор.

Наступила ночь. В комнате шаха слабо мерцала серебряная лампада. Он лежал на кровати и не спал. Вдруг ему показалось, будто слышатся шепот и тихие рыдания. Тревожно он окликнул своих нукеров. Вошли двое: Сафар-Али, с головой, обвязанной окровавленными платками, и Аббас-бек, оба испуганные, бледные.

– Ты смеешь плакать, как женщина, – сказал шах Сафару, – когда тебе должно радоваться великой милости, даровавшей тебе жизнь! А ты, Аббас, осмелился разговаривать около спальни и мешать моему сну!.. Вы оба лишние на земле, и с восходом солнца падут ваши головы. Есть еще

несколько негодяев, подобных вам. Завтра я наряжу страшный суд над всеми, и из черепов ваших сооружу минарет, выше Шамхорского. Слышали? Ступайте!

Была ночь на пятницу, обыкновенно посвящаемая молитве, и шах по необходимости должен был отложить исполнение приговора до утра. Уснул он, но не спали нукеры, знавшие, что приговор шаха бесповоротен. Непонятно, каким образом приговоренные к неизбежной смерти служители остались на ночь при шахе, и слух о повреждении рассудка его, быть может, и имеет некоторые основания. Нукерам приходилось или покорно ожидать казни, или порешить с шахом, и они решились на последнее. Вооруженные кинжалами, они тихо вошли в коридор и остановились перед шелковым занавесом, закрывавшим вход в шахскую опочивальню. Глубокая тишина свидетельствовала о крепком сне повелителя. Осторожно и без шума вошли двое убийц и стали у кровати. Блеснул кинжал и глубоко вонзился в грудь спящего шаха.

Он приподнялся, остановил на убийцах угасающий взор и произнес: «Несчастный! Ты убил Иран!» – и голова его безжизненно упала на подушку.

Убийцы вынули драгоценные камни из короны шаха и бежали в Нуху, под покровительство шекинского хана; отсюда и возникло не лишенное вероятия предположение, что преступление совершилось вследствие подкупа хана – их покровителя. Когда весть о смерти шаха распространилась в лаге-

ре, приближенные его уже успели расхитить шахские сокровища, и войска, dokonчив дело грабежа, в беспорядке оставили Карабаг и ушли в Персию.

Голова аги Мохаммеда была отсечена и отправлена к карабагскому хану Ибрагиму, который со всеми подобающими почестями похоронил ее в Джарах. Обезглавленное же тело шаха отправлено им в Тегеран, где и погребено среди властителей Персии.

Так совершилась судьба аги Мохаммеда.

Со смертью его связана история гибели знаменитого карабагского поэта Вакафа, жившего в Шуше во время нашествия. Не успев бежать вместе с Ибрагимом, он был захвачен неприятелем и попал в руки кровавого врага своего, аги Мохаммеда.

Рассказывают, что еще во время первого нашествия на Шушу ага Мохаммед приказал пустить в карабагский стан стрелу, к которой был прикреплен лоскут бумаги со следующими стихами: «Из небесной камнеметательной машины бросаются бедоносные камни, а ты по глупости защищаешься от них в стеклянной крепости...»

Стрела от Ибрагим-хана принесла ему такой ответ: «Если Тот, в Кого я верую, мой Хранитель, то Он сохранит и стекло под мышцей камня». Ага Мохаммед спросил, кто автор этих стихов, и ему называли Вакафа; он поклялся убить его, как только Шуша будет взята.

Теперь несчастного поэта вместе с другим карабагцем

везли на грозную расплату. Но поэт был спокоен. В каком-то предвидении будущего он обратился к товарищу своего несчастья и сказал: «Друг мой, предсказываю тебе, что я никогда не увижу аги Мохаммеда и ничего дурного от него не перенесу; за тебя же ручаюсь».

Вечером их привезли в Шушу, и шах приказал немедленно казнить карабагца, а Вакафа посадить в тюрьму, чтобы наутро предать мучительнейшей смерти. Но в эту самую ночь он пал под ножом Сафар-Али – и Вакаф получил свободу.

Но беда грозила поэту там, где он ее не предвидел. Воспользовавшись отсутствием законного хана, племянник Ибрагима, Мухаммед-бек, задумал овладеть Карабагом. Вакаф был из числа немногих, не согласившихся изменить старому хану, и был казнен вместе с сыном. За воротами Шушинской крепости, на высоком холме, где совершались народные празднества, и поныне еще указывают их общую могилу.

Ага Мохаммед погиб. А в следующем, 1798 году, 11 января, умер и Ираклий, вынеся в глубокой старости тягчайшие испытания.

Существует трогательный рассказ о пребывании царя в полуразрушенном старинном Ананурском монастыре, когда разбитый и всеми покинутый, он должен был искать в нем убежища. «В ветхой келье, стоявшей в углу монастырской ограды, – говорит этот рассказ, – можно было видеть старика, сидевшего лицом к стене и покрытого простым овчинным тулупом. Это был царь Грузии Ираклий II – некогда гро-

за всего Закавказья. Подле него находился старый слуга-армянин.

— Кто там сидит в углу? — спрашивали проходившие люди.

— Тот, которого ты видишь, — со вздохом отвечал армянин, — был некогда в большой славе, и имя его уважалось во всей Азии. Он был лучшим правителем своего народа, но старость лишила его сил и положила всему конец и преграду. Чтобы отвратить раздоры и междоусобия в семействе, могущие последовать после его смерти, он думал сделать последнее добро своему народу и разделил свое царство между сыновьями. Несчастный Ираклий ошибся. Ага Мохаммед, бывший евнухом Кули-хана, Надир-шаха в то время, когда Ираклий носил звание военачальника Персии, пришел теперь победить его немощную старость. Собственные дети отказались ему помочь и спасти отечество, потому что их было много и всякий из них думал, что будет стараться не для себя, а для другого. Царь Грузии принужден был прибегнуть за помощью к царю Имеретии, но если ты был в Тифлисе, то видел весь позор, какой представляло там имеретинское войско. Ираклий с горстью людей сражался против ста тысяч и лишился престола оттого, что был оставлен без жалости своими детьми. И кому же на жертву? Евнуху, человеку, который прежде раболепствовал перед ним. Померкла долголетняя слава его, столица обращена в развалины, а благоденствие народа — в погибель. Вот под этой стеной видишь ты укрывающегося от всех людей славного царя Грузии без

помощи и покрытого только овчиной. Царедворцы и все находившиеся при нем ближние его, которых он покоил и питал на лоне своем во всем изобилии, оставили его; ни один из них не последовал за своим владыкой, кроме меня, самого последнего его армянина.

Грустная повесть Ираклия невольно вызывает в вас представление мрачной эпохи, в которой величавый гений Шекспира нашел величественный образ другого короля-страдальца, несчастного Лира, также разделившего свое царство и также испытывавшего всю неблагодарность тех, кто всем был обязан ему. Но Шекспир – великий летописец навсегда минувших Средних веков, а на Кавказе это совершалось почти на наших глазах.

По удалении аги Мохаммеда Ираклий возвратился в Телави, служивший ему любимым местопребыванием после Тифлиса. С Телави соединялись лучшие воспоминания всей его жизни. Там, будучи еще царственным юношей, он приобрел себе военную славу покорением лезгин, Ганжи и Эривани, и долго после того всему Закавказью было известно, что этот бедный Телави – резиденция грозного царя Кахетии, которому суждено было впоследствии соединить под своей властью целую Грузию. И вот прошли пятьдесят два года царствования Ираклия, и он опять возвращается в тот же Телави, но только для того, чтобы покончить здесь остаток своих дней, когда звезда его угасла, и он, удрученный годами и горем, не имел сил смотреть на пепелище Тифлиса.

Грустно протекли последние дни престарелого венценосца. Лишенный наружного величия и блеска, он умер среди народного плача, стоявшего тогда над целой Грузией, еще не успевшей оправиться от вторжения в нее аги Мохаммеда.

В старинном, некогда столичном городе Мцхете, в соборе Двенадцати апостолов, как раз напротив царских дверей, лежит и поныне простая мраморная плита, указывающая место, где успокоились кости царственного труженика. Отчетливо сохранившаяся надпись на камне гласит: «Здесь покойся царь Ираклий, родившийся в 1716 году, который возшел на престол кахетинский в 1744-м, на картлийский – в 1762-м и который скончался в 1798 году. Дабы передать потомству память о сем государе, царствовавшем со славой в течение пятидесяти четырех лет, именем Его Императорского Величества Александра I, главнокомандующий в Грузии маркиз Паулуччи соорудил ему сей памятник в 1812 году».

Грузинский народ помнит своего венценосного страдальца, представляя его себе героем, лишь в силу исторических обстоятельств поставленного лицом к лицу с бедствиями войны и поражения. Одна из народных грузинских песен, отражающая народную любовь к нему, говорит: «Пусть не страшит тебя старость, подними твой меч, грянем на врагов и обратим их в бегство. Но если Бог попустит неверных разорить твою добрую столицу, иди к нам и знай, что мы, горцы, постоим за тебя; тушины, пшавы и хевсуры положат головы за тебя, послужим тебе до конца. Посмотрим, кто будет

после тебя Ираклием!»

V. ПЕРСИДСКИЙ ПОХОД ЗУБОВА

В 1796 году в Кизляре формировался сильный русский корпус из двух пехотных и двух кавалерийских бригад, в котором частями, по личному назначению императрицы, командовали все до одного прославившиеся впоследствии орлы екатерининских дружин, генерал-майоры: князь Цицианов, Булгаков, Римский-Корсаков, барон Бенигсен, граф Апраксин и Матвей Иванович Платов, главнокомандующим же был генерал-поручик граф Валериан Александрович Зубов. Готовился большой поход на Персию – в этот «Лес львов», как его называют персидские историки, уже давно ожидавший возмездия за свое вековое вероломство. Разгром в 1795 году ага Мохаммедом Грузии, стоявшей уже тогда под покровительством России, был прямым оскорблением достоинства великой державы, прямым вызовом, и война была решена.

Говорят, впрочем, что поход этот находился в тесной связи со знаменитым греческим проектом, обновленным редакцией графа Платона Зубова. Проект заключался в том, что граф Валериан Александрович, покончив с Персией у себя в тылу, должен был захватить в свои руки Анатолию и угрожать Константинополю с малоазиатских берегов, в то время как Суворов пойдет через Балканы и Адрианополь, а сама

Екатерина, находясь лично на флоте с Платоном Зубовым, осадит турецкую столицу с моря.

Главкомандующему графу Зубову было в это время только двадцать четыре года. Быстрым возвышением он был, конечно, обязан прежде всего брату своему, князю Платону Александровичу, вельможе Екатерининского века, но несомненно также, что он оправдал вполне доверие императрицы и личным мужеством, запечатленным тяжелой раной, и государственными заслугами, оказанными им в блистательно исполненном Персидском походе. Недостатки, общие для молодых людей прошлого века, уравнивались в нем такими симпатичными качествами, которые делали его любимцем русского войска – солдаты боготворили своего юного вождя и шли за ним в огонь и в воду.

Карьера молодого Зубова была весьма замечательна. Произведенный в офицеры в 1785 году, он через четыре года уже был подполковником и в этом чине участвовал в турецкой войне, под главным начальством Потемкина; за взятие Бендер императрица пожаловала ему чин полковника и звание флигель-адъютанта; штурм Измаила доставил ему крест Святого Георгия 4-й степени, а вскоре после того, произведенный в генералы и награжденный Александровской лентой, он был отправлен вместе с Суворовым в Польшу. Здесь он участвовал во всех победах знаменитого полководца и на двадцать третьем году от рождения получил от императрицы драгоценную соболю шубу, чин генерал-поручика и орде-

на Святого Георгия на шею и Святого Андрея Первозванного. В одном из сражений в Польше, именно – при переправе через Буг, верстах в двадцати от Варшавы, неприятельское ядро оторвало Зубову ногу. Он должен был ехать лечиться за границу и возвратился назад с искусственной ногой, так хорошо сделанной, что он мог ездить верхом и оставаться на коне по суткам. Впоследствии персияне и горцы прозвали его Кизил-Аяг, то есть «генерал с золотой ногой». Зубов прибыл в Кизляр в начале апреля и, найдя войска совершенно готовыми к походу, двинул их в Дагестан по следам передового отряда Савельева. Старый Савельев – известный на Кавказе геройской обороной Наурской станицы – вошел во владения Шейх-Али-хана Дербентского и тотчас предложил ему заключить оборонительный и наступательный союз против Персии. Но юный восемнадцатилетний хан оставил письмо без ответа, а приближавшийся к городу русский отряд встретил пушечными выстрелами.

Савельев стал на позиции под самыми стенами Дербента, однако на приступ не отважился, зная, что в городе сосредоточено до десяти тысяч войска, а так как продолжительное бездействие русского отряда могло в значительной степени поднять дух неприятеля, то Зубов предписал Савельеву отойти от города и ожидать главный корпус где-нибудь на крепкой позиции. 2 мая главнокомандующий подошел к Дербенту уже со всеми войсками. Верстах в четырех от города казаки его были встречены огнем дербентских наездников

и пешими стрелками, засевшими по горам и оврагам. После перестрелки, продолжавшейся более трех часов, неприятель был отеснен и заперся в крепость, а русские войска обложили город и открыли по нему канонаду.

Действие тогдашней полевой артиллерии против каменных стен оказалось, однако же, малодейственным, и потому главнокомандующий, чтобы выиграть время, приказал батальону Воронежского полка вместе с двумя гренадерскими ротами из отряда Савельева взять штурмом передовую башню. Несмотря на отчаянную храбрость солдат, штурм был отбит. Командир батальона полковник Кривцов и почти все офицеры были переранены; нижних чинов выбыло из строя более ста человек, и генерал Римский-Корсаков вынужден был отступить на прежнюю позицию.

3 мая началось усиленное бомбардирование города. Пять дней гремели наши орудия, а между тем войска готовились к вторичному штурму, который должен был повести генерал Булгаков.

На этот раз в составе штурмовой колонны назначены были те же две гренадерские роты Воронежского полка и третий батальон Кавказского егерского корпуса. 7 мая граф Зубов лично объехал отряд и объявил, что «башню надо взять непременно», что «штурм произойдет на глазах всего Дербента, и неудача может повлечь за собой торжество персиян, которые издревле привыкли трепетать перед русским именем». Потом он стал на высоком кургане, откуда мог видеть

все подробности боя, и приказал идти в наступление.

Воодушевленные присутствием любимого вождя, воронежцы, не отвечая на огонь неприятеля, быстро приблизились к башне, а через несколько минут поручик Чекрышев уже был на ее стенах, и закипела кровавая битва. Защитники верхнего яруса были все переколоты; тогда нападающие живо разобрали половицы и вместе с досками и балками обрушились в нижний этаж на головы врагов, которых и истребили штыками.

Пока гренадеры бились внутри башни, батальон егерей, стремительно атаковав наружную ограду, выгнал из нее персиян, и таким образом около полудня все передовые укрепления были окончательно взяты. Это дозволило русским войскам в тот же день спуститься вниз с каменных высот и заложить траншеи на весьма близком расстоянии от города. Новое двухдневное жестокое бомбардирование поколебало наконец упорный дух защитников Дербента; 10 мая на крепостной стене был выкинут белый флаг, а вслед за тем и гордый Шейх-Али-хан явился в русский лагерь в униженном виде, с повешенной на шее саблей. Жители просили пощады и, бросая оружие, толпами выходили навстречу русским войскам. При появлении главнокомандующего вся масса народа покорно и безмолвно стала на колени. Седой двадцатилетний старец приветствовал победителя короткой речью и поднес ему на блюде серебряные ключи от города. Это был тот самый старик, который за семьдесят четыре года перед

этим поднес те же ключи и на том же самом месте императору Петру Великому.

Взятие Дербента стоило русским одиннадцати офицеров и ста семи нижних чинов, а взято было в крепости двадцать восемь орудий, пять знамен и одиннадцать тысяч разного оружия. В тот же день комендантом Дербентской крепости назначен был генерал-майор Савельев, и четыре батальона вступили в цитадель с распущенными знаменами, музыкой и барабанным боем. Но торжественный въезд Зубова был отложен на несколько дней, необходимых для приведения города в порядок. 13 мая главнокомандующий, сопровождаемый большим эскортом, наконец выехал из лагеря по направлению к городу, и с крепостной стены загревели в честь его русские пушки. Почтеннейшие беки и старшины Дербента встретили его у ворот и приветствовали хлебом и солью. Тут же стояло армянское духовенство и собраны были муллы для приведения жителей к присяге русской императрице. Окруженный блестящей свитой, граф Зубов проехал через город, богато украшенный персидскими коврами и флагами, прямо к ставке Савельева, где была поставлена походная церковь, и здесь, в стенах завоеванного города, отслужен был благодарственный молебен за дарованную нам победу, а затем Дербент торжественно объявлен присоединенным к Российской империи.

Лишенный владения, Шейх-Али-хан остался в русском лагере почетным пленником. Он пользовался, однако же,

слишком большой свободой, и на его сношения с туземцами никто не обращал внимания. А между тем под личиной чистосердечной преданности русским Шейх-Али деятельно готовил все способы к побегу. Однажды, восхищая всех лихой джигитовкой, он вдруг поскакал на крутую гору, где виднелись какие-то конные люди, и джигитовка обратилась в настоящее бегство. Напрасно дежурный офицер тотчас же послал в погоню казаков, они не попали на след, и хан исчез, можно сказать, на глазах целой армии. Побегу этому сначала не придали большого значения, но вскоре Шейх-Али явился в Дагестан и, как увидим, наделал много хлопот не только Зубову, но и его преемникам.

За покорение Дербента императрица пожаловала Зубову Георгия 2-й степени, бриллиантовое перо на шапку и алмазные знаки ордена Святого Андрея Первозванного; все генералы, участвовавшие в этой экспедиции, получили Анненские ленты, а поручик Чекрышев, как первый вошедший на башню, награжден орденом Святого Георгия 4-й степени.

Молва о падении Дербента быстро распространилась по всему Дагестану, и горские владельцы, наперекор друг другу, спешили в лагерь с изъявлениями покорности.

Почти одновременно со взятием Дербента особый отряд генерал-майора Рахманова занял Баку, а генерал Булгаков овладел Кубинским ханством. Между тем главные силы, простояв под стенами Дербента около двух недель, также двинулись дальше и покорили Шемаху, владетель ко-

торой, Мустафа-хан Ширванский, впоследствии оказавший русским истинные услуги, теперь бежал к персиянам.

Зубов восстановил спокойствие в городе, а ханство передал в управление родному дяде хана, Кассиму, выражавшему русским совершенную преданность и, конечно, не преминувшему взбунтоваться при первой же возможности.

Нужно сказать, что измена давно уже свила себе гнездо в самом русском лагере. Брат шаха Нури-Али-хан, владетель одной из богатейших прикаспийских провинций, боясь мести аги Мохаммеда за то, что не хотел уступить ему жеребца, купленного за четыре тысячи червонцев, за год перед тем бежал в Петербург и просил о заступничестве. Когда граф Зубов прибыл в Кизляр в качестве главнокомандующего, с ним вместе приехал и Нури, рассчитывавший в случае успеха русских сесть на персидском престоле. Ему оказывались в русском лагере всевозможные почести: он имел особую свиту, простиравшуюся до ста человек персиян, и получал значительное содержание от русского правительства; кроме того, Зубов подарил ему все драгоценности, оставленные в лагере дербентским ханом. Богатства и почести не сделали, однако же, Нури лучше и благороднее; как истый персиянин, он не имел никакого понятия о нравственном благородстве и был всегда готов на самую коварную измену.

В это время шекинский и карабагский ханы, уstraшенные участью Ширванской области, заключили тайный договор действовать сообща в борьбе с русскими, а к ним скоро

присоединился и старый Кассим-хан. Нури, подкупленный, как говорят, красотой дочери карабагского хана, славившейся тогда в Закавказье, принял участие в заговоре, взял на себя обязанность убить графа Зубова. Уже был назначен день, в который Нури должен был проникнуть в ставку главнокомандующего и, пользуясь тем, что Зубов никогда не держал около себя никаких охранных караулов, собственной рукой поразить его кинжалом. Смерть юного полководца должна была послужить сигналом к общему нападению на лагерь и доставить ханам победу, а Нури – обладание первой карабагской красавицей.

Счастливый случай открыл этот страшный заговор. Утром того дня, когда Зубов должен был погибнуть, Нури, джигитовавший на своем любимом коне, обронил с головы папахи, из которой выпала записка. Ее нашел казак и немедленно представил главнокомандующему. То было письмо одного из заговорщиков. Нури тотчас арестовали и отправили в Астрахань, а русские войска немедленно заняли Шекинское и Карабагское ханства. Зубов не находил прямых улик к обвинению ханов в заговоре, а потому и сохранил за ними власть и звание правителей, однако же заставил их дать аманатов и присягнуть на подданство России.

Едва рассеялась собиравшаяся гроза над главным станом, как черные тучи стали подниматься на русских со стороны Дагестана. Бежавший туда Шейх-Али-хан успел взволновать умы легковверных горцев и, заключив союз с Сурхай-ханом

Казикумыкским, решился внезапно напасть на город Кубу и истребить отряд генерала Булгакова.

В ночь на 29 сентября значительное скопище горцев скрытно передвинулось с этой целью с Самура в селение Алпаны и захватило вход в узкое ущелье, по которому только и можно было спуститься с гор на равнину Кубинского ханства. Булгаков вовремя узнал о грозящей опасности. Рота егерей, отправленная на разведку, под командой капитана Семенова, открыла неприятеля в Алпанском ущелье и остановилась в ожидании помощи. Скоро к ней подошел подполковник Бакунин с тремя ротами того же батальона, с казачьей сотней и двумя орудиями. Ущелье, перед которым стоял русский отряд, было сплошь покрыто дремучим чинаровым лесом. Несмотря на то, Бакунин решился идти вперед, чтобы перед рассветом атаковать неприятеля. Офицеры одобрили это намерение, и в темную непроглядную ночь батальон втянулся в лесное дефиле, которое через несколько часов должно было стать его могилой. Дорога шла по каким-то косогорам, ямам и рытвинам, а во многих местах совершенно пересекалась непроходимыми дебрями. Измученные лошади едва подвигали орудия, и людям приходилось тащить их на себе, задерживая движение отряда.

Начинался рассвет, когда показалось наконец селение Алпаны, расположенное на покатости горы, очерченной глубоким оврагом. Дорога становилась лучше. Но едва отряд стал выходить из леса, как горцы в числе пятнадцати тысяч вдруг

ринулись на него из оврага. Атака была неожиданна и так стремительна, что русские орудия не успели сделать ни одного выстрела, как уже были захвачены горцами. Неприятель окружил отряд со всех сторон, и началось беспощадное истребление его. Бакунин, Семенов и большинство офицеров были убиты; остатки, уцелевшие от этой резни, успели скрыться за сложенными бревнами и здесь отбивались до тех пор, пока не пришел к ним на помощь весь Угличский пехотный полк с четырьмя орудиями, под командой полковника Стоянова. Увлеченные боем, горцы заметили новый русский отряд только тогда, когда картечьхватила в самую середину их скопища. Застигнутые врасплох, они, в свою очередь, были окружены и разбиты наголову. Булгаков, не довольствуясь этим, приказал наказать казикумыкского хана полным опустошением его владений, и войска со всех сторон уже двинулись в горы, когда Сурхай явился в лагерь с повинной головой и отклонил грозу безусловным исполнением всех предписанных ему условий. Он выгнал из своих владений Шейх-Али-хана, дал аманатов и со всем народом присягнул на подданство русской государыне.

Истребление отряда Бакунина было, однако, признано победой, и Тегеран, по приказанию аги Мохаммеда, торжествовал ее иллюминацией.

Все эти происшествия задержали главный русский корпус в Шемахе почти на шесть недель. Только по усмирении Дагестана Зубов нашел возможность отправить наконец трех-

тысячный отряд, под командой генерала Корсакова, вверх по Куре на помощь к грузинскому царю Ираклию, поручив ему вместе с тем покорить по пути Ганжийское ханство.

Корсаков подошел к Ганже 13 декабря и встречен был ханом, который сдался без сопротивления. То был Джават-хан, участник тифлисского погрома, впоследствии знаменитый отчаянной защитой против князя Цицианова.

Одновременно с движением Корсакова к Ганже и главные русские силы перешли к урочищу Джават, лежавшему при самом слиянии рек Куры и Аракса. Здесь граф Зубов решил заложить укрепленный город, который он хотел назвать Екатериносердом, а в ожидании этого войска стояли бивуаком, занимая обширную, примыкавшую к левому берегу Куры равнину, за которой уже начиналась Муганская степь. Вся иррегулярная кавалерия, под начальством Платова, была переброшена на ту сторону речки и высылала разъезды почти до самого Гиляна, но неприятеля нигде не было видно. Шах был в походах, и русским оставалась полная свобода распоряжаться в сопредельных с Персией мусульманских ханствах. Так, в короткое время были покорены России ханства: Казикумыкское, Дербентское, Бакинское, Кубинское, Ширванское, Карабагское, Шекинское и Ганжийское, и весь берег Каспийского моря, от устьев Терека до устьев Куры, был занят русскими войсками, расположившимися также и в Муганской степи. Весь Азербайджан лежал перед ними незащищенный; дорога к Тегерану была открыта, и передовые

русские посты уже появлялись в Гиляне.

Война была выиграна. Оставалось только воспользоваться ее результатами – утвердить за собой обширные приобретения, доставшиеся нам почти без пролития крови. Императрица, очевидно, и имела это в виду, пожаловав Зубову чин генерал-аншефа и назначив его наместником Кавказского края вместо генерала Гудовича, но вдруг 6 ноября она скончалась, и дела сразу приняли другой оборот.

Император Павел Петрович, как известно, не разделял политических видов своей великой матери, и с ее кончиной политическая программа России резко и крупно меняется. Война, начатая с Персией, также не входила в виды нового императора, а потому в начале декабря 1796 года все полковые командиры внезапно получили именные высочайшие указы немедленно возвратиться со вверенными им полками в наши границы.

6 декабря наместник Кавказа граф Зубов собрал к себе всех частных начальников и, объявив им высочайшую волю, сложил с себя звание главнокомандующего. Кавказскую линию он сдал графу Гудовичу – теперь любимцу нового государя, а сам был уволен в отставку. Ермолов, бывший в этой экспедиции батарейным командиром, вспоминая о знаменитом отступлении, рисует перед нами картину далеко не привлекательного свойства. Полки, по его словам, возвращались поодиночке, каждый сам по себе, и выходили на Терек, где их ожидал своенравный Гудович, пылавший гневом за то,

что не ему вверено было начальство над экспедиционным корпусом. Избегая с ним встречи, многие, и в том числе сам Ермолов, пробрались степью на Астрахань. В Грузии остался только небольшой отряд генерала Римского-Корсакова, зимовавший в Ганже, но и тот в начале 1797 года воротился на линию, пройдя окольным путем через Дарьяльское ущелье. Так закончился Персидский поход, начатый блистательным успехом и окончившийся возвращением персидскому шаху всех покоренных земель.

Персидский историк так описывает это событие: «Монархиня, — говорит он, — назначила главнокомандующим посылаемого ею войска военачальника, у которого одна нога была оторвана ядром, а вместо нее сделана золотая, почему его и прозвали Кизил-Аяг, то есть Золотоногий. Ему поручено было в командование сорок тысяч пехоты и двадцать тысяч конницы с несметной артиллерией. По прибытии к Дербенту он хотел овладеть им, разгромив ядрами его стены. Но так как стены были прочнее, шире и толще скалы, то ядра не произвели в них ни малейшего вреда. При этом Шейх-Али-хан Дербентский множество людей покрыл кровью (то есть убил), но ему изменил некто Хазар-бек, и русские взяли город. Кизил-Аяг явился в Муганской степи. Шах, узнав об этом, поспешил к Ардебилю с бесчисленной армией, покрывшей все горы и долины, и с таким торжеством выступил против врага, что Кизил-Аяг потерял всякую надежду к спасению. А потому, видя себя подобно воробью в когтях ястре-

ба или ягненка в объятиях волка, он совершенно потерялся, не зная, что предпринять. Вдруг пришло известие, что Солнцешапочная (Хуршид-Кулаг) монархия скончалась. Пользуясь этим случаем, Кизил-Аяг поспешил в Россию, бросив на произвол судьбы весь обоз, который сделался добычей шахских войск – милость великого и всемогущего Аллаха!»

Несчастливая Грузия опять была предоставлена ее собственной участи, и только смерть аги Мохаммеда избавила ее от нового страшного нашествия.

А виновник персидских побед, граф Зубов, отставленный от службы, жил некоторое время под присмотром полиции в своих имениях в Курляндии. Впоследствии, в 1800 году, он снова был принят на службу в чине генерала от инфантерии и назначен сперва директором второго кадетского корпуса, а потом членом Государственного совета. В этом звании граф и умер 21 июня 1804 года на тридцать четвертом году от рождения. Прах графа Валериана Александровича покоится в Сергиевской пустыни, близ Петергофа. Над его могилой впоследствии воздвигли каменную церковь во имя мученика Валериана, а при ней устроили особое помещение для тридцати солдат-инвалидов.

VI. ПРИСОЕДИНЕНИЕ ГРУЗИИ (Кнорринг и Лазарев)

По смерти Ираклия II Грузия, только что выстрадавшая

погром аги Мохаммеда, осталась в самом бедственном положении, находясь снаружи под угрозой вторжения турок, персов и лезгин, а внутри раздираемая смутами и борьбой за престолонаследие. Законным наследником Ираклия остался старший сын его от второго брака Георгий XIII, уже с давних пор по праву царь Картлийский. Еще дед его, Теймураз, уезжая в Петербург, передал царевичу Георгию скипетр Картлийского царства, опоясал его царским мечом и возложил на него крест с частицами животворящего дерева на золотой цепи, украшенной драгоценными камнями и жемчугом, и эта передача совершалась торжественно в Мцхетском соборе в присутствии духовенства, князей и дворян Картли. Но, как известно, Ираклий присоединил тогда и Картли под свое непосредственное управление.

Георгий наследовал лучшие свойства своего отца и мог бы доставить благоденствие стране, не поставленной в столь тяжкие условия, как Грузия. Будучи царевичем, он пользовался уже большой популярностью, которую увеличила еще его первая жена, заслужившая редкую народную привязанность. Георгий женился двадцати одного года от роду на тринадцатилетней Кетевани, дочери казахского моурава Андроника-Швили, при обстоятельствах несколько романтического характера.

Рассказывают, что, когда Георгий посетил Кахетию и был в гостях у моурава, случилась тревога: лезгины показались на Алазани. Молодой Реваз Андроник во время преследова-

ния неприятеля был ранен в колено, но имел мужество выказать это только по возвращении домой. Георгий был в восторге от легендарной храбрости и благородного характера князя и тут же просил руки Кетевани, его сестры, так как отца девицы тогда в живых уже не было. Эта невеста Георгия и была та самая неустрашимая героиня, упоминаемая грузинскими летописцами, которая, следуя в Картли в сопровождении трехсот кахетинских всадников, имела значительную стычку в Гартискарских теснинах с сильной лезгинской партией. Неустрашимая девушка сама начальствовала тогда отрядом и разбила лезгин, трижды укреплявшихся. Когда после того она прибыла в Тифлис, Ираклий принял ее с большим торжеством, пушечной пальбой и иллюминацией. Это было в 1778 году. Брак царевича торжествовала вся Грузия, но, к сожалению, Георгий не долго наслаждался своим семейным счастьем. Через четыре года Кетевань скончалась. С большой пышностью, как рассказывают о том современники, совершилось погребение безвременно угасшей царевны, составлявшей красу царского дома и гордость грузинского народа. Георгий пожелал предать ее тело земле в монастыре Гареджийской пустыни. Был июнь; печальная весть пронеслась по целой Грузии, и народ со всех сторон начал стекаться на погребение любимой царевны. Три митрополита со своими знаменами и хоругвями встретили усопшую на самой границе Гареджийской лавры. Плач и рыдания, сливаясь со звуками печальных погребальных гимнов, раздавались по

всей безмолвной степи Караясской, населенной лишь быстрыми джейранами. Отшельники, с раннего детства покинувшие мир и его суету, глядели изумленными очами на это внезапное проявление житейского шума, сопровождаемого царской пышностью. Но недолго развлекался их непривычный слух – медленно подвигавшиеся бранные останки усопшей красноречиво говорили им о тщете всего земного, о конечном исходе силы и славы человеческой.

Тогда-то, говорят, Ираклий в порыве печали произнес над гробом усопшей пророческое слово: «Вот когда погиб дом мой!»

Георгий вдовел недолго и в том же году женился во второй раз на княжне Марии Цициановой, блиставшей тогда красотой, но не имевшей, как увидим, того благотворного влияния, каким отличалась так рано скончавшаяся царевна Кетевань, любимица Грузии.

Вступив на престол, Георгий не имел достаточной силы и твердости противостоять процветавшей кругом него внутренней смуте. Его мачеха, царица Дарья, заставившая еще Ираклия разделить все царство на уделы не в пользу Георгия и его потомства, теперь сделалась центром интриг и строила козни с целью вовсе устранить от престола потомство Георгия. Она и сыновья ее не хотели признавать верховной власти царя и искали покровительства в Персии.

В этих трудных обстоятельствах, чтобы успокоить наконец родину, истомленную непосильной борьбой с врагами,

и вместе с тем предвидя всю трудность удержать престол за своим домом, Георгий просил императора Павла I принять Грузию в вечное русское подданство и прислать войска для защиты ее от врагов и внешних и внутренних.

Император повелел командующему Кавказской линией генерал-лейтенанту Кноррингу отправить в Тифлис семнадцатый егерский (ныне лейб-Эриванский) полк под командой генерал-майора Лазарева. Вместе с полком осенью 1799 года для постоянного пребывания в Грузии в качестве полномочного министра отправился и статский советник Коваленский, везший царю корону и прочие знаки царской инвеституры, так как все драгоценные регалии, употреблявшиеся при коронации грузинских царей, были похищены во время нашествия аги Мохаммеда.

Несмотря на позднее время года, на стужу и снеговые метели, свирепствовавшие на перевале через Главный Кавказский хребет, полк благополучно совершил трудный поход и 26 ноября, в самый день тезоименитства Георгия, подошел к Тифлису. Встреча его сопровождалась необычайной торжественностью. Сам царь, вместе с наследником престола, царевичами и многочисленной свитой, принял его с хлебом и солью за городской заставой. Полк сделал при этом, как доносил Коваленский, «фигуру преизрядную» и вступил в Тифлис при громе пушек и колокольном звоне. Весь путь, по которому двигался полк, и самые улицы города были запружены массой народа, а окна и плоские кровли тифлисских

домов усеяны зрителями. Народ ликовал сердечно и искренне.

Справедливость требует, однако, сказать, что, несмотря на столь радушный прием, положение русского полка в Тифлисе, особенно на первых порах, было до крайности печально. Благодаря беспорядкам и злоупотреблениям в грузинской администрации солдаты встречали нужду в самом необходимом, не только не имели квартир, но по несколько дней оставались даже без дров и без пищи. Лазарев лично говорил об этом царю, но распоряжения последнего никем не исполнялись. «Здесь все идет, как у нас в присутственных местах, – писал по этому поводу Лазарев Кноррингу, – там все *завтра*, а здесь *икнеба*, то есть «будет», но от этого ничего не бывает».

С приходом полка Тифлис начал готовиться к торжественному дню коронации последнего грузинского царя, Георгия XIII.

За несколько дней все царские регалии были перенесены из дома Коваленского в царский дворец при огромном стечении народа, с изумлением смотревшего на невиданную ими пышность церемонии. Окруженные почетным конвоем, русские чиновники и офицеры, имея по сторонам ассистентов, несли малиновый бархатный трон, украшенный массивными золотыми кистями, царское кресло, белый государственный штандарт с изображением двуглавого российского орла, богатое горностаевое платье, присланное царице Марии вместе

с бриллиантовым букетом, государственный меч, царскую порфиру с вышитыми на ней грузинскими и русскими гербами, корону, скипетр и державу, осыпанные драгоценными камнями, и, наконец, три бриллиантовых ордена, из которых Андреевский предназначался самому Георгию, Екатерининский – царице Марии и Анненский – наследнику престола царевичу Давиду. В заключение всего на серебряном блюде несли высочайшую грамоту, которой Георгий утверждался на грузинском престоле.

Едва окончилась процессия, как девять пушечных выстрелов с Метехского замка дали знать народу, что началось парадное шествие русского министра.

Имея впереди себя секретаря посольства, державшего в руках кредитивную грамоту от императора Павла I, и предшествуемый царскими церемониймейстерами, тифлисскими властями и хором музыкантов, Коваленский ехал верхом в парадной одежде на богато убранном коне, по сторонам которого шли грузинские чиновники, а сзади, замыкая шествие, двигался блестящий конвой, составленный из царских телохранителей. У самого дворцового подъезда Коваленский был встречен важнейшими сановниками Грузинского царства и в сопровождении их вошел в приемную залу, где ожидал его Георгий, окруженный министрами и царедворцами.

После короткой приветственной речи к царю Коваленский торжественно возвестил, что всероссийский импера-

тор Павел I принимает Грузию под свой высочайший кров и утверждает Георгия законным преемником Грузинского царства, а старшего сына его, светлейшего царевича Давида Георгиевича, будущим по нем наследником. Затем последовала церемония передачи знаков царской инвеституры.

– Исполненный благоговейных чувств к государю, моему повелителю, – сказал тогда Георгий, – я почитаю возможным принять эти знаки царского достоинства, не иначе как учинив присягу на верность императору и на признание его верховных прав над царями Кахетии и Картли. Но я желаю, – прибавил Георгий, – чтобы этот обряд был совершен торжественно, в храме Божьем, с приличным празднеством и великолепием.

– Долгом моим, – почтительно ответил Коваленский, – будет присутствовать при священном короновании вашего высочества и отдать вам, как государю, приличные почести от русских войск, которые прибыли в вашу столицу на всегдашнее пребывание.

Окончив речь, Коваленский передал Георгию высочайшую грамоту и поднес знаки ордена Андрея Первозванного, которые царь тотчас же возложил на себя. Поздравив Георгия, министр просил позволения передать Анненский орден наследнику Грузии царевичу Давиду и остальные подарки прочим лицам царской фамилии.

Царица Мария, не присутствовавшая при церемонии, приняла Коваленского во внутренних покоях, отменив на

этот раз утвердившийся в Грузии азиатский обычай, предписывающий лицам женского пола не показываться мужчинам без покрывала. Царица встретила министра, окруженная многими дамами в богатых платьях, с откинутыми назад покрывалами. После обычного приветствия Коваленский поднес ей бриллиантовый орден Святой Екатерины и, по просьбе Георгия, сам возложил его на царицу.

12 декабря, в день, назначенный для коронации царя, опять съехались во дворец все знатные грузинские и русские особы. Предшествуемый придворными чинами, несшими перед ним корону и скипетр, царь отправился в церковь вместе со своей супругой, которая была одета в русскую горностаевую мантию. За ними, немного позади, шел Коваленский рядом с наследником престола, а далее – прочие члены царской фамилии, князья, министры и сановники.

После обедни Георгий приказал прочесть высочайшую грамоту, утверждающую его на престоле, и принял присягу на верное подданство русским государям. По окончании обряда, сопровождавшегося торжественностью, Георгий возложил на себя знаки царской инвеституры и возвратился во дворец, где, сидя на троне, принял поздравления от русского министра и сословных представителей грузинского народа.

Так совершился акт добровольного подчинения Грузинского царства Российской империи.

Нелишне будет прибавить, что присоединенная к России Грузия заключала в себе в то время Картли, Кахетию и часть

Сванетии, делившейся на Триолетскую и Барчалинскую области; Грузии же принадлежали тогда Казахская, Бомбакская и Шамшадальская провинции, населенные татарами, и земли горских народов: осетин, тушин, пшавов и хевсуров.

Признание наследственных прав на престол исключительно в роде Георгия было совершенно противно видам и желаниям вдовствующей царицы Дарьи и ее детей. И вот в то самое время, когда Георгий и Давид присягали на верность императору Павлу и весь народ грузинский ликовал на улицах Тифлиса в надежде лучших дней, старая царица подбирала себе сообщников и старалась увеличить партию недовольных. И партия эта росла благодаря розни и неурядицам, царившим в высших правительственных сферах Грузии.

Георгия окружали теперь два представителя России, к сожалению совершенно различные по характеру и нравственным качествам. Во главе войска, присланного на защиту царя, стоял генерал-майор Лазарев, человек прямой, открытый и честный, еще до назначения в Грузию успевший снискать общее расположение своим благородным характером. Его военная карьера сделана была без протекций и покровительств, и ею он был обязан только личным достоинствам. Происходя из родовых дворян и начав свою службу в 1775 году капралом конной гвардии, Иван Петрович Лазарев едва через девять лет добился офицерского чина. Но с этих пор зато начинается его быстрое служебное возвышение. Отличия, выказанные им в финляндской войне, потом на Кавка-

зе при штурме Анапы и взятии Дербента, обратили на него такое внимание начальства, что, когда по повелению императора Павла в 1797 году из частей Кубанского и Кавказского егерских корпусов сформирован был новый семнадцатый егерский полк, Лазарев назначен был его шефом и на четырнадцатом году офицерской службы произведен в генералы. Суровый воин, привыкший довольствоваться малым, Лазарев высоко и честно держал русское знамя в чужой земле и внушал грузинам невольное уважение к русскому имени. Напротив, его товарищ Коваленский, представитель политики и внутреннего управления царством, был человек нечистосердечный, склонный к искательствам и мелкочестолубивый. Опутывая царя тонкой сетью интриг, он вмешивался во все его распоряжения и ставил на первый план личные свои интересы. Его характер ясно обрисовывается следующим фактом: узнав, что царь назначил Лазареву равный с ним оклад столовых денег, по десяти рублей в сутки, он почел возможным заметить царю несообразность подобного назначения и настоятельно требовал себе как представителю государя двойного оклада. Лазарев, очевидно возмущенный такой наглой и мелочной претензией, вовсе отказался от своего содержания, и Коваленский, не имевший уже более повода к жалобам, должен был остаться при своих десяти рублях. Тогда он потребовал, чтобы ему как представителю России войска отдавали почести. Лазарев ответил, что «по уставу штатским чести не положено» и что «о подчинении

его, командующего войсками Грузии, гражданскому чиновнику не может быть и речи».

Начались пререкания и споры. А царевичи пользовались этим и волновали народ, накликая на Грузию новые беды со стороны ее исконных врагов, персиян и лезгин.

Один из братьев Георгия, Александр Ираклиевич, оставленный новым царем без удела, потребовал себе Казахскую провинцию, которая по грузинскому обычаю не могла принадлежать никому, кроме самого царя. Получив отказ, Александр, живший в Шулаверах, откочевал к турецкой границе, а оттуда тайно перебрался в персидский лагерь, где ему оказали самый радушный прием. Узнав об этом, вдовствующая царица и ее сыновья также начали искать покровительства персиян, которые только и ждали случая, чтобы вмешаться в дела Грузинского царства. Для Персии все это было чрезмерно важно потому, что правитель ее, Баба-хан, ставший после смерти аги Мохаммеда шахом, не мог быть признан в этом звании подвластными ему народами до тех пор, пока в торжественный день коронации они, по обычаю, не увидели бы подле своего властителя в числе прочих валиев и грузинского царя, стоящего с шахским мечом у подножия трона³⁷.

Скоро в Тифлисе явилось и персидское посольство. Георг-

---

³⁷ Всех валиев, или наместников персидских, было четыре, и из них во время коронации: гурджистанский (грузинский) обязан был держать шахский меч, арабистанский – драгоценное перо из шапки, заменяющее собой корону, лористанский – порфиру и курдистанский – особое украшение, состоящее из двух убранных алмазами перевязей.

гий принял его не во дворце, а в доме русского министра, стоя под большим портретом императора Павла, у подножия которого поставлен был грузинский трон со сложенными на нем короной, скипетром и державой, а по сторонам грузинские сановники держали порфиру и царский штандарт.

На заявление персидского посла, что он желал бы иметь секретное свидание с царем, Георгий ответил, что, находясь под покровительством России, он ни в какие секретные переговоры без русского министра вступать не желает. Тогда посол объявил ему прямо, что шах, считая Грузию древним достоянием своих предков, требует полного ее подчинения себе и что «царю остается только покориться, чтобы не подпасть горшей против прежней участи».

– Я не могу не удивляться вашим словам, – ответил на это Коваленский, – вы как будто совершенно забыли о том покровительстве, которое русский император оказывает Грузии.

– Я об этом помню, – ответил посланник, – но даю советы единственно из усердия к царю, потому что неприятель приближается уже к границам его владений.

– Россия, – возразил Коваленский, – не имеет у себя в здешних странах неприятелей, но с теми, кто дерзнет восстать против покровительствуемых ею народов, она сумеет управиться.

На этом переговоры окончились.

Между тем измена царевича и домогательства шаха дали

Георгию справедливый повод опасаться нового нашествия, тем более что неприятель вошел уже в Эриванскую область и распускал слух, что идет на Тифлис с единственной целью возвести на престол царевича Александра.

Чтобы успокоить встревоженных жителей, Георгий обратился к императору Павлу с просьбой о помощи, и государь приказал отправить к нему с Кавказской линии еще Кабардинский пехотный полк, под командой генерал-майора Гулякова.

Прибытие полка было как нельзя более кстати, потому что Тифлису действительно угрожала серьезная опасность со стороны Омар-хана Аварского, того самого, который несколько лет назад разорил всю Грузию и теперь с двадцатитысячным скопищем горцев опять приближался к границам Кахетии.

Омар был человек предприимчивый, отважный и храбрый до дерзости. Собственные его владения были невелики, но велико было то значение, которым он пользовался во всем Дагестане, где по малейшему знаку его поднимался весь сброд горских хищников, слепо веривших в неизменное счастье своего любимого вождя.

Известие о приближении Омара произвело всеобщее смятение в Грузии. Но в то время как самая столица готовилась уже искать спасения в бегстве, Лазарев и Гуляков с двумя батальонами русской пехоты поспешно двигались навстречу неприятелю. В Сигнахе к отряду присоединилась грузинская

милиция царевичей Баграта и Иоанна, в три тысячи человек, и 5 ноября 1800 года Лазарев уже стоял в шести верстах от неприятельского стана. Но Омар ночью обошел русский лагерь и двинулся прямо к Тифлису. Тогда ближайшей дорогой и форсированным маршем Лазарев опять обогнал лезгин и на рассвете 7 ноября снова очутился перед ними на противоположном берегу реки Иоры, недалеко от кахетинской деревни Кагабети.

Столкновение было неизбежным, и лезгины, переправившись через Иору, с неистовым гиком бросились на русский отряд, но залп и картечь встретили их так удачно, что «немалое число от сего приема начало лбами доставать земли и доискиваться в оной мнимых прав, которых Омар-хан был сильным поборником», — как писал впоследствии Лазарев генералу Кноррингу.

Целый день продолжалась битва, и эта первая решительная встреча горсти русских войск с пятнадцатитысячным скопищем кавказских горцев в пределах Грузии стоила непобедимому до тех пор Омар-хану Аварскому решительного поражения. Так как сражение окончилось ночью, то только на следующее утро глазам победителей открылась истинная картина страшного побоища, испытанного неприятелем. Камыш, кустарники и рвы наполнены были трупами; по всему полю солнечные лучи освещали траву, обагренную кровью; а за рекой стоял еще неприятельский стан с развевающимися знаменами и пестрыми палатками, но он был пуст и мертвен-

но недвижим: неприятель бежал, не успев ничего спасти из своего имущества. Потери лезгин насчитывали свыше двух тысяч человек. Сам Омар-хан получил тяжелую рану и вскоре умер. Какой-то старшина Искандер был убит, и голова его вместе с громадной головой другого лезгинского богатыря из Дженгутая, как драгоценные трофеи боя, были повержены грузинами к ногам русского военачальника.

Сражение на Иоре навсегда останется памятным в летописях Кавказской войны. Оно замечательно не упорством боя, так как потеря со стороны русских казалась сравнительно незначительной, но решимостью начальников, отважившихся с небольшим отрядом вступить в бой с огромным скопищем лезгин, славившихся своей необычайной храбростью.

Большое счастье, что во главе горсти русских людей, пришедших тогда в Грузию, стояли такие генералы, как Лазарев и Гуляков, имена которых никогда не будут вычеркнуты из славных военных летописей России. Оба они оказались достойными носителями русского имени, и оба впоследствии запечатлели своей кровью братскую помощь, оказанную Грузии. Лазарев погиб в Тифлисе 19 апреля 1803 года, а Гуляков убит за Алазанью спустя несколько месяцев после смерти своего боевого начальника и друга.

«Лазарев и Гуляков, Кабардинский и Эриванский полки – это первые камни того фундамента, – говорит Зиссерман, – на котором построилась вся вековая слава героической кавказской армии».

Понятно, что громкая победа, одержанная при подобных условиях, сразу доставила русским в крае высокое нравственное влияние, а это влияние было важно особенно потому, что без него, с ничтожными средствами, какими тогда располагали русские в Закавказье, они, конечно, не могли бы там удержаться.

Император Павел пожаловал за эту победу обоим царевичам, Лазареву и Гулякову командорские кресты ордена Святого Иоанна Иерусалимского, а нижним чинам, участвовавшим в бою, по рублю на человека.

Царь Георгий, несмотря на болезнь, сам выехал навстречу отряду, возвращавшемуся в Тифлис, и, сойдя с богато убранного коня, убедительно просил генерала Лазарева принять этого коня в дар и въехать на нем торжественно в город.

К сожалению, это был последний выезд Георгия. Простудившись при встрече войск, он окончательно слег в постель, и врачи не подавали никакой надежды на его выздоровление. Между тем для всех было ясно, что немедленно по кончине Георгия в Грузии начнется междоусобная война между сыновьями и братьями умершего царя и что последние охотнее увидят Грузию даже присоединенной к России, чем отданной царевичу Давиду.

Лучше других понимал это сам умирающий царь и с одра болезни писал императору Павлу, что «Грузия так или иначе должна покончить свое самобытное политическое существование» и что «грузинский народ желает теперь же всту-

пить единожды и навсегда в подданство Российской империи с признанием всероссийского императора за своего природного государя и самодержца».

Императорский манифест последовал в этом смысле в Санкт-Петербург 18 декабря 1800 года, а 28 декабря скончался в Тифлисе Георгий.

Таким образом грузинский престол был упразднен, и династия Багратидов, считавшая за собой целое тысячелетие, перестала царствовать в Грузии. 16 февраля 1801 года все жители Тифлиса, собранные в Сионский собор, присягнули на верность новому своему государю, императору Павлу Петровичу, а 7-го числа то же самое исполнено было армянским населением столицы, сопровождавшим этот обряд особенной пышностью и церемониями.

Утром этого, дня, по первому удару соборного колокола, духовенство, в числе восьми архимандритов и до ста священников, выступило из всех армянских церквей и, соединившись в общий крестный ход, направилось через Тифлис к загородному монастырю Ванк. За этой процессией двое именнейших граждан Тифлиса несли портрет императора Павла, а за ним шествовал сам митрополит в торжественном облачении, но без митры, держа над головой серебряный поднос, а на нем манифест, прикрытый розовым флером. Народ, имея во главе царевича Давида с братьями и генералов Лазарева и Гулякова, шел за крестным ходом тысячными толпами. Патриарх Армении Иосиф, в полном облачении древних

святителей, встретил процессию в ограде соборной церкви. Окадив портрет императора, он пал перед ним на землю, поцеловал его и, высоко подняв над головами присутствующих, громогласно произнес: «Да здравствует великий и августейший монарх наш со всем своим домом». Народ отвечал шумными и радостными кликами. Затем процессия двинулась в церковь. Там, перед алтарем, на особом аналое, покрытом богатой парчой, положен был манифест и поставлен портрет императора. Патриарх сам совершал литургию, по окончании же ее отслужен был благодарственный молебен с коленопреклонением, и весь народ приведен к присяге.

Как в этот, так и в предшествовавший день русские офицеры, сопровождаемые казачьим эскортом, ездили по улицам Тифлиса и читали народу манифест на четырех языках: русском, грузинском, армянском и татарском.

По окончании всех церемоний грузинские царевицы Иоанн, Баграт и Михаил Георгиевичи с лицами, уполномоченными еще покойным Георгием, князьями Аваловым и Паливандовым, отправились в Петербург, «чтобы перед лицом русского монарха засвидетельствовать целому свету, что принятие Грузии в подданство России совершилось по общему единодушному желанию всего грузинского народа».

Ожидая этих послов, государь приказал сделать для себя древнее одеяние грузинских царей, не исключая непременно принадлежности его, греческого саккоса, подавшего в свое время повод к известным толкам и догадкам по поводу

сходства этой одежды с архиерейским облачением.

Посольство еще находилось в пути и положение Грузии не успело определиться окончательно, когда император Павел скончался. Преемник его, император Александр I, манифестом от 12 сентября 1801 года подтвердил принятие Грузии в подданство России, прибавив, что делает это «не для приращения своих сил, не для корысти и распространения пределов и без того обширнейшей империи в свете, а единственно из человеколюбия, которое налагает на него священный долг внять молению страждущих и отвратить от них скорби учреждением такого правления, которое могло бы утвердить в земле их правосудие, личную безопасность и дать каждому защиту закона».

В то же время государь возвратил Грузии и ее народную святыню – крест из виноградных лоз, врученный Богоматерью в сонном видении святой Нине. Прежде этот крест сохранялся в фамилии грузинских царей и, по свидетельству одного армянского историка, служил у грузин военным знаменем в их войнах против греков. В память побед и чудес, совершенных тогда священным крестом, грузины установили праздник, который и доныне торжествуется церковью в десятый день после Вознесения Господнего. Во времена нашествий вражеских крест сберегался то в Мцхете, то в Анапуре и из этого последнего города был увезен митрополитом Тимофеем в Москву к царевичу Бакару, сыну Вахтанга VI. Внук этого царевича, Георгий, поднес священный крест

в дар императору Александру Павловичу, который и повелел препроводить его обратно в Грузию. 9 апреля 1802 года крест был торжественно внесен в Тифлис и, встреченный восторженной радостью народа, положен в Сионском соборе, где сохраняется и ныне, по левую сторону царских врат, в особом киоте, на серебряной доске которого изображена святая равноапостольная Нина.

Но возвратимся опять к событиям в Закавказском крае.

Исполнение своих мудрых и в высшей степени гуманных предначертаний государь возложил на генерал-лейтенанта Кнорринга, назначенного тогда военным губернатором Грузии и командующим войсками на Кавказской линии. К сожалению, Кнорринг не принадлежал к числу тех людей, которые имеют дар возбуждать к себе доверие народа, и сразу извратил самый смысл добровольного присоединения Грузии, придав ему вид какого-то насилия. Приехав в Тифлис, он собрал всех жителей города и, окружив их войсками, приказал присягать на верность новому государю. Эта грубая мера и предосторожности, ничем не вызванные со стороны народа, глубоко оскорбили грузин, которые не захотели присягать под угрозой штыков и разошлись по домам. Тогда по приказанию Кнорринга знатнейшие грузинские князья и дворяне были арестованы, и эти аресты еще более возмутили грузин. Между тем сам Кнорринг вскоре уехал на линию и поручил управление страной известному нам Коваленскому. С его отъездом анархия и неурядица в Грузии еще более уси-

лились.

Между тем лезгины, пользуясь внутренними смутами Грузии, чаще, чем когда-нибудь, стали делать набеги и разорять пограничные села. При таком положении дел два полка не могли поспевать везде, где угрожала опасность; русские войска за Кавказом были усилены.

Еще император Павел Петрович, сознавая недостаточность военных средств в Грузии, приказал отправить туда в начале 1801 года Кавказский гренадерский полк (ныне Грузинский), под командой генерал-майора Тучкова. Стояла еще глубокая зима, и полк, покинув обозы, должен был прокладывать себе путь среди громадных снежных сугробов, сплошь заваливших все горные ущелья. Подвигаясь шаг за шагом, теряя на каждом переходе людей и испытывая такие лишения, полк все-таки пробился через грозное Дарьяльское ущелье и стал наконец бивуаком около кистинской деревни Гвелети. Здесь неожиданно нагнал его фельдъегерь с манифестом о кончине императора Павла, и здесь же, у подножия заоблачного Казбека, при шуме сердитого Терека, по колено в снегу, гренадеры принесли торжественную присягу на верность юному монарху.

С прибытием полка в Тифлис один из его батальонов немедленно отправлен был, под командой подполковника Симановича, в Сурам и Гори для прикрытия границ Картли, а батальон Кабардинского полка, под начальством подполковника Солениуса, расположился в Нижней Кахетии. «Это

последнее обстоятельство и было, — как справедливо говорит Зиссерман, — началом той системы, которой русские старались обезопасить Грузию от вторжения соседних горцев, системы, развившейся впоследствии до обширных размеров Лезгинской кордонной линии». С тех же пор начинается и мелкая хищническая война, которая закончилась лишь через пятьдесят девять лет пленением Шамиля. Замечательно, что первые нападения горцев устремлялись по преимуществу на русские табуны, ходившие на Алазани. Так, 6 июня 1801 года лезгины угнали табун в казачьем полку, но рота кабардинцев заставила их бросить добычу; через месяц табуны самих кабардинцев едва не попали в руки хищников и уцелели только благодаря стойкости караульной роты. Зимой лезгины также пытались перейти Алазань, но были отбиты на самой переправе, причем в Кабардинском полку был ранен известный своей храбростью штабс-капитан Габуадзе. Таким образом, как этот батальон, так и батальон гренадерского полка подполковника Симановича, стоявший на турецкой границе, не имели буквально ни минуты покоя. Особенно тревожное выдалось лето 1802 года, когда войска положительно теряли возможность поспевать везде, где появлялся неприятель. Памятным событием этого времени остается геройская защита двадцати человек Кабардинского полка, засевших в ветхой каменной башне Чикаанского поста (близ Алазани) и отбивавшихся в течение многих часов, пока не подоспела выручка. Воодушевление рот, спешивших

на помощь, было так велико, что штабс-капитан Габуадзе, незадолго перед тем, как мы видели, раненый, услышав выстрелы с поста, не выдержал, поскакал вперед и на глазах отряда был изрублен лезгинами.

До какой степени и сами лезгины умели умирать, можно судить по следующим примерам.

Однажды, в апреле 1802 года, рота Кабардинского полка, под начальством майора Алексеева, настигла хищников, засевших в крепком ущелье среди неприступных утесов и камней. На предложение сдаться лезгины ответили, что пришли не с тем, чтобы отдаться в плен, и сражались отчаянно. Выпустив последние заряды, они кинулись в кинжалы и все до одного погибли на штыках кабардинцев.

Такой же случай был на турецкой границе в июле того же года, когда Симанович истребил партию известного разбойника Кази-Махмада, наводившего своим именем страх на целую Грузию.

С подобными врагами необходима была необычайная стойкость, нужны были значительные силы, а тут обстоятельства еще усложнялись интригами князей и недостойным поведением некоторых грузинских дворян против русской власти. Примером может служить следующий любопытный случай. Однажды лезгины разграбили большое грузинское селение Хистеры, принадлежавшее помещику Мурванову. Оказалось между тем, что этот Мурванов отлично знал о движении лезгин, но, полагая, что они идут на Сурам с намере-

нием напасть на русский гарнизон, не только не предупредил об этом коменданта, но, опасаясь, чтобы крестьяне собственной его деревни не известили русских, перепоил всех допьяна. Лезгины же в самую полночь напали на эту деревню и захватили в ней без труда девяносто шесть человек, а в их числе и самого помещика. Измена и крамола гнездились даже в самом Тифлисе, и только этим обстоятельством можно объяснить себе дерзость лезгин, являвшихся под стенами самых предместий его. Однажды, во время такого лезгинского набега, население столицы встревожено было выстрелами и криками, что горит Авлабарский мост. Все бросились туда и увидели, что мост действительно был облит нефтью и подожжен. Пожар успели вовремя потушить. Тем не менее тифлисцы остались в убеждении, что целью поджога было перервать сообщения города с заречной стороной и этим путем предать Авлабар и Куки на жертву хищным лезгинам.

Беспорядки распространились даже на Военно-Грузинскую дорогу, и сообщения с Тифлисом сделались настолько небезопасными, что Кнорринг, возвращаясь из Грузии на линию, должен был отправить вперед роту пехоты и двести казаков под командой майора Буткова³⁸. Самым опасным местом на этом пути считалось Ларское ущелье, находившееся во владении одного из осетинских старшин, Ахмета Дударова, который жил на высокой горе, увенчанной каменным замком. Отсюда, с толпой преданных слуг, он выез-

---

³⁸ Автор известных сочинений о Кавказе.

жал на разбой, грабил проезжающих и собирал дань с проходивших мимо купеческих караванов. Теперь, как только колонна Буткова показалась в ущелье, Дударов поднял красное знамя – сигнал военной тревоги, но, к счастью, Бутков принадлежал к людям энергичным и решительным. Не давая врагу времени собраться с силами, он бросился в деревню Чим, принадлежавшую Дударову, и все, что было вне укрепленного замка, предал истреблению. Красивая мечеть, единственная в крае, построенная еще во времена Шейх-Мансура, превращена была в развалины, деревня сожжена, часть жителей перебита. А со стороны Владикавказа в это время показались пушки...

Дударов понял бесполезность сопротивления.

Беспокойное состояние края, вместе с бестактными и даже корыстными поступками Коваленского, окончательно ожесточили грузин. Народ, прежде только и думавший о том, как бы отделаться от членов царского дома, опять обратился на их сторону. До императора Александра стали отовсюду доходить слухи о беспорядочном управлении Закавказским краем, и 8 сентября 1802 года высочайшим повелением и Кнорринг, и Коваленский были отозваны, а главнокомандующим в Грузию назначен генерал-лейтенант князь Цицианов.

VII. КНЯЗЬ ЦИЦИАНОВ

*Я воспою тот славный час,
Когда, почуя бой кровавый,
На негодующий Кавказ
Поднялся наш орел двуглавый;
Когда на Тереке седом
Впервые грянул битвы гром
И грохот русских барабанов,
И в сече, с дерзостным челом,
Явился пылкий Цицианов...*

А. Пушкин

*Помянем храбрых ветеранов,
Вождей Кавказа боевых, —
Тебя, бесстрашный Цицианов,
Погибший от врагов своих...*

Домантович

Князь Павел Дмитриевич Цицианов происходил из знатнейшей грузинской княжеской фамилии и находился в близком родстве с последним царствовавшим домом Грузии. В русскую службу вступил еще дед его в царствование Анны Иоанновны; он был убит во время шведской войны под Вильманстрандом, и с тех пор семейство князей Цициановых осталось в России навсегда.

Князь Павел Дмитриевич родился 8 сентября 1754 года в Москве. Он начал военную службу в Преображенском полку, но вскоре переведен был в армию и в 1786 году, вместе с производством в полковники, назначен командиром Санкт-Петербургского гренадерского полка.

Дело под Хотинот (31 июля 1788 года), где он сражался со своим полком на глазах Румянцева, сразу выдвинуло князя из ряда сослуживцев. Кагульский герой с восторгом смотрел на быстроту, энергию и распорядительность юного полкового командира и тут же, на самом месте боя, предрек ему блестящую военную карьеру. Но турецкая война не дала Цицианову возможности развернуть в полной мере свои боевые достоинства; полк его вскоре был передвинут в Польшу. Но тем не менее он был уже замечен, и в 1793 году, в день торжества заключения мира, произведен в генерал-майоры.

Армия знала Цицианова, впрочем, не по одним военным заслугам; его любили за тонкий, наблюдательный ум и за острый язык, которого побаивались даже сильные мира. В армии ходила в то время по рукам и читалась тайком его известная сатира «Беседа русских солдат в царстве мертвых», где в разговоре убитых солдат Двужильного и Статного изложена была едкая критика на современные военные события и на Потемкина.

Памятный для русских 1794 год застал Цицианова в Гродно, где, по его выражению, «он стоял с полком, как на ногах», потому что в крае с минуты на минуту ожидали вос-

стания. Кровавая резня, известная под именем Варшавской заутрени, нашла себе отголосок в Вильно и в Гродно. В первом из этих городов войска были застигнуты врасплох и понесли немало утрат, но в Гродно мятеж совершенно не удался. Цицианов, не веривший льстивым польским речам, зорко следил за настроением умов, не допускал наплыва в город праздного люда и держал свой полк постоянно наготове. При первом взрыве мятежа он вывел свои батальоны из Гродно, обложил ими город и под угрозой штурма заставил магистрат выдать главных зачинщиков. На жителей он наложил контрибуцию в сто тысяч рублей, назначив для ее сбора однодневный срок; и страшные жерла орудий, наведенные на улицы, вид батальонов, готовых по первому знаку не оставить камня на камне, заставили поспешить с исполнением требований грозного князя. Слух об этом, облетев окрестности, много способствовал тому, что спокойствие и порядок были сохранены в соседних городах и местечках.

Между тем полк получил приказание выступить к Вильно. Цицианов по пути выгнал из Слонима мятежные банды князя Сапеги, затем командовал всеми войсками, которые штурмовали Вильно, а в августе с одним батальоном быстро перешел в Минскую губернию и у местечка Любавы наголову разбил отряд Грабовского, взяв его самого в плен вместе со всей артиллерией. Подвиги Цицианова так выделились тогда на общем фоне военных действий, что сам Суворов в одном из приказов предписывал войскам «сражаться решительно,

как храбрый генерал Цицианов»... Ордена Святого Владимира 3-й степени за Гродно, Георгия на шею за Вильно, золотая шпага с надписью «За храбрость» за поражение Грабовацкого и полторы тысячи десятин земли за окончание войны были наградами князя Цицианова.

Назначенный императрицей в корпус графа Валериана Александровича Зубова, Цицианов участвовал в Персидском походе и некоторое время был комендантом в городе Баку, где сблизился с Гуссейн-Кули-ханом, сделавшимся впоследствии его гнусным убийцей.

Короткий период царствования Павла Петровича, подобно большей части лиц, отличенных Екатериной, Цицианов провел в отставке. Император Александр снова призвал его на службу, произвел в генерал-лейтенанты и 11 сентября 1802 года назначил инспектором Кавказской линии и главнокомандующим в Грузию. Истощенная борьбой Грузия требовала энергичного, твердого правителя, и в этом отношении выбор Цицианова был безошибочен. С назначением его для Грузии наступают лучшие времена, времена действительной защиты царства русским оружием и полной переменой внутренней и внешней политики, приведшей к покорению всего того, что издавна было враждебно царству и мешало его жизни и правильному развитию. При Цицианове уже не враги разоряют Грузию, а сама Грузия берет в свои руки судьбу окружающих ее народов.

Когда Цицианов прибыл в Тифлис, страна, только что

присоединенная к России, была раздираема еще внутренними смутами, во главе которых становился то тот, то другой царевич, домогавшийся сесть на престол Ираклия. Цицианов, сам грузин и близкий родственник царицы Марии, вдовствующей супруги Георгия XIII, урожденной также княжны Цициановой, хорошо знал свою родину и имел то убеждение, что России предстоит одно из двух: или отозвать обратно войска и бросить страну на жертву анархии, или же ввести твердое управление, сообразное с достоинством и нуждами народа, но что в этом случае всех членов грузинской царской фамилии необходимо было выслать из Грузии в Россию.

Получив на то разрешение еще в Петербурге, Цицианов принялся за дело со свойственной ему энергией и настойчивостью. Напрасно царицы притворялись больными, напрасно царевич Вахтанг разыгрывал комедии, бросаясь перед ним на колени: все те, которые не бежали из Грузии, должны были отправиться в Россию. Очередь дошла наконец и до царицы Марии. Она сказалась больной, задумав в тот же день бежать из Тифлиса вместе со своими сыновьями. Цицианов, извещенный заранее о намерении царицы, приказал генералу Лазареву арестовать ее, в то время как генерал Тучков должен был захватить царевичей. Тучков удачно исполнил поручение и в тот же день вывез арестованных в Мцхет, откуда все царское семейство должно было ехать в одном общем поезде. Но не так счастлив был Лазарев. В шесть часов утра 19 апреля он прибыл в дом царицы и объявил ей волю

князя Цицианова. Царица приняла его в постели и ответила, что ехать не желает. Тогда Лазарев, оставив при ней одного офицера, сам отправился сделать все нужные распоряжения. Но едва он вышел, как необычайный шум в покоях царицы заставил его вернуться. Там шла ожесточенная борьба: царевич Джабраил и царица Тамара с кинжалами в руках напали на русского офицера. Лазарев подошел к кровати, на которой лежала царица, чтобы уговорить ее остановить детей, как вдруг в руках самой Марии сверкнул кинжал, и Лазарев, пораженный в бок, мертвым упал на пороге комнаты. Происшествие это наделало тревоги в целом Тифлисе. Все высшие сановники тотчас же съехались к царице, уговаривая ее не противиться воле русского государя, но она ничего не хотела слушать. Тогда полицмейстер Сургунов, завернув свою руку в толстую папаху, решительно и смело подошел к царице и вырвал из ее рук оружие. Царица Тамара кинулась на помощь к матери с кинжалом в руках, но второпях она промахнулась и ранила самую же царицу в плечо. Царское семейство было арестовано и в тот же день отправлено в Мцхет. Цицианов был справедливо раздражен смертью Лазарева и предписал Тучкову обращаться во время пути с Марией и ее детьми не как с особами царского рода, а как с простыми преступниками.

Тело Ивана Петровича Лазарева предано было погребению с большими почестями в тифлисском Сионском соборе, где впоследствии неподалеку поставлена была гробница

и князя Цицианова. А царица Мария по приезде в Россию была заключена в Воронеже в Белгородский женский монастырь и только по прошествии семи лет получила прощение и спокойно дожила свой долгий век в Москве, где умерла в 1850 году восьмидесяти лет от роду.

Прошло сорок семь лет со дня кровавой катастрофы, лишившей Россию доблестного Лазарева, и всепрощающая смерть примирила почившую с русским народом. Все было забыто, все прощено, и прах последней грузинской царицы с торжеством и военными почестями возвратился на родину.

17 июня 1850 года все дороги к Мцхету были покрыты массой народа, стремившегося встретить похоронный кортеж, медленно приближавшийся со стороны Душета. Хоронили царицу Марию Георгиевну. Впереди всех шла конная дружина грузинских князей и дворян со знаменем, окутанным флером; за ней сословные представители царства, многочисленное духовенство и штаб-офицеры, несшие на подушках герб Грузии, орден Святой Екатерины 1-й степени, корону и царскую мантию. Погребальную колесницу, осененную балдахином и также увенчанную царской короной, везли шесть лошадей под черными попонами с гербами почившей царицы. Почетнейшие князья стояли у штангов, массивные серебряные кисти поддерживали чины дипломатического корпуса, а конец порфиры, заменявшей погребальный покров, несли четыре офицера. За колесницей следовали высшие представители власти, родственники ца-

рицы и толпы народа. Пехотный полк, шесть орудий и конный отряд жандармов сопровождали шествие.

Унылый перезвон колоколов, рыдающие звуки погребального марша, траурные одежды присутствующих, дымящиеся факелы и, наконец, эта свежая раскрытая могила в сонме царских гробниц, готовая принять еще один венчанный прах для вечного успокоения, – все это производило глубокое впечатление на народ, помнивший еще и прошлое величие, и годы тяжелых бедствий, пережитых им под скипетром царей Багратидов.

У входа в ограду Мцхетского собора, служившего старинной усыпальницей грузинских царей, гроб встретил экзарх Грузии и проводил его в церковь, где всю ночь стояло почетное дежурство, служились панихиды и народ прощался с усопшей царицей. На следующий день были похороны; заупокойную обедню служил сам экзарх, и после торжественной панихиды гроб опустили в могилу при громе пушек и ружейных залпов – и это были последние земные почести той, которая лишена была их в течение своей долгой жизни.

Но возвратимся к давно минувшим временам, когда царице пришлось еще только расстаться с родиной.

Успокоив страну от внутренних беспорядков и междоусобиц, Цицианов обратил все свои усилия на внешние дела Грузии. Отлично понимая дух азиатских народов, умевших преклоняться только перед одним аргументом – силой оружия, Цицианов сразу переменял обращение с соседними та-

тарскими ханами и принял по отношению к ним совершенно иную систему, чем та, которой держался до него Кнорринг.

До тех пор русское правительство как бы старалось снисходить к себе расположение их подарками и жалованьем. Цицианов отменил и то и другое и сам потребовал от ханов дани. «Страх и корысть – суть две пружины, которыми руководятся здесь все дела и приключения, – писал он императору Александру I. – У здешних народов единственная политика – сила, а лучшая добродетель владельца – храбрость и деньги, которые нужны ему для найма лезгин. Поэтому я принимаю правила, противные прежде бывшей системе, и вместо того, чтобы жалованьем и подарками, определенными для умягчения горских нравов, платить им некоторого рода дань, я сам потребовал от них оной».

Свято держа обещания, Цицианов никогда не расточал своих угроз понапрасну. Он знал, что каждый владелец, в сущности, готов был повторить ответ, данный одним из них русскому главнокомандующему: «Приди и покажи свою силу», – и потому старался прежде всего разъяснить им в своих прокламациях все необъятное величие России и ничтожность их перед ней. Повелительный и резкий тон, с которым он к ним обращался, шел как нельзя лучше к тогдашним обстоятельствам и производил на азиатов сильное впечатление. Слог его писем был оригинален, силен и резок, как дамасская сталь...

«Статочное ли дело, – писал он в одной из своих прокла-

маций, — чтобы муха с орлом переговоры делала...»

Первыми испытали на себе тяжелую руку князя Цицианова джаро-белоканские лезгины, у которых скрывались беглые грузинские царевичи. Цицианов потребовал их выдачи. В воззвании к лезгинам по этому поводу Цицианов писал между прочим: «Вы — храбрые воины, вы и должны любить храбрых. А кто же храбрее русских? Пуля ваша пяти человек не убьет, а моя пушка картечью или ядром за один раз тридцать человек повалит. Измеряйте все это...»

Получив отказ, князь Цицианов послал генерал-майора Гулякова наказать лезгин. Гуляков быстро достиг Алазани, разбил и уничтожил все, что только осмелилось противостоят ему с оружием в руках, и занял главные селения лезгин. Тогда Цицианов объявил всю область присоединенной к России и обложил ее данью. Так было возвращено Грузии ее древнее достояние, и гроза Закавказья, притон всех дагестанских хищников, вольный Джаро-Белоканский союз потерял свою независимость.

Кахетия, быть может, в первый раз была прочно освобождена от вечного страха лезгинских погромов. Но в то время, как Кахетия была ареной разбоев и грабежей лезгин джаро-белоканских, Картли почти в той же мере страдала от их соплеменников со стороны Ахалцихе. Появление русских за Кавказом скоро должно было положить предел и их хищничеству, и когда, в 1802 году, в Картли появились русские батальоны, под начальством Симановича, и дали несколько

уроков дерзкой азиатской коннице, то впечатление от них было настолько сильно, что ахалцихские лезгины в течение целого года не осмеливались тревожить грузинские границы. Но, когда начались приготовления к персидской войне и Симанович ушел со своими грендерами, а на смену ему в Гори прибыл новый егерский полк, вызванный с Кавказской линии и еще неопытный в азиатской войне, ахалцихские лезгины попытались еще раз воспользоваться хлопотливым для русских временем. Тогда произошел один из тех кровавых эпизодов, которые, при кажущейся неудаче, наносят неприятелю страшное нравственное поражение. Горсть русских солдат, самоотверженно погибших в неизмеримо неравной борьбе, но внесших зато страшное опустошение в ряды неприятеля, показала лезгинам силу беззаветного сознания и исполнения долга, стоящую целой армии и в самых своих ошибках поражающую и зовущую следовать своему примеру. Этот эпизод увековечил имя капитана Секерина, который в ошибочном увлечении своим, поведшем к гибели отряда, дал пример нравственной силы, не знающей отступления перед неудачей. Дело было так.

Выступая под Ганжу, Цицианов, чтобы прикрыть Тифлис со стороны Ахалцихе, поставил в Гори и Цалке два небольших отряда, а так как прямого сообщения между этими пунктами не было, то капитан-исправнику Енохину приказано было немедленно приступить к разработке пути, удобного для движения обозов и артиллерии. В распоряжение Енохи-

на были даны сто восемь грузинских рабочих и прикрытие из девяти казаков и одиннадцати егерей девятого полка.

Работа скоро была окончена. Но когда Енохин (12 июня 1803 года) возвращался домой, то верстах в двадцати от Цалки на него внезапно напала сильная партия в шестьсот – восемьсот лезгин, вышедшая из ахалцихских пределов. Люди Енохина частью были изрублены, частью захвачены в плен, и только сам он и шесть казаков спаслись благодаря быстроте своих лошадей. Они, проскакав в три часа около семидесяти верст, первые явились в Гори с известием, что по правому берегу Куры на деревню Хавли идут лезгины. Несмотря на поздний час – было уже десять часов ночи, – полковник Цехановский (шеф егерского полка), заведовавший горийским кордоном, тотчас же отправил к Хавли навстречу неприятелю тридцать егерей, под командой штабс-капитана Богданова. Но егеря не прошли и трех верст, как получили приказание вернуться и идти в селение Карели, куда, по слухам, направились лезгины и где стояла рота полка Цехановского. В то же время и сам Цехановский, в сопровождении только пяти казаков, поскакал туда же, желая лично присутствовать при первом деле своих егерей с лезгинами. Но и егеря, и он опоздали – катастрофа в Карели уже совершилась.

Капитан Секерин, командовавший стоявшей там ротой, узнав, что лезгины отбили у жителей скот, бросился за ними в погоню. Секерину предстояло действовать в лесистой местности, где неприятель на каждом шагу мог устроить за-

саду. Излишнее пренебрежение неприятелем могло оказаться пагубным, а рота Секерина состояла всего из сорока четырех человек. Между тем он не усомнился кинуться с ней в дремучий бор, начинавшийся верстах в семи за деревней, и был окружен массой лезгин. Молодой Секерин три раза опрокидывал неприятеля, но ему пришла неудачная мысль растянуть свою цепь, чтобы показаться врагам многочисленнее. Лезгины скоро поняли маневр, всей массой ринулись в шашки и разорвали цепь. Сам Секерин одним из первых был тяжело ранен в ногу. Отойдя в сторону, он начал платком перевязывать рану, как вдруг толпы лезгин бросились на него. Егеря, имевшие каждый по двадцать лезгин против себя, не могли прийти на помощь к своему капитану, и он был изрублен на глазах отряда. Умирая, Секерин успел крикнуть старшему Рогульскому: «Помни, русские не сдаются!» Поручик Рогульский успел отбросить неприятеля. Но, увлеченный, подобно своему предшественнику, он переходит в наступление, устремляется на неприятеля – и падает мертвым, успев крикнуть своему младшему брату: «Помни слова Секерина: русские не сдаются!» Юный Рогульский обратился к солдатам с воодушевленными словами, но его поражает пуля – и последнего офицера роты не стало. Видя гибель всех начальников, лезгины кричали солдатам, предлагая сдаться, но егеря бросились в штыки, окружили себя мертвыми телами и пали все до последнего. Подоспевшие егеря с Цехановским нашли только четырех тяжело израненных, которых лезгины

не успели захватить. Они-то и передали товарищам подробности горестного, но славного дела.

Лезгины не осмелились производить дальнейших разбоев и вернулись в Ахалцихе. Но князь Цицианов, отлично знавший дух горских народов, был, однако, чрезвычайно встревожен гибелью роты Секерина и предписал командующему войсками в Картли, генерал-майору князю Орбелиани, немедленно наказать разбойников. Орбелиани, стянув значительный отряд (одиннадцать рот пехоты при четырнадцати орудиях), двинулся в пределы Ахалцихского пашалыка. Испуганный паша просил его остановить военные действия, обещая удалить лезгин из своих владений и не давать им приюта. Орбелиани согласился, но при непременно условии, чтобы лезгины капитулировали. Это было страшным ударом по самолюбию азиатов, но другого исхода не было, и 25 июня около шестисот отчаянных наездников покорно подъехали к русскому стану. Здесь у них отобрали оружие и потом, как пленных, погнали под конвоем за Алазань, откуда, однако, их отпустили восвояси.

С удалением лезгин из Ахалцихского пашалыка жители Картли вздохнули свободнее. Но деревянный крест, грубо отесанный усердной рукой солдата, долго еще виднелся под зеленым пологом дремучего леса, напоминая событие, записанное кровавыми буквами в боевые скрижали Кавказа.

К этому же времени относится присоединение к России Менгрельского княжества. Небольшая страна эта, наделен-

ная всеми дарами роскошной природы, лишена была издавна главного блага — спокойствия. Целые века менгрельцы кровью искупали свою независимость, бились с врагами, но не могли избежать страшных последствий, какими всегда сопровождаются азиатские войны. Тысячи пленных отрывались от своих семейств и появлялись на базарах Трапезунда, Константинополя и Каира.

Хотя условиями Кучук-Кайнарджийского мира страна и была признана вне непосредственной зависимости от Порты, но крепость Поты, ключ к сердцу Менгрелии, базар, куда стекались все пленники, оставалась в руках у турок, и разорение страны не уменьшилось. Изнемогая под тяжестью неравной борьбы, в особенности с соседней Имеретией, мужественный владетель Менгрелии князь Григорий Дадиян решился наконец последовать примеру грузинского царя Георгия XII, на дочери которого был женат, и в марте 1803 года посольство его явилось в Тифлис.

Менгрелия домогалась уже не покровительства или помощи, как это бывало в прежние годы, она просила о включении ее в число русских владений, о доставлении ей спокойствия внутри, безопасности извне, молила о тех светлых днях, которыми уже начала пользоваться единоверная Грузия. Присоединение Менгрелии, лежавшей на самом берегу Черного моря, должно было обнаружить важное политическое влияние на все русское Закавказье, и князь Цицианов горячо отозвался на желания менгрельского князя.

Немедленно составлен был акт, по которому Менгрелия становилась русской провинцией, сохраняя, впрочем, автономное управление и оставаясь в наследственной власти князей Дадиянов на прежних правах и обычаях. Но в число обязательных условий поставлено было уничтожение в Менгрелии смертной казни, как нетерпимой на всем протяжении Российской империи.

В Менгрелию был послан полковник Майнов, который должен был вручить князю Дадияну акт и принять от него присягу на верность русскому государю.

Соседи и особенно имеретинский царь Соломон, понимая всю важность совершившегося события, старались сколько возможно помешать его исполнению, и Майнову пришлось испытать на пути целый ряд приключений. В семейных бумагах сохранились его записки, в которых он подробно рассказывает об этом опасном путешествии.

Прямой путь лежал через Имеретию, и царь Соломон, проведав о поездке Майнова, запретил всякие сношения русских через подвластные ему земли, объявив всем, что заплатит пять тысяч червонцев тому, кто доставит ему «его (то есть Майнова) собачью голову». Тогда Майнов поехал в объезд на Ахалцихе, где, по совету паши, отпустил свой конвой, состоявший из полусотни казаков и роты егерей, переоделся в турецкое платье и, пробираясь через Батум, Озургеты и Поти берегом Черного моря, неоднократно рискуя попасть в руки Соломона, достиг наконец селения Дадичалы (в запис-

ках Майнова – Чаладиди). Там 4 декабря 1803 года князь Дадриан со всеми сановниками княжества принес торжественную присягу на подданство, и Майнов возложил на него при этом знаки ордена Святого Александра Невского.

Участие в знаменательном событии присоединения Менгрелии отмечено на родовом гербе Майновых, в котором тогда же повелено было изобразить на золотом поле вылетающего черного двуглавого орла с распростертыми крыльями, а под ним горизонтально реку с надписью: «Риони».

С присоединением Менгрелии Имеретинское царство очутилось между двумя русскими областями, и потому присоединение к России его самого стало только вопросом времени. И это тем более, что Имеретия некогда была частью Иверии и только с 1445 года, со времени великого разделения, была отторгнута от царства мятежной отраслью Багратидов. А вся политика Цицианова и стремилась к тому, чтобы все обломки древнего царства снова соединить воедино.

И действительно, Цицианов немедленно потребовал от царя Соломона прекращения войны с Менгрелией, а для поддержания этого требования к границам Имеретии было придвинуто русское войско. Но и сам Соломон также понимал значение совершившихся событий и только раздраженный невольным унижением, созданным для него силой самих обстоятельств, колебался, отдаться ли России или Турции.

Последовавшее вскоре падение Ганжи и движение к име-

ретинским границам Кавказского гренадерского полка сделали для него тяготение к Турции уже невозможным, и 16 апреля 1804 года состоялось свидание его с князем Цициановым в одном из пограничных грузинских селений. Впрочем, Соломон еще пытался удержать за собой независимость, но Цицианов принял свои меры. Прощаясь с Соломоном, он объявил ему, что будет иметь с ним свидание другого рода, на ратном поле, со шпагой в руках, а на другой день рота егерей, под начальством подполковника князя Эристова, уже заняла ближайшую имеретинскую деревню и стала приводить крестьян к присяге на верность русскому государю. В то же время приближался к Имеретии целый Кавказский гренадерский полк. Испуганный Соломон просил нового свидания, и 25 апреля 1804 года Имеретия торжественно была присоединена к России.

Этим событием завершилось дело нового объединения Иверийского царства, некогда, за четыреста лет перед тем, расчлененного грузинским царем Александром I и теперь опять составившего нераздельное целое при Александре I, русском императоре.

Вновь присоединенные владения заняты были русским войском, именно – Белевским пехотным полком с артиллерией, переведенным сюда из Крыма. Полк благополучно высадился на берегах Черного моря близ устьев реки Хопи, но в эту же ночь поднялась страшная буря, и одно из десантных судов, корабль «Тольской Божьей Матери», разбив-

шись о прибрежные скалы, погиб со всем своим экипажем из ста шестидесяти восьми человек. И это были единственные косвенные жертвы бескровного приобретения Грузией своих давнишних владений.

Менгрелия и Имеретия уже раз навсегда покончили свое независимое существование, и для них начался период мирного гражданского развития. В октябре того же 1804 года в Менгрелии, правда, возникли волнения, когда внезапно умер князь Григорий Дадиян, но эти волнения вызваны были загадочностью смерти князя, за неделю перед тем бывшего совсем здоровым и вдруг скончавшегося в ужасных мучениях, причем говорили даже, что он отравлен лечившим его католическим ксендзом, будто бы находившимся в тайных сношениях с Соломоном Имеретинским. С другой стороны, эти волнения находили себе основание и в том обстоятельстве, что законный наследник Дадияна, десятилетний сын его Леван, находился заложником за какой-то долг отца у Келиш-бека, владельца Абхазского. Все эти волнения, впрочем, вскоре разрешились дипломатическими сношениями, взятыми в свои руки князем Цициановым. Он потребовал от Келиш-бека выдачи Левана, а когда Келиш-бек отказал, то генерал Рыкгоф, шеф Белевского полка, получил приказание идти в Абхазию и силой взять оттуда наследника Менгрелии.

Действия Рыкгофа, к сожалению, не привели к предложенной цели, недостаток продовольствия и разливы рек по-

мешали ему дойти до Сухума, где содержался Леван. Но, возвращаясь назад, он захватил приморскую крепость Анаклию, принадлежавшую Турции; и хотя князь Цицианов приказал немедленно сдать ее обратно и даже извинился перед турецким правительством, но этим случаем воспользовались наши враги, чтобы начать против России дипломатическую кампанию, в конце концов и приведшую ее к полному разрыву и к войне с Османской Портой.

Враждебная политика Турции, сильно заботившая князя Цицианова, не заставила его, однако же, остановиться на полпути к освобождению Левана. Вместо генерала Рыкгофа пошел генерал Маматказин, шеф Кавказского гренадерского полка, с приказанием не оставить в Абхазии камня на камне, но Маматказину уже не пришлось употребить силу – Леван был выдан добровольно. С прибытием юного наследника волнения и беспорядки в Менгрелии мало-помалу затихли. Леван провозглашен был владельцем, и 10 июня 1805 года статский советник Литвинов торжественно, в присутствии знатнейших сановников Менгрельского княжества, вручил ему знаки владетельской инвеституры: высочайшую грамоту, меч, знамя и бриллиантовый орден Святой Анны 1-й степени. Временной же правительницей Менгрелии до совершеннолетия Левана тогда же утверждена была вдовствующая менгрельская княгиня Нина Георгиевна, женщина бесспорно умная, энергичная и преданная России.

А между тем, когда еще вопрос о присоединении к рус-

ским владениям Менгрелии и Имеретии только постепенно шел к своему разрешению, на персидской границе дела усложнялись.

Уничтожив в 1803 году старинных врагов Грузии лезгин, издавна периодически опустошавших Кахетию и покрывавших ее почву кровью ее сынов и пеплом пожаров, Цицианов, для ограждения русских владений от персов и турок, задумал в том же году овладеть ближайшим к Грузии Ганжинским ханством, потом идти на Эривань, взять Баку и таким образом утвердить русское влияние на Каспийском побережье Закавказья.

Войска уже были готовы к походу, когда получились известия о новом восстании джаро-белоканских лезгин, подстрекаемых самухскими беками и елисуйским султаном. Цицианов отрядил против них опять генерала Гулякова, а сам с шестью батальонами пехоты, с Нарвским драгунским полком и двенадцатью орудиями двинулся к Ганже.

Вступив в пределы ханства, главнокомандующий отправил к Джавату, хану Ганжинскому, письмо, требуя добровольной покорности. «Первая и главная причина моего прихода сюда, — писал он ему, — та, что Ганжа со времени царицы Тамары принадлежала Грузии и слабостью царей грузинских отторгнута от оной. Всероссийская империя, приняв Грузию в свое высокомогущее покровительство и подданство, не может взирать с равнодушием на расторжение Грузии; и недостойно бы было с силой и достоинством высокомогущей и Бо-

гом вознесенной Российской империи оставить Ганжу, яко достояние и часть Грузии, в руках чужих. Пришед с войсками брать город, я, по обычаю европейскому и по вере, мной исповедуемой, должен, не приступая к пролитию крови человеческой, предложить вам сдачу города. Буде завтра в полдень не получу ответа, то брань возгорится, понесу под Ганжу огонь и меч, и вы узнаете, умею ли я держать свое слово».

Джават-хан, тот самый, который вместе с агой Мохаммедом грабил Тифлис, самоуверенно ответил, что намерен дать отпор и что «ежели русские пушки длиной в аршин, то его пушки – в четыре аршина». «Где это видано, – писал Джават-хан, – чтобы вы были храбрее персиян. Видно, несчастный рок доставил вас сюда из Петербурга, и вы испытаете его удар».

После такого ответа русские войска двинулись вперед и, овладев садами, городским предместьем и караван-сараями, отделявшимся от крепостной стены лишь одной эспланадой, открыли орудийный огонь. Джават-хан защищался геройски; целый месяц длилась осада, пять раз возобновлял Цицианов требования сдать крепость, но все было напрасно. «Я возьму крепость и предам тебя смерти», – писал он упрямому хану. «Ты найдешь меня мертвым на крепостной стене», – отвечал Джават, и оба клялись исполнить свои обещания. Наконец 2 января 1804 года военный совет порешил: «Быть штурму на следующий день».

Цицианов разделил войска на две колонны, из которых

одна (два батальона Кавказского гренадерского и Севастопольского полков и два спешенных эскадрона нарвских драгун) была поручена генерал-майору Портнягину, а другая (два батальона семнадцатого егерского полка) – полковнику Карягину.

Ночь со 2 на 3 января была темная, морозная, и войска, с вечера собранные на места, назначенные по диспозиции, тихо, без обычных церемоний, отнесли знамена и штандарты назад, на мечетный двор, куда потянулась также вся татарская милиция «как не достойная (по выражению цициановского донесения) по своей неверности вести войну обще с высокославными российскими войсками». Еще было темно, когда войска подступили под крепость. Несколько горящих подсветов, брошенных неприятелем в ров, осветили русские штурмовые колонны, и с крепостной стены загремели орудия, посыпались стрелы и камни.

Приступ начался.

Колонна генерала Портнягина, приблизившись к карабагским воротам, приняла вправо, чтобы ворваться через брешь, пробитую накануне в земляной стене, но так как против этой брешы сосредоточились главные силы ганжинцев, то Портнягину пришлось поневоле оставить ее в стороне и штурмовать крепостную стену при помощи лестниц. Сопротивление, встреченное им, было, однако же, так велико, что русские войска два раза возобновляли приступ и два раза были отбиты со значительным уроном. Тогда Портнягин бро-

силлся сам во главе колонны и первый взошел на стену. Вслед за ним появился Нарвского полка поручик Кейт и тут же пал, пораженный несколькими пулями. Та же участь постигла майора Бартенева, который, несмотря на свои преклонные лета, бросился вперед, желая увлечь за собой севастропольцев. Наконец, уже подполковнику Симановичу во главе гренадер удалось взобраться по лестницам на стену и выручить Портнягина, окруженного татарами. В это время вторая колонна, предводимая «храбрым, поседевшим под ружьем» полковником Карягиным, взошла на стену со стороны Тифлиских ворот и овладела главной башней. Другие две башни были взяты последовательно одна за другой майором Лисаневичем, и в одной из них, Хаджи-Кале, был убит сам Джават-хан, не захотевший искать спасения в бегстве. Видя безвыходность своего положения, он сел на пушку и с саблей в руке защищался, пока не был изрублен капитаном Каловским, который и сам тут же был убит татарами. Смерть хана внесла смятение в ряды неприятеля, он скоро был сброшен со стен, и майор Лисаневич, разгоняя штыками последние, еще державшиеся кое-где неприятельские резервы, пробился к воротам, заваленным тяжелыми камнями. Но пока он разбрасывал их, пока сбивал тяжелые засовы, солдаты успели перетащить за собой на стены огромные пятисаженные лестницы и по ним стали спускаться в город.

А в городе в это время стояло ужасное смятение. Толпы татар, и конных, и пеших, в беспорядке носились по ули-

цам, тщетно разыскивая уже погибший ханский бунчук. Растерявшиеся жители прятались в домах и сараях, женщины оглашали воздух неистовыми криками. Между тем солдаты штыками очищали от неприятеля улицы, сплошь покрытые мертвыми телами, и захватывали добычу, находя даже на лошадях драгоценные золотые уборы. К полудню бой стал утихать и вспыхнул вновь только на один момент, когда солдаты наткнулись на пятьсот татар, засевших в мечети. Сперва им предложили сдаться, но когда узнали, что в числе запершихся находятся лезгины, это послужило сигналом для смерти всех защитников – так сильна была ненависть к лезгинам уже и в русских войсках.

Цицианов глубоко оценил подвиги солдат при взятии Ганжинской крепости.

«Что касается меня, – писал он по этому поводу, – то я не пришел еще в себя от трудов, ужасной картины кровопролитного боя, радости и славы. Счастливый штурм этот есть доказательство морального превосходства русских над персиянами и того духа уверенности в победе, который питать и воспламенять в солдатах считаю первой моей целью».

В Ганже взяты были девять знамен, двенадцать орудий, шесть фальконетов и большие запасы оружия и провианта. Русским же ганжинский штурм стоил семнадцати офицеров и двухсот двадцати семи нижних чинов, выбывших из строя. Но зато вооруженный неприятель был совершенно уничтожен. Достоинно, однако, замечания, что из девяти тысяч жен-

щин, находившихся в городе, ни одна не погибла во время штурма – обстоятельство неслыханное и непонятное в крае, поставившее в тупик азиатов, с удивлением видевших, что гяуры никого не увлекают в рабство, как того требовал давно установившийся в Азии обычай.

В числе пленных представлено было князю Цицианову ханское семейство, в самом несчастном и жалком положении. Уважая военную доблесть павшего геройской смертью хана, главнокомандующий даровал его семейству свободу и щедро одарил его деньгами и подарками. Этот великодушный поступок быстро стал известен в горах, вызывая новое удивление и возвышая славу Цицианова.

Впечатление от падения Ганжи было так сильно в крае, что татары и поныне хранят память о нем в своих былинных песнях. Вот что говорится в одной из них:

«Братья! Послушайте меня, старика: я расскажу вам историю гибели славного города Ганжи.

Я помню сам ту страшную минуту, когда на главных бастионах перестали веять наши знамена.

Не думая о других убитых, мы плакали только о храбром Джават-хане, в лице которого утратили последнюю надежду, и грозная когда-то Ганжа уже почти без боя сдалась русским.

Тело бедного хана было брошено на улицу, но мы схоронили его и ждали себе подобной же участи, тем более что Шемаха и Шуша не дали нам обещанной помощи.

Ганжа пала в самую ночь великого Байрама, и вместо

праздника и радости мы видели только кровь, рекой оmyвающую крепость.

Испуганные женщины были полумертвы; и куда девалась тогда красота их? Она, как роза, убитая дыханием бури и холода, сбежала с их лиц.

Не русские делали нам притеснения, обидно было смотреть, как драгоценности Ганжи переходили в руки казахов и барчалинцев.

Но прошедшего не воротишь. Велик Аллах, предопределивший жребий наш! Взгляните, друзья, на нашу настоящую жизнь: не счастливее ли мы теперь во сто крат, чем были прежде?»

Взятие Ганжи было событием чрезвычайной важности уже и потому, что крепость эта считалась ключом к северным провинциям Персии. Поэтому, желая убедить побежденных, что русские уже никогда не оставят завоеванного края и что самое название Ганжи должно истребиться из памяти народа, Цицианов назвал город Елизаветполем, в честь императрицы Елизаветы Алексеевны.

Старая крепость, свидетельница штурма, уже давно стоит в развалинах, но и теперь еще видны остатки ханского дома, сераля и других построек. В одной из них посетителям показывают две небольшие комнаты, которые занимал князь Цицианов по взятии крепости и где он любил останавливаться, посещая Ганжу впоследствии. Поныне же стоит и скромная мечеть в городском предместье, осененная гигантскими

чинарами, которые считаются ровесниками самого здания, имеющего за собой более двухсот пятидесяти лет. Двор мечети обнесен каменной стеной, и по ней кругом устроены помещения для духовенства, школ и дервишей. Две маленькие комнатки, которые занимал покоритель Ганжи во время осады, уцелели до нашего времени в своем первобытном виде, и князь Воронцов, сподвижник геройских дел Цицианова, будучи уже наместником, приказал поместить на наружной стороне этого жилища мраморную доску с надписью из золоченой бронзы.

Всем участникам осады и штурма Ганжи были пожалованы особые серебряные медали; Цицианов произведен в генералы от инфантерии. Но он, как свидетельствуют его письма, был огорчен этой наградой: он ожидал Георгия 2-й степени.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.